

Russ.

150

we

Russ.

150no₌

Schtschebalski

РАССКАЗЫ

ИЗ ПИСЕМ И ДНЕВНИКОВ

Д. П. ПИСЬМЕНКО

ПЕЧАТ

1914

В МОСКОВСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

1914

Schtsch...

РАЗСКАЗЫ

0

ЗАПАДНОЙ РУСИ

П. ЩЕВАЛЬСКАГО.

(Издание второе).

МОСКВА.

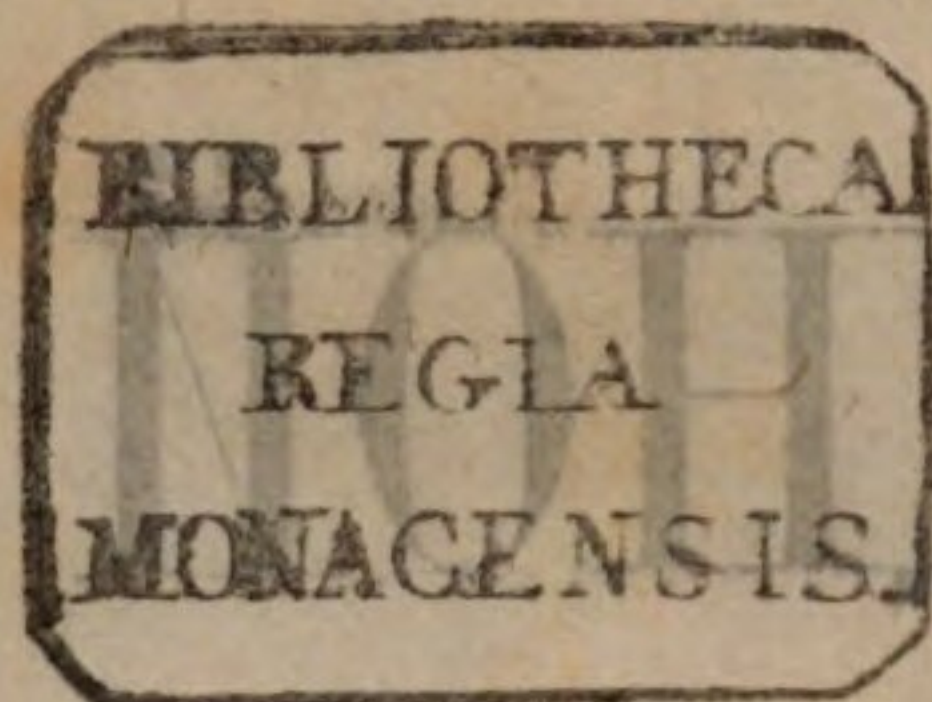
Въ типографіи П. Бахметева, на Малой Дмитровкѣ № 14.

1866.

9-12.

РАЗСКАЗЫ

0

Дозволено цензурой. Москва, Августа 9-го дня 1866 г.

П. ПЕРВАЯ СКАЛО.

(Издание второе)

МОСКВА

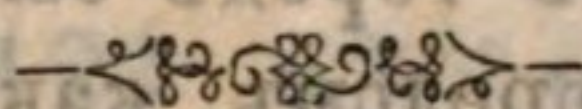
Въ типографіи Н. Пашкевича на Малой Дмитровской № 14

1866

РАЗСКАЗЫ

О

ЗАПАДНОЙ РУСИ.

I.

Границы древней Руси. — Раздробленіе ея на удѣлы. — Владиміръ Мономахъ. — Вторженіе Татаръ и покореніе ими Россіи. — Литва и Литовское княжество. — Завоеваніе литовскими князьями западныхъ русскихъ княжествъ. — Въ Литву проникають русскій языкъ и восточное православіе. — Литовскій князь Ягелло дѣлается польскимъ королемъ (1386 г.). — Обращеніе Литвы въ католичество.

Русское государство имѣло весьма давно почти тѣ же границы, какія оно имѣетъ теперь, и было почти также обширно. Если сравнить нынѣшнюю Россію съ Россіей вѣременъ Владиміра Святаго и Ярослава, то окажется, что старинная Русь, за исключеніемъ Сибири, не владѣла лишь Крымомъ, Кавказомъ да Финляндіей. Поселенія русскія находились однако близко и къ Кавказу, и къ Финляндіи: за Азовскимъ моремъ, на Кубани, княжилъ одинъ изъ сыновей Ярославовыхъ, а съ другой стороны, на самомъ берегу Финскаго залива, существовали издавна русскія деревни, каковы: Копорье, Ямъ, въ нынѣшней Петербургской губерніи, Калинкина, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ теперь стоитъ Петербургъ, и нѣкоторыя другія.

Эти ямы и деревни были разбросаны посреди населенія, принадлежащаго къ совершенно другому, не славянскому племени, — финскому. Финское племя занимало значительную часть нынѣшней Россіи, отъ Финляндіи до самой Перми, подъ именами: Кореловъ, Мордвы, Чувашей, Вотяковъ и другихъ. Между этими инородцами поселялись новгородскіе выходцы, приучая ихъ заниматься тѣми же, какъ и они, промыслами, говорить русскимъ языкомъ, строить русскія избы, молиться по обряду восточной церкви и признавать зависимость отъ русскихъ князей и посадниковъ.

Въ другія стороны славянское племя тоже распространялось и заводило свои поселенія и городки, напримѣръ, за Чудскимъ озеромъ; нынѣшній городъ Дерптъ былъ построенъ Русскими и назывался Юрьевымъ. Далѣе, по Западной Двинѣ и Нѣману, жило литовское племя, а за За-

паднымъ Бугомъ—польское, по сосѣдству съ которыми стояли старинныя русскіе городки: Городня, Берестье Овручъ, Владиміръ-Волинскій, Туровъ, Кременецъ, Каменецъ-Подольскій, Лодыжинъ (нынѣ селеніе);—все это были, слишкомъ 700 лѣтъ тому назадъ, города русскіе, населенныя русскими людьми и принадлежавшіе къ русской державѣ. Кромѣ того, русскими же людьми была населена, повиновалась русскимъ князьямъ и исповѣдывала православную вѣру вся та страна, которая нынѣ причислена къ Австріи и царству Польскому и въ которой были города: Люблинъ, Холмъ, Галичъ и другіе.

Велика, слѣдовательно, была земля Русская и 700 лѣтъ тому назадъ но порядка въ ней не было, также какъ и въ то время, когда Новгородцы призвали къ себѣ князей изъ-за моря *); неурядица состояла въ томъ, что чуть не въ каждомъ городѣ былъ особый князь, который имѣлъ свою рать и правилъ тѣмъ городомъ, какъ ему приходило на умъ; притомъ же рѣдкій князь не завидовалъ своему сосѣду, полагая, что у него волости богаче или больше слугъ; а какъ отъ зависти до вражды недалеко, то ссоры и войны между князьями были безпрестанныя. Правда, надъ всѣми этими князьями былъ князь великій, котораго и удѣлъ былъ больше и казна богаче другихъ; но по этому случаю всѣ другіе князья ему завидовали и, случалось, соединяли свои рати, чтобъ умѣрить его власть. Отъ всѣхъ же этихъ войнъ князей между собою и съ великимъ княземъ страдалъ народъ, погорали города и притапывались луга и нивы.

Немного времени прошло послѣ смерти Ярослава, который былъ единымъ государемъ всей земли Русской и правилъ ею мудро и счастливо, а уже внуки его, стало-быть двоюродные между собою братья, рѣзались какъ лютые враги. По счастію, былъ изъ нихъ одинъ, которому дороги были и кровь, и благо Русскаго народа; это былъ Владиміръ, по прозванію Мономахъ. Славный князь этотъ много напоминалъ своего прадѣда, Владиміра Святаго, равноапостольнаго: былъ щедръ и ласковъ, и набоженъ, какъ онъ. Кромѣ того, онъ былъ храбрый витязь, много и храбро бился съ кочевыми народами, которые изъ степей при-донскихъ надвигались часто на кіевскія земли; когда же не было враговъ, отъ которыхъ бы оборонять Россію, то бодрый князь этотъ выѣзжалъ на звѣря и упражнялъ свою удалъ на вепряхъ и медвѣдяхъ. Народъ любилъ Владиміра за эту его удалъ, за ласковость, за щедрость, за набожность, и еще болѣе за то, что онъ былъ истинный радѣтель земли Русской. До свѣта поднимался онъ съ постели, слушалъ обѣдню, потомъ думалъ, т. е. судилъ съ дружиною своею о дѣлахъ правленія, разбиралъ людей, которые приходили къ нему съ жалобами; самъ ихъ выслушивалъ, самъ и рѣшенія давалъ; спалъ по отцовскому обычаю нѣсколько времени послѣ обѣда, а потомъ опять принималъ тѣхъ, которымъ было до него дѣло, и такъ трудился до вечера. Видя, что князья только ссорятся между со-

* О) томъ, какъ Новгородцы призвали князей изъ-за моря, смотри: «Начало Руси» зочиненіе П. Щебальскаго.

бою и потѣшаютъ тѣмъ враговъ отечества, Владиміръ уговорилъ ихъ всѣхъ съѣхаться вмѣстѣ, разобрать на общемъ совѣтѣ, кто противъ кого имѣетъ какія жалобы, и оправить правыхъ, а неправымъ заказать чинить неправду. Князья послушались Владиміра, съѣхались, чтобы разобрать-ся между собою по совѣсти, и цѣловали на томъ крестѣ. «Если теперь кто-нибудь изъ насъ поднимется на другаго, говорили они, то мы всѣ встанемъ на зачинщика, и крестъ честной будетъ на него же, и вся земля Русская.»

За это народъ называлъ Владиміра «братолюбцемъ». Когда умеръ кievскій великій князь, то Кіевляне послали къ Владиміру, хотя онъ былъ и не старшій изъ князей, сказать ему: «Ступай, князь, на престолъ отцовскій и дѣдовскій».

Но недолго сидѣлъ на велико-княжескомъ престолѣ Владиміръ, — всего 12 лѣтъ, и умеръ въ Кіевѣ (1123 г.), оплаканный народомъ. «Слава его прошла, говорили о немъ, по всѣмъ странамъ; былъ онъ братолюбивъ и нищелюбивъ и добрый радѣтель за Русскую землю»

Каковъ человекъ былъ этотъ князь, видно изъ завѣщанія, которое онъ написалъ сыновьямъ своимъ: «Имѣйте страхъ Божій въ сердцѣ и милостыню творите неоскудную, писалъ онъ. Не забывайте убогихъ; но сколько можете, по силѣ, кормите; больше другихъ подавайте сиротѣ; сами управляйте вдовъ, и не позволяйте сильнымъ погубить человека. Ни праваго, ни виноватаго не убивайте, и не приказывайте убивать. Когда придется вамъ крестъ цѣловать, цѣлуйте, подумавши, — можете ли сдержать клятву, и разъ поцѣловавши крестъ, берегитесь, чтобы не погубить души своей. Пуще всего не имѣйте гордости въ сердцѣ и умѣ; говорите: «всѣ мы смертны, нынѣ живы, а завтра въ гробъ». Старшихъ чтите какъ отцовъ, младшихъ какъ братію. Остерегайтесь лжи, пьянства, блуда: въ этихъ порокахъ и душа, и тѣло погибаютъ. Что знаете добраго, того не забывайте, а чего еще не знаете, тому учитесь. Не лѣнитесь ни на что доброе, а пуще всего не лѣнитесь ходить въ церковь: да не застанетъ васъ солнце въ постели.»

Сильно завѣщалъ также умный и добрый князь сыновьямъ, да и всѣмъ русскимъ князьямъ, какъ людямъ одной семьи, жить въ дружбѣ между собою и уважать старшаго между ними великаго князя. Но они худо исполняли завѣщаніе Мономахово, и снова послѣ его смерти пошли ссоры и усобицы. Князь вставалъ противъ князя, городъ противъ города, область противъ области. Земля Русская отъ этихъ смутъ и рѣзни слабѣла, и не могла уже дать сильнаго отпора врагамъ, а враги, и враги страшные, были близко. Они назывались Татары и Литва.

Татары были народъ кочевой, бродячій; не было у него ни городовъ, ни селеній, ни даже собственной земли, а переходилъ онъ съ мѣста на мѣсто, гоня передъ собою несчетные табуны коней, верблюдовъ и барановъ. Такъ прикочевалъ онъ лѣтъ за 650 передъ нынѣшнимъ временемъ къ Азовскому морю, имѣлъ бой съ русскими князьями на рѣкѣ

Калкъ, жестоко порубилъ ихъ войско, но затѣмъ вдругъ исчезъ такъ же неожиданно, какъ явился.

Но онъ исчезъ не надолго. Черезъ 12 лѣтъ, а именно, въ 1237 году по Рождествѣ Христовомъ, Татары снова появились изъ-за Каспійскаго моря и Волги, ворвались въ землю рязанскую, все выжгли, все опустошили въ ней, и какъ моровая язва прошли по землѣ владимірской, московской, тверской, кинулись было къ Новгороду, но вдругъ повернули въ другую сторону, разорили черниговскій удѣлъ и подступили къ Кіеву.

Что же дѣлали въ это время князья наши? Зачѣмъ не отстаивали свое отечество? Они только препирались и ссорились между собою. Въ чей удѣлъ врывались Татары, — тамъ князь, по большей части, давалъ храбрый отпоръ, но сосѣдніе смотрѣли и не двигались. Не было уже Мономаха, чтобы скликнуть всѣхъ князей земли Русской, заставить ихъ обняться по-братски и поцѣловать крестъ на честное служеніе землѣ!

Ханомъ татарскимъ былъ въ это время Батый. Его имя и теперь съ ужасомъ воспоминаетъ народъ Русскій. Когда онъ подступалъ къ Кіеву, князь убѣжалъ изъ города, но жители рѣшились защищаться; бились до смерти, но сила татарская одолѣла. Паль Кіевъ, — колыбель городовъ русскихъ, былъ выжженъ до тла и много вѣковъ потомъ не могъ подняться.

Изъ-подъ Кіева Батый прошелъ съ огнемъ и мечомъ земли волынскую, подольскую и галицкую, побилъ Венгровъ и Поляковъ и потомъ, поворота назадъ, расположился со всею ордою своею на Волгѣ, повыше теперешней Астрахани.

Отсюда онъ потребовалъ, чтобы великіе князья являлись къ нему съ данью, чтобъ они не смѣли управлять Русью безъ его согласія; судилъ, рядилъ ихъ и давалъ старшинство, которому хотѣлъ.

Такимъ образомъ славное государство Ярослава и Владиміра стало зависимымъ отъ дикаго Татарина. Но это было не все. Еще до нашествія Татаръ великіе князья перенесли свое жительство изъ Кіева въ Суздаль, а потомъ во Владиміръ. Оттуда и бодрому князю трудно было бы управлять такими отдаленными землями, какъ подольская и галицкая, или даже волынская. Случилось притомъ, что въ это время на Волыни княжили одинъ за другимъ два сильные и храбрые князя: Романъ и сынъ его Данилъ. Романъ присоединилъ къ своему княжеству Подоль и землю Галицкую, сынъ же его, переставъ бояться великаго князя и породнившись съ сосѣдними государями, польскимъ и венгерскимъ, сталъ именоваться королемъ галицкимъ, и государство его вовсе отдѣлилось отъ остальной Руси.

Данилъ надѣялся чрезъ это отдѣлаться отъ власти Татаръ, но расчетъ его оказался невѣрнымъ. Русь, хотя и не скоро, но отдѣлалась отъ татарскаго ига, а его владѣнія подпали подъ другую, хотя и менѣе тяжелую сначала власть, но которую было гораздо труднѣе свергнуть, — власть Литвы.

Уже было сказано о Литвѣ. Народъ этотъ жилъ по рѣкамъ Западной Двинѣ, Нѣману и далѣе вдоль береговъ Балтійскаго моря, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ нынѣ Прусское королевство. Литовцы были народъ бѣдный, а въ началѣ и миролюбивый. Тѣ изъ нихъ, которые жили къ нынѣшней Пруссіи, завоеваны были Нѣмцами, а тѣ, которые жили въ сосѣдствѣ Славянъ, платили первымъ князьямъ нашимъ дань, и какъ въ землѣ литовской не было ни серебра, ни золота, то дань эта состояла изъ вѣнниковъ.

Литвины были язычники и въ старинныхъ ихъ повѣрьяхъ есть много сходнаго съ нашими. Также какъ и древніе Славяне, они думали, что есть дни счастливые, въ которые все удается, и несчастливые, въ которые не должно начинать никакого дѣла. Если человѣкъ, выѣхавъ въ дорогу, встрѣчалъ овцу, — это значило, что поѣздка совершится благополучно; если же встрѣчалъ зайца или лисицу, то надо было ожидать неудачи. Если сорока принималась стрекотать на дворѣ, хозяинъ ожидалъ гостей.

Вѣря въ примѣты, Литовцы вѣрили и въ гаданье, и многія гаданья ихъ похожи на русскія: дѣвицы у нихъ лили воскъ, перекидывали черезъ себя башмакъ или лапотъ; точно также какъ Русскіе, Литовцы боялись глаза, вынимали *слюдъ* у человѣка. По селеніямъ литовскимъ бродили гадальщики и гадальщицы, и народъ угощалъ ихъ и ласкалъ, прося предсказывать будущее.

Также какъ у Славянъ, у Литовцевъ богослуженіе рѣдко совершалось въ храмахъ, но были особыя священныя рощи, куда они сходились для отправленія своихъ обрядовъ. Въ рощахъ этихъ горѣлъ огонь, который жрецы, или *вайделоты*, должны были поддерживать неугасимо. Огонь былъ главнымъ божествомъ Литовцевъ, и каждый хозяинъ заботился, чтобъ онъ горѣлъ въ его печи днемъ и ночью, не угасая.

Кромѣ огня, они обожали различныхъ животныхъ. Аистъ была у нихъ священная птица, и разорить его гнѣздо никто не осмѣливался; напротивъ, считалось счастьемъ, если возлѣ чьего-нибудь двора поселялись аисты; это повѣрье и теперь еще сохраняется въ Литвѣ и Бѣлоруссіи. Литовцы обожали также ужей. Кромѣ того, они имѣли множество боговъ и духовъ, изъ которыхъ одни считались покровителями пчелъ, другіе — стадъ, третьи — садовъ; лошади, овцы, свиньи — имѣли каждая особаго покровителя. Литовцы обожали также громъ и молнію. Литвинъ, услышавъ громъ, поспѣшно снималъ шапку и предлагалъ гремящему боже-ству пищу.

Богослуженіе Литовцевъ состояло главнѣйше въ жертвоприношеніяхъ; чаще всего приносились въ жертву козлы; это дѣлалось съ различными приговорами и припѣвами; убивши козла, его пачинали поджаривать и потомъ съѣдали во славу боговъ, запивая пивомъ и медомъ, при чемъ обычай требовалъ ѣсть до отвалу и пить до опьяненія.

Страна литовская была скудная, болотистая и лѣсистая селенія были малыя и состояли изъ двухъ-трехъ дворовъ, а нерѣдко и одно жилье

составляло все селеніе. Управлялись они своими князьями, и князья эти, подобно русскимъ, часто враждовали между собою и помогали общимъ недругамъ Литвы.

Главнѣйшимъ изъ такихъ недруговъ были Нѣмцы, которые поселились сначала въ Пруссіи, а потомъ близъ впаденія Двины въ море, гдѣ построили городъ Ригу. Они прибыли сюда, чтобъ обращать язычниковъ въ христіанство и дѣлать ихъ католиками, но дѣлали это не посредствомъ проповѣди, согласно духу христіанскому, а мечомъ и насиліемъ. Какова ни была вѣра Литовцевъ, но они были къ ней привязаны и не хотѣли дозволить постороннимъ людямъ рубить ихъ священныя рощи и ругаться надъ ихъ божествами. Началась между ними и Нѣмцами отчаянная война, продолжавшаяся почти безпрестанно двѣсти лѣтъ. Нѣмцы были гораздо искуснѣе Литовцевъ въ военномъ дѣлѣ, вступали въ бой не иначе, какъ прикрытые крѣпкими щитами, желѣзными панцырями, и потому вообще побѣждали Литовцевъ; но и Литовцы съ своей стороны, изъ мирныхъ поселянъ и звѣролововъ, становились бодрыми воинами, и храбрѣйшіе изъ ихъ князей, тѣ, которые счастливѣе и искуснѣе воевали противъ Нѣмцевъ, начинали брать верхъ надъ прочими князьями, принуждать ихъ къ повиновенію и такимъ образомъ утверждать между Литовцами верховную и единую власть.

Это происходило именно въ то время, когда въ Россіи, наоборотъ, верховная власть дробилась и расходилась по рукамъ князей удѣльных. Литовцы не только перестали платить намъ дань, но начали мало-помалу захватывать русскіе города, какъ напримѣръ: Полоцкъ, Витебскъ, Минскъ и даже Смоленскъ и Черниговъ.

Между тѣмъ, верховнымъ княземъ и правителемъ Литвы сдѣлался человекъ очень замѣчательный, по имени Гедиминъ. Это случилось около ста лѣтъ послѣ перваго появленія Татаръ (1320). Отбиваясь отъ Нѣмцевъ, Гедиминъ въ то же время распространилъ мало-по-малу свои завоеванія въ Россіи, овладѣлъ княжествомъ пинскимъ (въ нынѣшней Минской губерніи), Владиміромъ, Луцкомъ, Овручемъ, всею землею волинскою и подступилъ къ самому Кіеву. Кіевляне встрѣтили Литовцевъ въ полѣ, но были разбиты; засѣли потомъ за городскими стѣнами, но видя, что отсидѣться и тамъ не могутъ, рѣшились покориться. Духовенство выступило изъ воротъ съ крестами и хоругвями, умоляя грознаго завоевателя не нарушать вѣры православной и прадѣдовскихъ обычаевъ. Гедиминъ обѣщалъ и сдержалъ обѣщаніе; потомъ онъ повернулъ отъ Днѣпра въглубь Россіи и прошелъ до Путивля и Брянска, вездѣ сажая своихъ князей и намѣстниковъ, обѣщая при этомъ оставлять жителей при ихъ вѣрѣ и обычаяхъ и защищать ихъ отъ Татаръ.

Около этого же времени Галиція была присоединена къ Польшѣ. Такимъ образомъ поль-Россіи отдѣлилось отъ другой половины: отъ Витебска, Смоленска, Брянска и Путивля до самой польской и венгерской границы Русь подчинилась Литвѣ и отчасти Польшѣ. Остальная половина Россіи платила дань Татарамъ.

Замѣтимъ однакожь, что зависимость отъ Литвы была легче татарской. Гедиминъ былъ человѣкъ большаго ума, строгій, но справедливый, и напрасныхъ притѣсненій не дѣлалъ, требовалъ отъ русскихъ своихъ подданныхъ только повиновенія и не мѣшалъ имъ управляться по прежнимъ ихъ порядкамъ и обычаямъ; вѣры же православной не только не утѣснялъ, но оказывалъ ей уваженіе, никому изъ своихъ подданныхъ не мѣшалъ креститься и женилъ сыновей своихъ на русскихъ княжнахъ.

Князья же эти, пріѣзжая намѣстниками въ русскіе удѣлы, скоро привыкли говорить по-русски, и принимая святое крещеніе, принимали и русскія имена, и дѣлались вполне Русскими, такъ что нѣкоторые изъ славнѣйшихъ родовъ нашихъ, которые лѣтъ по 400 и больше считаются чистыми Русскими, происходятъ отъ литовскихъ князей, какъ напримѣръ Голицыны, Хованскіе и Куракины. Притомъ столько литовскихъ князей женилось на русскихъ княжнахъ, и русскихъ князей на княжнахъ литовскихъ, что народъ привыкъ думать, будто оба княжескіе рода, — Гедиминовъ и Владиміровъ, — происходятъ отъ одного корня. Сами князья литовскіе мало различали Русь отъ своей родины; одинъ изъ нихъ храбро бился противъ Татаръ вмѣстѣ съ Дмитріемъ Донскимъ въ знаменитой битвѣ Куликовской; другой, еще ранѣе, славно защищалъ Псковъ противъ Нѣмцевъ и за благочестіе свое причтенъ нашею церковью къ лику святыхъ: всякій Псковичъ вѣрно поклонялся мощамъ князя Довмонта и видѣлъ его богатырскій мечъ въ старинномъ псковскомъ соборѣ.

Съ княжнами русскими, выходившими замужъ въ Литву, пріѣзжали ихъ духовники и свободно отправляли богослуженіе въ самомъ дворцѣ великокняжескомъ. Въ столицѣ Литвы, Вильнѣ, и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ, напримѣръ, въ Новъ-городкѣ (нынѣшней Гродненской губерніи) воздвиглись церкви и монастыри православные; нѣкоторые знатные Литовцы начинали принимать православіе, которое, въ противность латинству, распространялось безъ насилія и угрозъ; съ вѣрою русскою начиналъ входить въ Литву и русскій языкъ, потому что у Литовцевъ не было своей грамоты; вообще народъ этотъ долженъ былъ, казалось, подобно финскимъ племенамъ (Меръ, Муромъ и др.) слиться съ Русью, съ которою, какъ уже замѣчено, онъ имѣлъ много сходнаго. Но все это вдругъ перемѣнилось при внуцѣ Гедиминовѣ, Ягеллѣ.

Ягелло далеко не имѣлъ способностей своего дѣда и отца (Ольгерда), но его называютъ счастливымъ, — и точно, счастье ласкало его съ самой колыбели. Матерью его была тверская княжна, послѣдняя жена Ольгердова, уважаемая мужемъ и которая нѣжно любила Ягелла. Она устроила, что старый князь, умирая, оставилъ ему свое наслѣдіе, помимо другихъ сыновей, старшихъ, родившихся отъ другихъ женъ. Но это было не все. Счастье привело его сдѣлаться государемъ обширнаго и славнаго въ свое время королевства Польскаго.

Польскій королевскій родъ въ это время вымеръ; осталась отъ него одна малолѣтняя королева, по имени Ядвига. Знатные польскіе паны стали пріискивать ей жениха и обратили вниманіе на великаго князя

литовскаго; Ягелло былъ радъ такому браку и сулилъ щедрыя награды тѣмъ, которые взяли бы ему помогать; онъ обѣщалъ, кромѣ того, обратить въ католическую вѣру весь народъ свой и окреститься самъ; государство же Литовское связать воедино съ Польскимъ.

Нѣсколько лѣтъ однакожь шли обо всемъ этомъ переговоры. Многіе изъ Поляковъ не хотѣли допустить, чтобъ ихъ молодая прекрасная королевна сдѣлалась женою дикаря, какимъ былъ Ягелло, и чтобъ онъ надъ ними властвовалъ. Сама Ядвига пришла въ ужасъ, когда ей сказали объ этомъ. Литовцы были извѣстны въ Польшѣ только по набѣгамъ, которые дѣлали на польскія земли, при чемъ они грабили села и города, уводили плѣнныхъ, и какъ язычники, раздраженные католическими проповѣдниками, ругались надъ польскими храмами. Ядвига воображала при томъ, что и самъ суженый ея мало похожъ на человека, но какъ звѣрь лѣсной, покрытъ съ ногъ до головы шерстью.

Но католическому духовенству очень понравилась мысль связать Польшу съ Литвою. Уже около 200 лѣтъ Нѣмцы старались сдѣлать страну эту католическою, но не могли; теперь же самъ великій князь обѣщалъ помогать въ этомъ и подать примѣръ своему народу. При томъ между подданными Ягеллы были цѣлые миллионы христіанъ, не признававшихъ папы (православныхъ): теперь представлялся случай поворотить ихъ въ латинство.

Все это было представлено набожной Ядвигѣ; ей твердили, что слава апостольская ее ожидаетъ, если она поможетъ обратить столько язычниковъ и *схизматиковъ* (православныхъ) въ латинство—и она согласилась. Ягелло прибылъ въ Польшу, принялъ крещеніе по католическому обряду и обвѣнчался съ Ядвигой, послѣ чего онъ былъ признанъ королемъ Польши. Это происходило въ 1386 году. Польскіе вельможи торжествовали; торжествовалъ и Ягелло, вѣнчаясь королевскимъ вѣнцомъ въ старинномъ городѣ Краковѣ. Онъ далъ обѣдъ, на которомъ было болѣе тысячи гостей; вокругъ же столовъ пѣли пѣсенники, плясали плясуны, фокусники показывали фокусы, и люди въ странныхъ нарядахъ и маскахъ расхаживали по заламъ; а вечеромъ начались танцы, конскія скачки и примѣрные бои, называвшіеся турнирами.

Пированье и увеселенія эти были однакожь омрачены однимъ происшествіемъ. Когда Ягелло объявилъ о намѣреніи своемъ принять латинскую вѣру, то нѣкоторые изъ его братьевъ, бывшіе съ нимъ въ Краковѣ, и нѣсколько знатныхъ Литовцевъ-язычниковъ согласились послѣдовать его примѣру. Но когда онъ потребовалъ того же отъ бывшихъ съ нимъ двухъ Русскихъ, то они съ негодованіемъ отказались, за что и были имъ отрублены головы.

На это впрочемъ не обратили большаго вниманія посреди шума и ликованій; но изъ Бѣлоруссіи пришла вѣсть, что тамъ неспокойно. Бѣлоруссы съ неудовольствіемъ видѣли, что ихъ великій князь дѣлается Полякомъ и католикомъ. Одинъ изъ братьевъ Ягеллы, Андрей, принявшій крещеніе по православному обряду, объявилъ себя противъ такого

отступничества, и земли полоцкая и смоленская, которыми онъ управлялъ, взволновались.

Это смутило Ягеллу; но латинскіе монахи, которые его окружали, стали доказывать ему, что онъ самъ обѣщался обратить свое княжество въ римскій законъ и что на сопротивленіе схизматиковъ смотрѣть не слѣдуетъ. Справедливо ли это—всякій можетъ самъ разсудить. Надо не забывать при этомъ, что католиковъ въ Литвѣ тогда почти не было вовсе; что народъ литовскій зналъ ихъ только по тѣмъ притѣсненіямъ, которыя терпѣлъ отъ Нѣмцевъ; что латинскіе монахи, зашедшіе въ Литву для проповѣди, были однажды, еще до Ягеллы, перебиты народомъ. Надо подумать и о томъ, что Литва была небольшое, слабое племя и что чистыхъ Литвиновъ было гораздо меньше въ княжествѣ чѣмъ Русскихъ, которыхъ и вѣра, и языкъ распространялись по всей странѣ такъ что ужь если слѣдовало дать этой странѣ, простирающейся отъ Западной Двины до Днѣстра, одно наименованіе, то ее справедливѣе было бы назвать Русью, нежели Литвою.

Въ концѣ 1386 года Ягелло выѣхалъ изъ Кракова въ Литву, въ сопровожденіи множества царедворцевъ и еще бѣльшаго числа латинскихъ монаховъ; вслѣдъ за королевскимъ поѣздомъ тянулся обозъ съ золотыми, серебряными и мѣдными образками, сукнами, ожерельями, головными уборами, и другими гостинцами, которые предполагалось выдавать новокрещенцамъ. Зима стояла, когда Ягелло въѣхалъ въ Литву: болота были прикрыты снѣгомъ, и длинный рядъ саней королевскаго поѣзда быстро подвигался къ Вильнѣ. Народъ сбѣгался смотрѣть на своего князя радуясь, что видятъ его опять посреди лѣсовъ и пустынь родимой Литвы. Ягелло прибылъ въ Вильну послѣ новаго года. Остановившись во дворцѣ своего отца и дѣда, онъ выдалъ указъ, которымъ объявлялъ, что пріѣхалъ для приведенія народа литовскаго въ христіанскую вѣру по обряду латинской церкви. Потомъ объявлено было, что всѣ добровольно принявшіе св. крещеніе получаютъ право владѣть недвижимою собственностію и будутъ сравнены во всѣхъ правахъ съ польскою шляхтою (дворянствомъ), а кто осмѣлится сопротивляться волѣ великаго князя, тотъ подвергнется тѣлесному наказанію. И вотъ, въ назначенный день, велѣно было людямъ изъ окрестныхъ селеній собраться въ Вильну; въ ихъ присутствіи католическіе монахи залили священныи огонь, стали рубить священныя рощи, истреблять священныхъ ужей и ящерицъ... Народъ возопилъ и взвылъ; но видя, что грома небесныя не разятъ истребителей святыни, усомнился въ силѣ своихъ боговъ и по приказанію князя пошелъ креститься тѣмъ охотнѣе, что за принятіе крещенія были обѣщаны права и преимущества людямъ значительнымъ, а бѣднымъ и темнымъ—свитки изъ бѣлаго сукна, бусы и головные уборы.... Не понимая ни важности дѣла, къ которому онъ приступалъ, ни значенія проповѣди христіанской, бѣдные Литвины бѣжали на предложенную имъ приманку и цѣлыми толпами подставляли свои головы подъ латинское обливанье; цѣлую толпу вводили въ рѣку, поливали водою со знаменіемъ

креста, нарекали сегодня Войцехами, а завтра Янами, выдавали бѣлые свитки и мѣдные образки, и отпускали.

Если мы сравнимъ крещеніе, совершенное въ Кіевѣ княземъ Владиміромъ, съ тѣмъ, которое производилось въ Вильнѣ, то замѣтимъ между ними и нѣкоторое сходство, но и чувствительную разницу. И у насъ, и въ Литвѣ простой народъ не понималъ хорошенько Христова ученія и крестился по приказанію князя; но у насъ по крайней мѣрѣ не соблазняли его мірскими приманками, и темные люди разсуждали, что новая вѣра должна быть лучше старой, потому что премудрая Ольга и многіе знатные люди ее приняли; Литовцевъ же привлекали главнѣйше свитки и бусы. Поэтому многіе приходили креститься по нѣскольку разъ, разсчитывая получить по нѣскольку гостинцевъ.

Притомъ Владиміръ крестилъ только язычниковъ, а Ягелло хотѣлъ крестить и православныхъ, называя ихъ схизматиками, то есть еретиками. Но православныхъ было очень много между подданными литовскаго князя; ихъ было несравненно больше нежели язычниковъ; многіе изъ родныхъ братьевъ Ягеллы и другихъ князей были уже христіанами восточнаго исповѣданія. Они рѣшительно объявили, что крестились разъ и вновь креститься не станутъ. Чтобы не довести ихъ до бунта, какой уже былъ въ Бѣлоруссіи, католическое духовенство сказала имъ: сохраните свои церковные обряды и свой языкъ въ богослуженіи: признайте только главою церкви своей святѣйшаго папу. Однако и этого не приняли Русскіе.

Тогда подъ нихъ стали подкапываться стороною и тѣснить, не объясняя причины. Уже въ самомъ началѣ объявлено было, что со шляхетствомъ польскимъ уравниены будутъ лишь тѣ, которые примутъ латинство. Одинъ изъ братьевъ Ягеллы, Скригелло, покровитель православныхъ въ Литвѣ и западной Руси, былъ лишенъ своего удѣла и принужденъ бѣжать къ московскому князю со многими изъ литовской знати и русскаго духовенства. По городамъ русскимъ и литовскимъ стали сажать воеводъ изъ Поляковъ, что не нравилось Литовцамъ, также какъ и Русскимъ. Между Поляками и Литовцами начались ссоры и вооруженныя схватки, потому что Литва замѣчала, что Польша хочетъ ее подчинить себѣ. Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ коронованія Ягелла въ Краковѣ, онъ отдалъ женѣ своей все свое великое княжество въ вѣно, какъ собственную деревушку. Королева потребовала, чтобъ для нея собирали особую дань и присылали ее въ Краковъ.

— Мы не подданные Польши, сказали на это Русскіе и Литовцы; мы всегда были вольными людьми, наши предки никогда Полякамъ дани не платили; не будемъ платить и мы!

Такимъ образомъ многое соединилось, чтобы раздражать какъ Литовцевъ, такъ и Русскихъ. Литовцы стали сожалѣть, что крестились, и многіе упорно стояли за свою старую вѣру, считая отступникомъ и безбожникомъ своего князя, дозволившаго рубить священныя рощи. Самые упорные язычники были въ Жмуди, около Ковна. Они явно возстали

противъ Поляковъ, ксендзовъ и Ягелла, и имъ иногда тайно, иногда явно помогать родной его братъ, Витовтъ,—князь умный и храбрый, но честолюбивый и беспокойный, замышлявшій сдѣлаться независимымъ княземъ западной Руси и Литвы. Междуусобная война продолжалась нѣсколько лѣтъ. Жмудиновъ однакожь силою принудили отказаться отъ язычества и обѣщали прислать новыхъ и больше прежняго проповѣдниковъ христіанства.

—Не мало у насъ ксендзовъ и монаховъ, которые обираютъ у насъ шерсть и молоко, а въ ученіи христіанскомъ не наставляютъ, угрюмо отвѣчали на это обѣщаніе Жмудины.

Но не со стороны Жмуди, малочисленнаго и слабаго племени, должны были произойти главныя затрудненія, а со стороны русскаго и православнаго народа, многочисленнаго, сильнаго своимъ народнымъ чувствомъ и преданностію въ вѣрѣ отцовъ своихъ. Онъ былъ силенъ еще и тѣмъ, что въ то самое время, какъ съ одной стороны его начинали утѣснять литовскіе князья, сдѣлавшіеся польскими королями, съ другой усиливались московскіе князья и начинали собирать вокругъ Москвы всю раздробленную Русь. Съ этою московскою, восточною Русью Русь западная никогда не разрывала связи,—да и какъ было разорвать ее, когда люди одного рода, иногда кровные, жили—одни по одну сторону рубежа, а другіе по другую! Это, напротивъ, нерѣдко ихъ соединяло: такъ, напримеръ, если какому-нибудь боярину случалось заслужить тяжелую опалу великаго князя московскаго, онъ отъѣзжалъ за литовскую границу къ своимъ землякамъ, и точно также уроженецъ западной Руси, бояринъ какой-нибудь, разссорившись съ польскимъ королемъ, забиралъ свое добро и съ слугами своими отходилъ подъ державу князя московскаго. Случалось, что такимъ же образомъ уходили въ Россію и знатные люди изъ Литовцевъ, а еще чаще переходили простые люди: ихъ и чаще притѣсняли, и уходить имъ было легче, точно такъ какъ легче плотвѣ проскользнуть сквозь сѣть, въ которую она попалась, чѣмъ жирному карасю или шукѣ.

Русь западная тянула, слѣдовательно, къ Руси восточной, а восточная Русь тянула къ западной, какъ двѣ половины одного тѣла; но у той и у другой были особые государи, которые не хотѣли одинъ другому уступать ни людей своихъ, ни отчинъ: весь вопросъ состоялъ въ томъ,—который изъ двухъ государей перетянетъ и соберетъ около себя всю Русь, весь русскій народъ?

II.

Русь восточная собирается вторично вокругъ Москвы.—Польша старается тѣснѣе присоединить къ себѣ Литовско-русское в. княжество.—Городельскій съѣздъ.—Іоаннъ III Московскій.—Наставленіе его своей дочери.—Московская партія въ Литовско-русскомъ в. княжествѣ.—Люблинскій сеймъ и унія политическая. (1569 г.)

Около Москвы начинала уже собираться вся восточная половина Руси. Великій князь московскій Іоаннъ III отказался платить Татарамъ старин-

ную дань и тревожилъ самую орду, а одинъ изъ хановъ татарскихъ, правившій Крымомъ, былъ его вѣрнымъ союзникомъ и подручникомъ: кто былъ другомъ московскому князю, тотъ былъ другомъ и хану крымскому, а кому случалось разладить съ Іоанномъ, тому слѣдовало ожидать набѣговъ отъ крымскихъ Татаръ, разоренія своихъ земель и увода въ плѣнъ людей своихъ. У себя дома, на Руси, Іоаннъ былъ полнымъ хозяиномъ и жаловалъ или наказывалъ князей по своему государеву усмотрѣнію; если же кто изъ князей этихъ, по неудовольствію на новые порядки, отъѣзжалъ въ Литву, то Іоаннъ бралъ на себя, въ казну, земли такого отъѣздчика. Новгородъ, не желая подчиняться Москвѣ и принимать къ себѣ государевыхъ воеводъ и бояръ, повелъ было переговоры по старинѣ съ литовскимъ княземъ, чтобы тотъ принялъ его подъ свою руку; но въ Москвѣ узнали объ этомъ; полки московскіе выступили противъ непокорнаго города, разбили новгородскую рать, и изъ числа знатныхъ Новгородцевъ, которые замыслили союзъ съ Литвою, одни были казнены смертію, а другіе переселены въ московскія земли; простой же народъ охотно принялъ воеводъ великокняжескихъ, потому что онъ крѣпко держался православія русскаго и не хотѣлъ поддаваться Литвѣ.

Получая подать со всей Руси восточной, казна московскаго государя сдѣлалась богата; часть ея шла на умноженіе величія великокняжескаго двора, который сталъ отличаться небывалымъ великолѣпіемъ, часть — на содержаніе рати и подарки союзникамъ, а еще часть на украшеніе и возведеніе церквей. Въ Москвѣ построено было нѣсколько храмовъ каменныхъ и богато расписанныхъ, которые не только не уступали стариннымъ церквамъ кievскимъ и новгородскимъ, но превосходили ихъ; въ эти храмы были свезены изъ нѣкоторыхъ другихъ городовъ чудотворныя иконы; въ нихъ же покоились мощи великихъ русскихъ богомольцевъ, причтенныхъ къ лику святыхъ, такъ что уже не къ Кіеву, находившемуся подъ чужою властію, а къ Москвѣ стали направляться толпы мольщиковъ, и каждый изъ нихъ, завидѣвъ издали бѣлыя колокольни и золотые кресты московскихъ церквей, набожно снималъ шапку и творилъ молитву и поклоны.

Что касается до Руси западной, то ее старались притянуть въ другую сторону. Введеніе латинства въ наслѣдственныхъ земляхъ Ягелла производило въ нихъ раздраженіе; чтобы противодействовать этому, положено было привлекать какъ Русскихъ, такъ и Литовцевъ къ Польшѣ приманками мірскими. Въ 1413 году въ городѣ Городлѣ составленъ былъ съѣздъ значительнѣйшихъ лицъ польскаго, литовскаго и русскаго происхожденія, причемъ первые приняли прочихъ въ свой союзъ *шляхетскаго братства*: лучшіе люди изъ всѣхъ трехъ народовъ должны были составить одно сословіе, — *рыцарство*, которое безраздѣльно господствовало бы надъ прочими сословіями въ Польшѣ, Литвѣ и Руси (западной). . . .

Этотъ городельскій съѣздъ былъ дѣломъ очень важнымъ; отсюда начинается стремленіе наиболѣе богатыхъ между Русскими и Литви-

нами выдѣляться изъ среды своихъ собратовъ, подражать Полякамъ и принимать католичество, что было поставлено условіемъ для вступленія въ рыцарское или шляхетское братство, единственно допускавшееся на сеймы или съѣзды, гдѣ рѣшалось—быть войнѣ или миру, постановлялись для всей страны законы и распоряженія, касавшіеся управленія страной.

Но такія права имѣли, какъ сказано, одни дворяне или шляхта, и при томъ православныхъ старались не допускать на эти сеймы; а что касается до простаго народа, то ему и похуже было за литовскими князьями чѣмъ за русскими. Крестьянинъ въ Московскомъ княжествѣ былъ вольный человекъ и могъ владѣть землею; а если у него не было своей, то онъ жилъ на землѣ какого-нибудь вотчинника, по уговору, и свободно могъ переходить къ другому, для чего и назначенъ былъ осенній Юрьевъ день. Литовскіе же князья нерѣдко дарили своихъ вельможъ землями вмѣстѣ съ поселенными на нихъ людьми, и воленъ былъ получившій такія земли и такихъ людей, продавать, дарить, промѣнивать ихъ и вообще распоряжаться ими какъ своею собственностію. Къ этому надо еще прибавить, что латинское духовенство постоянно и неотступно заботилось о стѣсненіи православія и затрудняло построеніе православныхъ церквей. Видя такія преимущества католиковъ предъ людьми греческаго исповѣданія, бояре и князья русскіе заднѣпровской Руси стали иногда измѣнять вѣрѣ своихъ отцовъ и переходить къ латинянамъ; другіе же, предпочитая оставаться твердыми въ вѣрѣ, терпѣли притѣсненія, или уходили къ московскому князю. Такимъ образомъ, хотя связь Руси западной съ восточною была поколеблена городельскимъ соглашеніемъ, но она была еще сильна, и московскіе цари еще долго потомъ имѣли за Днѣпромъ сильную и преданную партію.

Какъ скоро великій князь Іоаннъ III пересталъ быть данникомъ Татаръ и подчинилъ себѣ князей удѣльныхъ, онъ задумалъ добывать города и земли, въ разное время отобранные литовскими князьями. Литовскій князь Александръ сталъ сватать его дочь; Іоаннъ согласился, но прежде всего потребовалъ, чтобъ его признали государемъ *Всея-Руси* и написалъ въ Литву грамоту, въ которой именовалъ себя такимъ титуломъ.

—Господарь вашъ, замѣтили на это вельможи литовскіе русскимъ боярамъ,—къ его милости, нашему господарю, имя себѣ высоко написалъ, не по старинѣ.

—Ничего высокаго не написалъ нашъ князь, отвѣчали имъ бояре,—и новизны никакой не выставлялъ; писалъ онъ то, что ему Богъ даровалъ отъ дѣдовъ и прадѣдовъ, ибо онъ правый, урожденный государь всея Руси.

Поспоривъ, литовскіе паны согласились. Потомъ потребовалъ Іоаннъ, чтобы княжнѣ, которую сватали въ Литву, не было принужденія въ ея православной вѣрѣ. Литовцы сказали, что принужденія не будетъ, а если она сама пожелаетъ перемѣнить законъ, то ея воля. Но наши на это не согласились, говоря, что когда княжна попадетъ на чужую сто-

рону, да въ чужую семью, то немудрено будетъ ее и принудить, а въ Москвѣ о томъ никто не узнаетъ. Наши требовали, кромѣ того, чтобы съ ней было дозволено отправить попа изъ Москвы, чтобы въ ея хоромахъ построили для нея церковь и чтобы приставлены къ ней были бояре и боярыни, хотя и изъ подданныхъ литовскаго князя, но православные. Литовцы согласились принять съ княжною попа, но отъ построения церкви отказались, говоря, что у нихъ законъ запрещаетъ вновь строить православныя церкви и что, впрочемъ, въ Вильнѣ, близъ княжескаго двора, есть греческаго закона церковь.

Іоаннъ III не сталъ изъ-за этого спорить и повелѣлъ рѣчь о границахъ между московскими и литовскими землями. Ему хотѣлось воротить въ свою сторону нѣкоторые изъ литовскихъ захватовъ. Но зная, что на это Литовцы добромъ не согласятся, онъ послалъ сказать своему другу и подручнику, крымскому хану, чтобъ онъ кормилъ коней, оттачивалъ сабли и былъ готовъ къ походу на Литву, а при этомъ послалъ ему и подарки. Тотъ велѣлъ отвѣчать, что онъ всегда готовъ воевать недруговъ Іоанновыхъ: «Твоя, брата моего, любовь, ночью и днемъ съ сердца у меня не сходитъ. Серебряную чару меду за твою, брата моего, любовь, всегда полную пьемъ!»

Изготовивъ такимъ образомъ рать, которая при томъ ничего Россіи не стоила, Іоаннъ велѣлъ своимъ боярамъ стать въ отвѣтъ съ литовскими послами, т. е. начать съ ними переговоры. Много помогло ему и то, что въ это самое время нѣкоторые изъ знатныхъ князей русскихъ отѣхали съ литовской стороны въ московскую и поступились ему своими вотчинами: Черниговымъ, Любечемъ, Новгородомъ-Сѣверскимъ, Стародубомъ, Гомелемъ, Рыльскомъ и нѣкоторыми другими. Наши бояре потребовали, чтобъ эти города и вотчины были утверждены за Москвою; чтобы кромѣ того уступлены были: Брянскъ, Мценскъ, Мосальскъ, Дорогобужъ, Бѣлый, Торопецъ и еще нѣсколько городовъ и волостей; Литовцы и слушать этого не хотѣли. Тогда Іоаннъ велѣлъ сказать имъ, что князь Александръ требованій его не исполняетъ и тѣснить въ своемъ государствѣ русскихъ людей, а когда литовскіе послы стали говорить, что это неправда, онъ приказалъ имъ сказать: «государь вашъ къ дочери нашей, къ русскимъ князьямъ, панамъ и ко всей Руси (западной) подсылаетъ, чтобъ приступили къ римскому закону. Сколько велѣлъ поставить римскихъ божницъ въ русскихъ городахъ! Женъ отъ мужей и дѣтей отъ отцовъ съ имѣніемъ отнимаютъ, да крестятъ въ римскій законъ: такъ-то зять нашъ не принуждаетъ Русь къ римскому закону!»

Въ то же время онъ писалъ дочери своей въ Вильну: «Дочка, памятуй Бога да наше родство, да нашъ наказъ. Держи свой греческій законъ во всемъ крѣпко, а къ римскому закону не приступай ни котрымъ дѣломъ; церкви римской и папѣ ни въ чемъ послушна не будь, въ церковь римскую не ходи, душою никому не норови, мнѣ и всему нашему роду безчестія не учини, и хотя бы тебѣ за вѣру до крови пострадать, и ты-бъ пострадала.»

Также твердо, какъ въ дѣлахъ вѣры, стоялъ московскій князь и въ спорѣ о земляхъ, которыя онъ требовалъ отъ Литвы; не подавался ни на шагъ,—а между тѣмъ Крымцы сѣли на коней. Нечего дѣлать, принужденъ былъ литовскій князь уступить и отдать въ московскую сторону 19 городовъ, 70 волостей, 22 городища и 13 селъ; сынъ же Іоанновъ, Василій, прибавилъ къ этому Смоленскъ.

Затѣмъ царствовалъ въ Москвѣ Іоаннъ IV, прозванный *Грознымъ*. Грозенъ этотъ государь былъ и для своихъ подданныхъ, но въ началѣ своего царствованія онъ былъ грозою сосѣдей и давнихъ обидчиковъ Россіи. Онъ завоевалъ два царства, которыя Татары имѣли на Волгѣ,—Казанское и Астраханское, сталъ именоваться *царемъ* и затѣмъ, по примѣру отца и дѣда, началъ думать о возвращеніи другихъ городовъ и земель, занятыхъ въ разное время литовскими князьями.

«За королемъ польскимъ, говорилъ онъ однажды посламъ, пріѣхавшимъ изъ Вильны, наша вотчина извѣчная — Кіевъ, волынская земля, Витебскъ и многіе другіе города русскіе.» Въ другой разъ бояре Іоанновы говорили литовскимъ посламъ: «Только вспомнить старину, какимъ образомъ гетманы литовскіе Рогволодовичей (князей полоцкихъ) на Литовское княжество взяли и какимъ образомъ прежде Кіеву дань давали, то не только что русская земля вся, но и литовская земля вся — вотчина государя нашего.» Еще лучше объяснялъ дѣла эти самъ царь въ разговорѣ къ литовскими панами, пріѣзжавшими въ Москву изъ-за споровъ о пограничныхъ городахъ. «Вы говорите, сказалъ онъ, что мы припоминаемъ тѣ города, которые въ Польшѣ; но мы припоминаемъ не новое дѣло. Кіевъ былъ прародителя нашего, великаго князя Владиміра, и всѣ тѣ города были къ Кіеву. Отъ великаго князя Владиміра, великіе князья, государи русскіе, тѣми городами и землями владѣли, а зашли эти земли и города за предковъ государя вашего невзгодою прародителей нашихъ, какъ приходилъ Батый на русскую землю».

Не хуже царя и его бояръ знали все это и люди Литовскаго княжества, и многіе изъ нихъ держали руку московскаго государя, какъ своего державца единокровнаго и природнаго; они желали быть у него въ подданствѣ,—а еще государь этотъ, Іоаннъ IV, былъ строптивъ и крутъ и къ знатымъ людямъ немилостивъ. Не взирая на это, онъ имѣлъ и между Русскими и даже между Литвинами Литовскаго княжества много доброхотовъ, которые къ нему засылали сказывать, чтобъ онъ искалъ для себя или для сына своего корону литовскую и польскую.

Такъ доброхотствовали Іоанну литовскіе и русскіе люди. Но самъ онъ не очень желалъ инаго престола, кромѣ московскаго, зная, что польскіе и литовскіе паны потребуютъ, чтобъ онъ обязался соблюдать ихъ права и вольности, а Іоаннъ и въ своемъ государствѣ всю жизнь свою придавливалъ князей и вельможъ, опасаясь, чтобъ они не затѣяли прежнихъ крамолъ и усобицъ. Не желала московскаго царя и Польша, опасаясь, чтобы Литва и Русь западная, присоединясь къ восточной, не отошли отъ нея; напротивъ, польскіе совѣтники королей и сами короли стре-

мились къ тому, чтобъ и Литву и Русь обратить въ настоящихъ Поляковъ.

Это оказалось, однакоже, не такъ-то легко. Литовскаго племени люди не считали себя Поляками и не желали подчиняться Польшѣ. Между ними было много и такихъ, которые не желали подчиняться и Москвѣ, но быть особымъ государствомъ—какъ было до Ягеллы. Не задолго до того времени, о которомъ теперь говорится, во время дѣтства Іоанна IV, литовскіе вельможи представляли своему великому князю (королю польскому), что ему слѣдовало постараться обратить свои родовыя земли въ особое королевство. «Поляки хотятъ, говорили они, чтобъ панство вашей милости, великое княжество Литовское было всегда въ униженіи и присоединилось бы къ коронѣ польской, о чемъ постоянно хлопчутъ. Покорно просимъ вашу милость не допускать, чтобъ прирожденные слуги ваши стали подданными короны польской. Объ этомъ ваша милость должны стараться для потомковъ своихъ: имъ будетъ лучше, если наследственное панство ваше будетъ отдѣльно отъ короны польской.»

Такъ говорили многіе литовскіе вельможи. Тѣ же, которые думали иначе, болѣе наклонялись къ Россіи, чѣмъ къ Польшѣ. Вѣра приближала ихъ къ Польшѣ, но старинные обычаи и порядки—болѣе наклоняли къ Россіи. Въ Литвѣ, какъ и на Руси, большая часть знатныхъ людей происходила отъ царскаго корня. Литовскіе князья были Гедиминовичи, какъ русскіе—Рюриковичи. Правда, въ Литвѣ, какъ на Руси, они уже не имѣли удѣловъ, но все-таки они свысока смотрѣли на польскую шляхту, которая не имѣла титуловъ, да не имѣла и такихъ богатствъ, какъ Радзивиллы (Гедиминовичи) или Острожскіе (Рюриковичи).

Но такихъ знатныхъ родовъ становилось мало; одни отъѣзжали къ московскимъ князьямъ, другіе, принявъ латинство, начинали обращаться въ настоящихъ Поляковъ и помогали имъ утѣснять православный народъ. Какъ уже было замѣчено, сеймы польско-литовскіе не позволяли строить русскому народу церквей. Начиналъ между знатными людьми забываться и языкъ русскій. Одинъ посолъ отъ литовскаго короля, вѣроятно Русскій по рожденію, просилъ у царя Іоанна позволенія говорить съ нимъ черезъ переводчика, потому что, сказывалъ онъ, «я росъ при государѣ своемъ, королѣ, съ малыхъ лѣтъ, и языкъ мой русскій помѣшался въ присловьяхъ съ польскимъ языкомъ»... Также говорили и другіе литовскіе послы Іоанну въ отвѣтъ на его рѣчи, что они многихъ русскихъ словъ не выразумѣли. Даже и въ простомъ народѣ, который твердо продолжалъ держаться природнаго говора, говоръ этотъ замѣтно измѣнился: прежде была одна рѣчь въ Кіевѣ, Москвѣ и Новгородѣ, во всей Руси, но мало-по-малу рѣчь украинская и бѣлорусская стала отличаться отъ великорусской, что осталось и до сего времени.

Такъ терялось все русское за Днѣпромъ, и уже нѣкоторые изъ природныхъ русскихъ князей, потомковъ Владиміра Мономаха, не стыдились водить польскія дружины противъ Россіи.

Между тѣмъ король польскій и великій князь русско-литовскій, Сигиз-

мундъ-Августъ, приближался къ смерти, а дѣтей у него не было. Надо было, слѣдовательно, рѣшить — кому быть государемъ въ великомъ княжествѣ? Еслибы спросить тамошній народъ по голосамъ, то коронѣ великокняжеской быть бы за московскимъ царемъ. Уже сказано, что изъ Литвы къ нему засылали объ этомъ. «Кого выберемъ королемъ и великимъ княземъ? разсуждали литовскіе и русскіе бояре. Бусурманскихъ князей и отъ иныхъ земель государей брагъ не хотимъ, а вотъ царя московскаго взять намъ любо: онъ же и въ родствѣ со старымъ королемъ.»

Не всѣ однако думали такъ. Многіе боялись суроваго нрава московскаго царя; иные наклонялись къ Польшѣ, другіе, какъ сказано, желали, чтобъ Литва съ западною Русью была особливимъ государствомъ; но все-таки огромное большинство было за московскаго царя и за соединеніе Литвы и Руси западной съ Московскимъ Царствомъ. Къ несчастію, самъ царь остался равнодушнымъ къ этому великому дѣлу, не поддерживалъ своихъ приверженцевъ, не присылалъ подарковъ и даже не ласкалъ тѣхъ, которые вызывались ему служить.

Между тѣмъ, въ 1563 году, на сеймѣ, бывшемъ въ Варшавѣ, король Сигизмундъ-Августъ отказался отъ своего права царствовать по прямому преемству отъ Гедимина; подобно тому, какъ въ Польшѣ послѣ смерти государя происходило всякій разъ избраніе, постановлено было дѣлать на будущее время и въ Литвѣ съ Русью (западною). Это постановленіе было принято вопреки желанію пословъ или депутатовъ, отъ княжества, во главѣ которыхъ находился одинъ изъ первыхъ вельможъ, и родственникъ королевскій, Николай Радзивиллъ. Люди этой партіи, къ которой принадлежало почти безъ исключенія все шляхетство литовское и русское, требовали, чтобъ ихъ отечество было управляемо по прежнему, своимъ великимъ княземъ, а если Польша пожелаетъ выбрать своимъ королемъ этого великаго князя, то ей не пренятствовать; однакожъ и въ этомъ случаѣ они требовали, чтобы въ Литвѣ и въ Польшѣ былъ особый сенатъ въ каждой, особые законы и особое управленіе. Притомъ послы отъ княжества говорили, что Польша неправильно владѣетъ многими землями русскими (западными), которыя отъ княжества отрывать не слѣдуетъ.

Всѣ эти споры продолжались нѣсколько лѣтъ. Между тѣмъ могущественный Николай Радзивиллъ умеръ, и польскимъ вельможамъ, желавшимъ подчиненія Литвы и Руси Польшѣ, стало легче достигнуть своей цѣли. Въ 1569 году собрался сеймъ въ Люблинѣ, на которомъ Поляки рѣшились во что бы ни стало добиться того, чтобы у нихъ и у Литовцо-Руссовъ былъ общій государь, чтобъ эти отдѣльныя государства составляли на будущее время одно, чтобъ у нихъ были общіе сеймы и чтобъ законы великаго княжества были переведены на польскій языкъ. Прошла молва, что тѣ, которые вздумали бы этому противиться, будутъ вырѣзаны; многіе изъ Русскихъ и Литовцевъ, страшась опасности, уѣхали съ сейма; но того-то и надобно было Полякамъ: ихъ оказалось теперь болѣе, нежели ихъ противниковъ; а какъ на сеймахъ та сторона поста-

новляетъ, на которой больше голосовъ, то остававшіеся въ Либлинѣ Русскіе и Литовцы увидѣли, что имъ не удастся поставить на своемъ. Тогда они рѣшились отдать свою судьбу на волю короля, своего великаго князя, рассуждая, что такъ какъ онъ Литвинъ родомъ и природный ихъ государь, то вѣрно не захочетъ допустить ихъ обидѣть. Они явились къ королю, и одинъ изъ нихъ сказалъ ему: «Свѣтлѣйшій, милостивѣйшій король, исполняя желаніе вашего величества, мы согласились уже на многія уступки, которыя должны причинить ущербъ великому княжеству Литовскому. Но мы свидѣтельствуемъ вашимъ королевскимъ величествомъ и цѣлымъ этимъ собраніемъ, что мы это отечество наше, которое сохранили цѣлымъ своею кровію и жизнію, защищали здѣсь сколько могли. И если не могли довершить этой защиты, то пусть будетъ это приписано препятствіямъ, судьбѣ и временамъ; намъ приходится уступить, но мы уступаемъ не какому бы то ни было декрету (постановленію сейма), а милости вашего королевскаго величества. Не можемъ скрыть однако, что замыслы Поляковъ приносятъ намъ поработеніе. Было бы очень больно намъ или внукамъ нашимъ, еслибы пришлось смотрѣть на эти сегодняшнія дѣла, вмѣсто радости, съ большимъ сожалѣніемъ, или обвинять насъ въ томъ, что мы не видѣли такой своей неволи. Мы видимъ эту угрожающую намъ неволю и, передавая себя и страну нашу на ваше рѣшеніе, умоляемъ васъ ради самого Бога: благоволите припомнить нашу службу, нашу чистую вѣрность и кровь нашу, которую мы проливали для вашей государевой славы; благоволите такъ насъ устроить, чтобъ это было для насъ съ честью, а не съ униженіемъ.»

Послѣднія слова были произнесены посломъ на колѣняхъ; всѣ бывшіе съ нимъ тоже упали на колѣни; всѣ плакали. Они надѣялись, что король, не согласится отдать ихъ въ обиду Поляковъ; но эта надежда обманула ихъ; король былъ на сторонѣ Поляковъ и отдалъ свою Литву, а съ нею и Русь западную, въ руки Польши. Съ его согласія было постановлено: что Литовское княжество (вмѣстѣ съ Русью) составитъ неразрывный союзъ съ Польшею; что избирать короля они будутъ сообща; что сеймъ и сенатъ будутъ у нихъ общіе; что законы будутъ писаться и для Литвы и Руси, вмѣсто русскаго языка, на польскомъ. Наконецъ постановлено было, чтобъ земли: кievская, волынская и подольская, вопреки справедливости, были отдѣлены отъ Литовскаго княжества и присоединены къ Польшѣ.

Такъ совершился этотъ союзъ Польши съ литовско-русскимъ княжествомъ. Какъ Русскіе, такъ и Литовцы; противились ему, сколько могли, но дѣло было поведено такъ хитро, что успѣхъ Поляковъ былъ полный. Къ великому унынію Русскихъ и Литовцевъ, тѣ и другіе очень хорошо понимали, что Польша хочетъ господствовать надъ нами. Не успѣвши отстоять свою независимость на люблинскомъ сеймѣ, Русь и Литва задумали тѣснѣе примкнуть къ Московскому царству и опереться на него: съ этою цѣлю они посылали къ Іоанну IV предлагать ему, чтобъ онъ добывалъ корону польско-литовскую. Но Іоаннъ, какъ сказано, не горячо

добивался этой короны, да и безъ сомнѣнія, много помѣшали бы его избранію слухи о жестокостяхъ, которымъ онъ предавался. За тѣмъ наступили въ Московскомъ царствѣ долгія и тяжелыя смуты; Русь западная еще разъ, какъ во время Татаръ, могла, по видимому радоваться, что не соединилась съ восточною; но скоро на нее обрушились такія бѣды, которыя наконецъ принудили ее искать защиты у восточной Руси и молить о воссоединеніи съ нею.

III.

Попытки Римскихъ папъ ввести латинство въ Россіи. — Церковныя братства въ Западной Руси и Литвѣ. — Іезуиты и ихъ тайный уставъ. — Утѣсненіе православныхъ въ велик. княжествѣ Литовско-Русскомъ. — Конфедерация православныхъ и лютеранъ. — Беспорядки въ православной церкви. — Мысли о церковной Уніи. — Измѣна епископовъ. — Брестскій соборъ и провозглашеніе уніи церковной. (1596.)

Весьма давно, еще до нашествія Батыева, римскій папа дѣлалъ попытки обратить Русь въ латинство или католичество. Для переговоровъ объ этомъ пріѣзжалъ къ славному князю галицкому Роману посолъ изъ Рима и сказывалъ ему, что папа есть царь надъ царями, владыко всѣхъ христіанъ, и что онъ сдѣлаетъ его, Романа, королемъ изъ простыхъ удѣльных князей, если князь приметъ католическую вѣру. Романъ не перемывалъ вѣрѣчиваго монаха; но когда тотъ кончилъ, то показалъ ему свой мечъ и спросилъ:

— Есть ли у твоего папы такой мечъ?... Пока ношу его, нѣтъ мнѣ надобности ни въ чьей помощи; мечомъ этимъ добываю города и области, какъ добывали ихъ отцы и дѣды.

О томъ-же самомъ присылалъ папа къ сыну Романову, Даніилу, обѣщая ему велѣть Полякамъ и Венгерцамъ помогать ему противъ Татаръ, самого же его признать королемъ. Даніилъ согласился принять титулъ королевскій; но какъ ни Поляки, ни Венгерцы не явились къ нему на помощь противъ Батыевыхъ воеводъ, то онъ не захотѣлъ болѣе слушать льстивыя латинскія рѣчи.

Такимъ образомъ православіе было крѣпко въ западной Руси, пока она было подъ властію русскихъ князей; когда же овладѣли ею литовскіе князья, и когда они сдѣлались польскими королями, то, мало-по-малу, стали тѣснить православныхъ и переманивать ихъ въ католичество. Одни соблазнялись и дѣлались отступниками, но за то для другихъ вѣра становилась еще дороже прежняго. Люди одного прихода собирались не только чтобы помолиться по обряду предковъ, а чтобы погоревать объ общемъ горѣ и подумать о дѣлѣ общемъ. Если въ числѣ прихожанъ бывали знатные и богатые люди, они становились защитниками и ходатаями своего прихода и своей церкви передъ сенатомъ, сеймомъ, королемъ; если же такихъ прихожанъ не случалось, тогда дѣлались складчины для под-

держанія церковнаго благолѣпія; въ дни храмовыхъ праздниковъ варили медъ на общія деньги и приготовляли братскую трапезу, за которую садились и имущіе и убогіе.

Такъ образовались въ городахъ и селеніяхъ западной Руси и даже въ самой Литвѣ церковныя братства, которыя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ удержались долгое время. Съ помощію этихъ общихъ складчинъ и этихъ знатныхъ покровителей, православная вѣра поддерживалась, и хотя издавались законы, которые запрещали строить новыя церкви и даже чинить старыя, но сильные люди не очень исправно исполняли королевскіе указы, когда они имъ не нравились.

Между тѣмъ явилось въ Европѣ новое ученіе, лютеранское, которое очень распространилось въ Литвѣ; самые знатные литовскіе вельможи и даже епископы католическіе стали переходить въ лютеранство, такъ что латинству грозила большая опасность во всемъ великомъ княжествѣ Руско-Литовскомъ. Это случилось въ то время, когда въ Россіи царствовалъ Іоаннъ IV, а въ Польшѣ Сигизмундъ-Августъ. Сигизмундъ и главные изъ его пановъ были католики; ихъ ужаснула опасность, которая угрожала латинству; они призвали іезуитовъ, — католическихъ монаховъ, которые славились преданностію латинству и своимъ искусствомъ защищать его. Монахи эти считали притомъ всякое средство годнымъ, чтобы достигнуть своей цѣли и возвеличить славу папскаго престола.

У нихъ было два устава: одинъ, похожій вообще на всѣ уставы монашескіе, другой тайный, въ которомъ и заключалась истинная сила іезуитства. Этимъ тайнымъ уставомъ предписывалось, прибывъ въ такое мѣсто, гдѣ считалось полезнымъ іезуитамъ поселиться, начинать съ того, чтобъ отправлять самыя низкія должности въ богадѣльняхъ, посѣщать бѣдныхъ, больныхъ и заключенныхъ, въ исполненіи же церковныхъ требъ никому ни подъ какимъ предлогомъ не отказывать, «дабы, сказано въ тайномъ уставѣ, наиболѣе важныя между жителями лица, видя въ такой необыкновенной любви ко всѣмъ нѣчто новое, удивлялись нашимъ и полюбили ихъ».

«Удививъ» такимъ образомъ «важныя лица», надлежало, по правиламъ іезуитовъ, войти въ ихъ милость и довѣренность. Для этого тайный іезуитскій уставъ указываетъ различныя средства. Прежде всего и важнѣе всего было подвести значительному челоѣку, или даже и государю духовника изъ іезуитовъ. Для этого избирался челоѣкъ самый ловкій и искусный. Онъ долженъ былъ, смотря по надобности, или быть очень снисходительнымъ къ согрѣшеніямъ своего духовнаго чада, чтобы заслужить его милость, или такъ застрашать его адскими муками, чтобы въ томъ и другомъ случаѣ, подчинивъ его себѣ, выманивать богатыя даванія въ пользу іезуитскихъ монастырей и располагать его къ людямъ, преданнымъ іезуитамъ, отъ другихъ же отвращать.

Точно также должно было поступать и въ отношеніи вельможъ и знатныхъ людей. Іезуитскій уставъ совѣтовалъ ссорить ихъ иногда между собою, а поссоривъ изподтѣшка, явно и съ шумомъ старать-

ся о ихъ примиреніи. Главное вниманіе приказывалось обращать на женщинъ и особенно на вдовъ. Духовнику ихъ предписывалось сдѣлаться полнымъ господиномъ въ домѣ такихъ особъ; пріучить ихъ исповѣдываться каждую недѣлю, а на этихъ исповѣдяхъ заставлять ихъ рассказывать не только всю свою жизнь, но и жизнь всѣхъ своихъ знакомыхъ. Эти показанія служили іезуитамъ наилучшимъ средствомъ узнавать, кто ихъ друзья и кто враги, и за кого какимъ способомъ слѣдовало приняться: кого приласкать, кого остерегаться, про кого пустить въ свѣтъ хорошую молву, кого оклеветать и опозорить, но все это тайно и осторожно, чтобы концы были схоронены.

Духовнику, поставлялось въ обязанность, смотря по расчетамъ, устраивать или разстраивать свадьбы въ тѣхъ семействахъ, которыми имъ удавалось овладѣть. Вообще, однакожь, почиталось болѣе выгоднымъ не допускать богатыхъ молодыхъ людей до браковъ, а увлекать ихъ въ монашество; для этого надлежало внушать ихъ родителямъ большую строгость къ дѣтямъ, для того, чтобы дѣтямъ стало невыносимо жить въ отцовскомъ домѣ; духовникъ же обязанъ былъ въ то же время, напротивъ, ласкать сына или дочь, выражать сожалѣніе объ излишней строгости отца или матери, а между тѣмъ представлять ему или ей, что стоитъ только вступить въ іезуиты, чтобы тяжкая его судьба мгновенно перемѣнилась.

Разумѣется, всѣ эти старанія надо было употреблять только въ отношеніи тѣхъ, отъ которыхъ можно было надѣяться или сильнаго покровительства или щедрыхъ даяній. Пріобрѣтать богатство считалось даже выгоднѣе нежели пріобрѣтать покровителей; для того, чтобы доставить ордену щедрое даяніе, дозволялось, на примѣръ, уговаривать жену украсть что-нибудь у мужа и отдать въ іезуитскую церковь.

Таковы были люди, которыхъ католическое духовенство вызвало на помощь противъ православія и лютеранства. Все, что говорилось объ іезуитахъ выше сего, не выдуманно, и дѣйствительно заключается въ тайномъ ихъ уставѣ или наказѣ, который нѣсколько разъ уже былъ напечатанъ и въ Россіи, и за границею. Къ сожалѣнію, въ то время, о которомъ здѣсь говорится, этотъ тайный уставъ еще не былъ извѣстенъ, и іезуиты, прибывъ въ Вильну во время бывшей тамъ чумы, принялись такъ усердно ухаживать за больными и помогать пострадавшимъ семействамъ, что не только «важныя лица», но и весь народъ дивился ихъ святости. Они успѣли также завести училище, и всѣ должны были сознаться, что во всемъ краѣ не было училища равнаго ему,—а между тѣмъ они забирали въ руки всѣхъ людей со значеніемъ, и такъ обвели добраго короля, ослабѣвшаго отъ старости и безпорядочной жизни, что онъ слушалъ ихъ ушами и видѣлъ ихъ глазами. Въ короткое время не только усилились прежнія притѣсненія противъ православныхъ, но какъ противъ нихъ, такъ и противъ лютеранъ воздвиглось настоящее гоненіе: «Мы всѣ, написано въ одномъ договорѣ того времени, такія привязки и угнетенія терпимъ, что уже ни свободою, ни безопасностью здравія, имѣ-

нія и достатковъ своихъ прямо похвалиться не можемъ. Уже по большей части наши церкви, монастыри, храмы, соборы, иные постыднымъ разграбленіемъ, великимъ мучительствомъ, пролитіемъ крови, челоукоубійствомъ и неслыханнымъ поруганіемъ не только надъ живыми, но и надъ мертвыми, завладѣны, разорены и опустошены» Вмѣстѣ съ церквами стали подвергаться насиліямъ и истязаніямъ православныя и лютеранскія духовныя лица, городскіе и сельскіе обыватели.

Видя это, дворянство, какъ православное, такъ и лютеранское, съѣхавшись въ Вильнѣ, заключило между собою *конфедерацію*. «Сей пожаръ, писали они, мало-по малу усиливаясь, уже касается и насъ, людей благороднаго сословія. Хотя мы въ одинаковой и равной свободѣ рождены какъ и люди римскаго исповѣданія, несмотря на сіе, чѣмъ далѣе тѣмъ болѣе за то одно, что твердо стоимъ въ вѣрѣ своей, хитрыми дѣйствіями римскаго духовенства и отъ мѣстъ, и отъ пропитанія насъ отлучаютъ, къ сенаторскимъ засѣданіямъ, чинамъ, урядамъ, староствамъ, управительствамъ и другимъ выгоднымъ званіямъ и даже къ услугамъ республики такого доступа, какъ другіе, имѣть мы не можемъ; а когда жалуемся на оскорбленія и обиды и со слезами испрашиваемъ справедливости, защиты и помощи, то вмѣсто утѣшенія какого-нибудь получаемъ насмѣшки и презрѣніе. Даже въ церковныхъ проповѣдяхъ оказываются сильныя выклички и возбужденія на насъ народа, съ показаніемъ удобства истребить насъ и съ обѣщаніемъ за то благословеній и наградъ»

Заявивши объ этомъ, дворяне православнаго и лютеранскаго исповѣданія заключили, какъ сказано, *конфедерацію* и договорились отстаивать свои права и свою вѣру, помогая другъ другу. Для этого они назначили въ каждомъ воеводствѣ и уѣздѣ по нѣскольку довѣренныхъ лицъ, къ которымъ каждый, потерпѣвшій отъ насилія католиковъ, могъ бы обратиться и просить защиты; а для общаго вспоможенія назначено было собираться отъ времени до времени на съѣзды или синоды.

Эту знаменитую *конфедерацію*, которая состоялось за нѣсколько десятковъ лѣтъ до вышеописаннаго люблинскаго сейма, подписали знатнѣйшія изъ лицъ не-римскаго исповѣданія (или, какъ ихъ называли католики, изъ *диссидентовъ*), на примѣръ, со стороны православныхъ: князья Острожскіе, Вишневецкіе, Корецкіе, Пузины, Друцкіе, Поцѣи, Корсаки, Сангушки, Сапѣги, Колонтаи и многіе другіе, а со стороны лютеранъ: Радзивиллы, Фирлеи, Гнѣвошъ, Нарушевичъ, Заремба и пр.—*Конфедерація* эта однакожь ни къ чему не привела: людей, которые были въ ней главными, мало-помалу переманивали на свою сторону король и польскіе паны, застрашивали и принуждали отстать отъ начатаго дѣла, а между тѣмъ ксендзы и іезуиты возобновили рѣчь о подчиненіи православной западно-русской церкви папѣ. Оставайтесь, говорили они, при вашихъ греческихъ обрядахъ, признайте только своимъ главою святѣйшаго папу. Хороша-ли ваша жизнь теперь? Васъ преслѣдуютъ со всѣхъ сторонъ,—папа не дастъ васъ въ обиду.

Казалось бы, почему-жъ и впрямь не принять такого сильного покровителя, если онъ общаетъ не измѣнять ни вѣры, ни обрядовъ? Въ это время былъ изъ числа знатныхъ русскихъ людей одинъ всѣми уважаемый за свой славный родъ, происходившій отъ русскихъ великихъ князей, за свое усердное православіе, за свою ученость, заслуги и богатство,—князь Острожскій. Онъ съ горестію видѣлъ, что послѣ отдѣленія западно-русской церкви отъ восточной, въ нее вкрались многіе безпорядки, что нѣкоторые обряды и соборныя постановленія не строго исполняются и что всѣ эти неурядицы могутъ привести ее къ конечному паденію. Онъ видѣлъ, что народъ во многихъ мѣстахъ недоволенъ своими священниками и даже епископами и что нѣкоторые изъ епископовъ сами колеблются, видя выгоды, которыя предоставлены ихъ латинской братіи. Епископы эти, въ свою очередь, жаловались, что міряне вмѣшиваются въ церковныя дѣла и ограничиваютъ власть святительскую. Казалось бы, всего проще соединиться какъ можно тѣснѣе съ церковью московскою; по кievскій митрополитъ не хотѣлъ подчиниться московскому, и князь Острожскій былъ личнымъ врагомъ царю Іоанну Грозному. Тогда рѣшились обратиться къ константинопольскому патріарху и просить его, чтобъ онъ прибылъ самъ и прекратилъ нестроенія западно-русской церкви. Это было весьма естественно, потому что западно-русская церковь признавала надъ собою власть цареградскаго патріарха. Патріархъ прибылъ, замѣтилъ большіе безпорядки, смѣнилъ нѣсколькихъ епископовъ, далъ нѣсколько наставленій, но зло въ корнѣ его, дресѣчь не могъ, потому что пробылъ мало времени и не зналъ ни края, ни людей, ни языка. Посѣщеніе его сдѣлало еще едва ли не болѣе вреда, чѣмъ пользы, потому что раздражило противъ него множество священниковъ и нѣсколькихъ епископовъ.

Но если одинъ изъ восточныхъ патріарховъ не могъ ввести устройства въ литовско-русскую церковь, разсуждали знатные міряне и духовные, къ кому же обратиться?—Обратитесь къ папѣ, подсказывали католики. И это казалось точно единственнымъ спасеніемъ, тѣмъ болѣе, что всѣ безпорядки западно-русскаго духовенства, особенно высшаго, открытые и оглашенные патріархомъ, сильно раздражили противъ нихъ народъ. Такимъ образомъ и въ церковныхъ дѣлахъ случилось то же, что и въ свѣтскихъ: знать духовная и мірская, вопреки простому народу, начинала склоняться къ латинамъ и Полякамъ.

Уже нѣкоторые епископы рѣшились открыто осуждать распоряженія патріарха. Болѣе всѣхъ жаловался львовскій епископъ, Гедeonъ Болобанъ, который имѣлъ ссору со львовскимъ братствомъ и котораго патріархъ призналъ виновнымъ; наконецъ тайно подрывался подъ вліяніе патріарха воспитанникъ и другъ іезуитовъ, епископъ луцкій, Кириллъ Терлецкій. Эти строптивые епископы тайно сносились между собою, и въ своихъ бесѣдахъ и письмахъ положили подчинить западно-русскую церковь папѣ, устроить ея соединеніе съ латинскою или, какъ говорили тогда, ввести въ западной Руси *унію*.

Къ нимъ скоро присоединился еще одинъ весьма умный и дѣятельный человекъ, Ипатій Поцѣй, епископъ брестскій. Онъ и Терлецкій начали увиваться около тогдашняго митрополита западной Руси, Михаила Рагозы, трусливаго и слабаго человека, которымъ были недовольны и патріархъ, и епископы, и міряне. Склонить его на унію они не успѣли, но сильно поколебали. вмѣстѣ съ тѣмъ они обратились и къ князю Острожскому, великому ревнителю православія и покровителю западно-русскаго народа. Князь, какъ выше сказано, уже нѣсколько времени тому назадъ сталъ думать, что и впрямь не выйднѣ-ли будетъ русско-й церкви стать подъ защиту папы, оговоривъ впрочемъ и утвердивъ самыми сильными клятвами и самыми строгими обѣщаніями чистоту православнаго ученія и стародавнихъ обрядовъ.

Всѣ эти переговоры и переписки велись хотя и тайно, но отъ молвы не могли укрыться; народъ вознегодовалъ и сталъ говорить, что главы церкви ей измѣняютъ; братства зашевелились, стали между собою пересылаться грамотами, предупреждая другъ друга объ опасности, и положили на первомъ соборѣ обличить двоедушныхъ епископовъ. По старинному обычаю, соборы имѣли мѣсто ежегодно; сюда съѣзжались, кромѣ духовенства, и міряне для обсужденія церковныхъ дѣлъ. Соборъ открылся. Мірянъ собралось большое множество. Они требовали, чтобы церковь ихъ вошла въ тѣсную связь съ цареградскимъ патріархомъ и просили, чтобъ онъ прислалъ своего экзарха для управленія русскою церковью, горько жаловались на высшихъ пастырей своихъ и настаивали, чтобъ Гедеонъ Болобанъ былъ отрѣшенъ за притѣсненія, чинимыя имъ львовскому братству. Митрополитъ Рагоза первенствовалъ на этомъ соборѣ по своему сану, но неудовольствіе народное относилось и къ нему. Въ то же время онъ получилъ отъ патріарха строгій выговоръ и даже временное запрещеніе за слабое его управленіе церковью. Тогда, не видя себѣ поддержки въ народѣ, перессорившись съ большею частию епископовъ и лишившись милости патріарха, рѣшился и онъ пристать къ тѣмъ, которые тайно, покамѣстъ, склонились къ уніи; а львовскій епископъ Болобанъ, негодуя на рѣшенія брестскаго собора, созвалъ своею собственною властію другой соборъ изъ своихъ друзей и единомышленниковъ и принялъ на немъ торжественно унію, отъ которой впрочемъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ отступился. Поступокъ Болобана взволновалъ весь православный народъ; даже тѣ, которые были не противъ уніи, стали говорить, что принять ее можно только на общемъ соборѣ всего народа. вмѣстѣ съ тѣмъ стали усиливаться слухи объ измѣнѣ Терлецкаго, Поцѣя и нѣкоторыхъ другихъ епископовъ. Князь Острожскій написалъ грамоту, въ которой съ негодованіемъ говорилъ объ отступничествѣ и отступникахъ. Онъ и пріятель его князь Скуминъ обратились къ митрополиту Рагозѣ, упрекая его въ слабости и предупреждая, что и про него ходятъ слухи, будто онъ колеблется въ православіи. Народъ требовалъ собора и суда надъ недостойными пастырями, ожидая съ нетерпѣніемъ прибытія обѣщаннаго въ цареградѣ патріаршаго экзарха.

Поцѣю и Терлецкому грозила, слѣдовательно, явная бѣда. Они кинулись въ Краковъ къ королю польскому, которымъ былъ въ это время Сигизмундъ III, душевно преданный іезуитамъ. Онъ взялъ подъ свою защиту и ихъ, и затѣянное ими дѣло. Запретилъ пропускать экзарха въ свои владѣнія и объявилъ, что всякій, принявшій унію, будетъ уравненъ въ правахъ съ католиками, которые, какъ уже извѣстно, одни были допускаемы получать шляхетское достоинство. Съ своей стороны епископы-отступники поспѣшили объявить, что они принимаютъ унію не иначе, какъ съ условіемъ сохраненія ученія и обрядовъ восточной церкви, становясь только подъ защиту папы, дабы доставить русской церкви безопасность и устройство. Это была однакожь чистая ложь, потому что они рѣшили между собою предоставить на папское разрѣшеніе спорныя мѣста ученія восточнаго съ ученіемъ западнымъ или латинскимъ; затѣмъ они поспѣшили въ Римъ. Это случилось въ 1595 году. Поцѣй и Терлецкій предстали предъ папу и, какъ чистые католики, облобызали его ногу; затѣмъ, передъ собраніемъ высшихъ сановниковъ латинской церкви, прочитали Символь Вѣры по ученію католическому. Еслибы русскіе западнаго края могли знать, какъ поступать въ Римѣ два прибывшіе туда епископа, то не только народъ, крѣпко стоявшій за православіе, не только князья Острожскій и Скуминъ, или митрополитъ, склонявшіеся къ подчиненію папѣ, но даже тѣ, которые дальше ихъ заходили въ готовности сблизиться съ латинствомъ, и тѣ отказались бы отъ всякаго соучастія съ Терлецкимъ и Поцѣемъ. Но эти два отступника говорили въ Римѣ отъ имени всего русскаго народа и русской церкви, а потому радость въ Римѣ была велика; по этому случаю даже выбита была медаль съ надписью: «на воссоединеніе Русскихъ».

Когда обо всемъ этомъ узнали на Руси, то гнѣву и негодованію не было предѣловъ. Обвиненія и проклятія посыпались на владыкъ-предателей; не щадили и митрополита. Особенною ревностью и силою отличался одинъ молодой проповѣдникъ въ Вильнѣ, Стефанъ Зизаній, который насказалъ митрополиту много горькой правды; а какъ между тѣмъ приближался срокъ ежегоднаго собора, то на соборѣ этомъ можно было ожидать большихъ соблазновъ и волненій.

Онъ былъ назначенъ въ октябрѣ 1596 года, въ литовскомъ Брестѣ. Къ определенному времени туда съѣхалось множество свѣтскихъ и духовныхъ лицъ; изъ Греціи, съ Аѳонской горы прибыли два архимандрита и изъ Цареграда два патріаршіе экзарха; пріѣхали и два главные заводчика смуты, Поцѣй и Терлецкій. Главою собранія былъ, какъ всегда, митрополитъ, но сильно раздраженный укорами православныхъ, и особенно Зизанія, онъ съ перваго же раза сталъ на этомъ соборѣ на сторону уніатовъ, и даже избѣгалъ показываться народу. Экзархи потребовали его къ суду; онъ отказался явиться; тогда составили о немъ и объ уніи соборное постановленіе; духовенство совѣщалось особо, а міряне особо, но рѣшенія тѣхъ и другихъ были одинаковы: духовенство

опровергло унію, какъ несогласную съ постановленіями церкви и безъ установленнаго порядка введенную, міряне единогласно объявили, что не желали и не желаютъ ея. Тогда написанъ былъ, на имя короля, общій приговоръ, въ которомъ заявлялось о твердомъ намѣреніи не принимать уніи и о желаніи, чтобы тѣ, которые ее самовольно затѣяли, были подвергнуты наказанію: «тотъ ихъ поступокъ, написано въ приговорѣ, за неслухный бачачи (видя) и разумѣючи, ему не только подлежати (подчиняться), но за помочю Божею, всѣми силами боронити и противъ-ему быти (противиться) обѣзуюмо, а свой противко имъ (епископамъ) учиненный поступокъ моцне (сильно) утвержати и всякимъ коштомъ подпирати и помогати будемо.» Уніаты въ своей стороны, будучи въ весьма маломъ числѣ и состоя только изъ нѣсколькихъ духовныхъ лицъ, не могли возражать противъ постановленія собора, и даже не являлись на совѣщаніе; опасаясь грозы, они явились только, чтобы прочесть папскую буллу (указъ) объ учрежденіи уніи; а какъ противиться волѣ римскаго владыки, по латинскимъ понятіямъ, есть грѣхъ и святотатство, то они написали королю, прося его обратить свой гнѣвъ на всѣхъ противящихся уніи.

Это случилось въ 1596 году. Такимъ образомъ въ теченіи двадцати трехъ лѣтъ, между великимъ княжествомъ Русско-Литовскимъ и королевствомъ Польскимъ произошло два соединенія, или двѣ уніи: унія церковная, о которой сейчасъ рассказано, и унія люблинская, по дѣламъ мірскимъ, гражданскимъ. Поляки считаютъ эти двѣ уніи двумя славными и счастливыми днями въ своей исторіи. И точно, люблинская унія увеличила государство польскихъ королей, вдвое или даже втрое, а унія брестская подавала Полякамъ надежду слить съ собою народы Русскій и Литовскій такъ, чтобы было едино стадо и одинъ пастырь.

Но надеждѣ этой не суждено было сбыться, и съ той самой минуты, которую Поляки полагали началомъ новаго величія для ихъ отечества, начинается въ немъ разладъ, приведшій его къ паденію.

IV.

Казаки Донскіе, Украинскіе и Запорожскіе. — Утѣсненіе Украйны. — Наливайко. — Новыя утѣсненія. — Унія распространяется. — Смуты въ Московскомъ царствѣ. — Самозванецъ. — Запись, которую онъ далъ чтобы получить помощь отъ Польши. — Самозванецъ вступаетъ въ Россію. — Москва его принимаетъ. — Низложеніе и смерть Самозванца. — Покушенія короля Сигизмунда на Московскій престолъ. — Возстаніе противъ Поляковъ. — Освобожденіе Москвы.

Послѣ Батыева разгрома, многіе жители разоренныхъ имъ областей покинули свои пепелища и разбѣжались въ разныя стороны, отыская такія мѣста, гдѣ они были бы въ безопасности отъ татарскихъ набѣговъ. Нѣкоторые изъ этихъ бѣглецовъ поселились, между прочимъ, по низовьямъ Дона и Днѣпра. Въ этихъ мѣстахъ, тогда еще совершенно пустынныхъ,

они не боялись ни татарской, ни московской, ни польской силы, и считали себя вполне людьми вольными. Они оправились, осыли, огляделись; ихъ оказалось много. Они завели у себя правленіе. Для всѣхъ важныхъ общихъ дѣлъ собиралась рада, или кругъ, — то же, что мірская сходка, — и гутъ дѣла эти рѣшались. На сходкахъ же выбирали они себѣ атамана или гетмана. Такъ образовалось и управлялось казачество.

Когда Татары поселились въ Крыму, донскіе и днѣпровскіе казаки очутились ихъ сосѣдями. Они стали наѣзжать на ближайшіе юрты Крымцевъ, но не съ хлѣбомъ-солью, а съ копьями и пищалями и, какъ нѣкогда Литовцы отъ сосѣдства съ Нѣмцами, такъ и казаки отъ сосѣдства съ Татарами, начали быть людьми воинственными и отважными. Ихъ вольная жизнь, богатая добыча, которую нерѣдко случалось имъ захватывать, и удалые ихъ подвиги привлекали къ нимъ много народа. Громче другихъ была слава днѣпровскихъ казаковъ, и потому охотниковъ приходило къ нимъ столько, что уже имъ стало тѣсно на островкахъ Днѣпра, на которыхъ они первоначально поселялись; они стали селиться по берегамъ этой рѣки, на прилегающихъ къ ней равнинахъ, и ко времени царствованія Іоанна Грознаго, нынѣшнія Полтавская и Кіевская губерніи, и далѣе по обѣ стороны Днѣпра до пороговъ, даже за порогами, были населены казаками.

Часть этихъ казаковъ жила въ деревняхъ и селеніяхъ, занимаясь хлѣбопашествомъ, а еще болѣе наѣздами на крымскія земли; другая же часть, кромѣ войны и наѣздовъ, ничѣмъ инымъ не занималась. Эта послѣдняя часть днѣпровскихъ или украинскихъ казаковъ состояла сплошь изъ людей бездомныхъ и безсемейныхъ. Главный притонъ ихъ былъ на Хортицкомъ островѣ, за днѣпровскими порогами. Ни одинъ казакъ не смѣлъ, подъ смертною казнію, привести туда женщины, хотя бы то была его мать, жена или сестра. Казаки жили тамъ не домами, а въ общихъ жильяхъ, называемыхъ куренями, по нѣскольку десятковъ чело-вѣкъ вмѣстѣ. У нихъ не было ничего собственнаго, особливаго, кромѣ платья и оружія; все прочее было общее, принадлежало всему куреню.

Казаки эти назывались Запорожскими, а мѣсто, гдѣ они жили — Сѣчю. Это было главное гнѣздо украинскаго казачества. Туда собирались удалцы со всѣхъ окрестныхъ мѣстъ, и всѣхъ тамъ принимали, не спрашивая кто онъ, откуда, какъ прежде жилъ, лишь бы онъ не былъ Жидомъ или католикомъ. Туда же приходили, наскучивъ осѣдлою жизнію, и семейные казаки пощиповать, повеселиться, достать славы и добычи.

Главные наѣзды свои казаки совершали моремъ въ открытыхъ безпалубныхъ лодкахъ, которыя назывались чайками и которыя въ самомъ дѣлѣ носились по волнамъ, какъ морскія птицы. Чтобъ онѣ не опрокидывались волненіемъ, къ бокамъ ихъ привязывались фашины; борты же ихъ возвышались надъ водою не болѣе полуаршина. Въ нихъ садилось чело-вѣкъ 50 — 70, изъ которыхъ третья часть работала веслами. Во время похода онѣ держались какъ можно ближе другъ къ другу и высматривали, не встрѣтится ли гдѣ турецкій корабль. За-

видѣвъ его издали, они останавливались и оставались на такомъ разстояніи, чтобъ ихъ нельзя было различить за морскою зыбью, а когда наступала темнота, они быстро подплывали, окружали корабль со всѣхъ сторонъ и вскакивали на него, прежде чѣмъ матросы успѣвали приготовиться къ бою.

По возвращеніи казаковъ съ добычею, начиналось въ Сѣчи пированье. Горѣлка лилась рѣкою; пьяный казакъ запуская руку въ свои шаровары и бросая горсть червонцевъ какому-нибудь бандуристу, отдавалъ кусокъ парчи за ведро вина.

Такова была удалая жизнь Запорожцевъ. Много добычи перепало и семейнымъ казакамъ, такъ что казачья жизнь все больше и больше привлекала народъ, и все больше приставало народа къ казачеству, и уходило въ Украину *) особенно когда начались гоненія на православныхъ.

Такъ какъ Украина находилась въ сосѣдствѣ земель русскихъ, бывшихъ подъ властію польскихъ государей, то государи эти пожелали казачью землю присоединить къ себѣ. Они сначала приласкали казаковъ, потомъ ловко подставляли имъ въ гетманы знатныхъ людей изъ западной Руси, преданныхъ однакожъ Польшѣ, стали давать казакамъ жалованье, но за то и требовать отъ нихъ службы и повиновенія, опредѣлили, какому числу казаковъ быть въ казачьемъ войскѣ **), и наконецъ начали раздавать земли на Украинѣ польскимъ панамъ и Русскимъ, предавшимся Польшѣ, обращая въ крестьянъ всѣхъ тѣхъ Украинцевъ, которые не вошли въ списокъ служащихъ казаковъ, и заставляя ихъ отбывать барщину этимъ вновь прибывшимъ помѣщикамъ.

Все это не нравилось Украинцамъ, которые по старинѣ желали быть вольными людьми и казаками. Когда же провозглашена была унія, казаки были изъ числа тѣхъ, которые наиболѣе ей сопротивлялись. Гетманъ Наливайко распорядился, чтобы силою изгнать изъ русскихъ земель всѣхъ принявшихъ унію и католиковъ. Двѣ огромныя партіи казаковъ были направлены съ этою цѣлію вдоль Днѣпра и Днѣстра. Онѣ дѣйствительно и очистили край. Но Наливайко былъ взятъ въ плѣнъ Поляками и *изжаренъ въ мѣдномъ быклѣ*. Королевское войско вступило въ Украину и исходило ее вдоль и поперекъ съ огнемъ и мечомъ. Вмѣстѣ съ войскомъ явились и ксендзы. Они стали приводить простой народъ въ унію подъ страхомъ смерти; помѣщиковъ же привлекали обѣщаніемъ королевской милости и другими мірскими выгодами. Простой народъ упирался, сколько могъ, противъ этого насилія, но помѣщики поддавались соблазну. За то они, принявши унію, или прямо католичество, переставали быть Русскими и становилсь Поляками, какъ было, напримѣръ, съ сыномъ славнаго князя Острожскаго, или съ потомкомъ князя Вишневецкаго, одного

*) Украиной вообще называлась пограничная, у края находящаяся страна; но имя это присвоено преимущественно Украинѣ днѣпровской.

**) Около времени введенія уніи, на Украинѣ считалось 20 округовъ, называвшихся полками, которые всѣ вмѣстѣ могли выставить до 40 тысячъ казаковъ.

изъ первыхъ казачьихъ гетмановъ. Многіе изъ нихъ доходили до того, что перемѣняли свои фамиліи, прибавляя къ своему природному прозвищу польскія окончанія: Чаплинъ сталъ называться Чаплинскимъ, Бурка — Бурковскимъ. Такіе люди начинали крестьянъ своихъ называть презрительнымъ словомъ *хлопъ*, языкъ ихъ — хлопскимъ языкомъ, вѣру ихъ — хлопскою вѣрою. Презирая крестьянъ, они пуще прежняго стали утѣснять ихъ. Для постройки огромныхъ своихъ замковъ, изъ которыхъ многіе существуютъ и донынѣ, для разведенія садовъ на нѣсколькихъ десятинахъ, для содержанія музыки, охоты и для роскошнаго угощенія своихъ пріятелей, польскихъ пановъ, королевскихъ старостъ и каштеляновъ, они обкладывали крестьянъ новыми податями. Крестьянинъ долженъ былъ не только работать на своего помѣщика, но отдавать ему десятую часть со всего своего имущества, съ быковъ, лошадей, мелкой живности, меда, овощей. Ульи, рыбныя ловли были обложены пошлинами. Но какъ и всѣхъ этихъ поборовъ бывало недостаточно для насыщенія панской роскоши, то экононы и арендаторы иногда прибѣгали къ неслыханнымъ мѣрамъ: принуждали крестьянина платить за то, чтобъ окрестить ребенка, обвѣнчать парня на дѣвкѣ, похоронить отца или мать. Часто случалось, что паны, сдѣлавшись католиками или уніятами, отдавали православныя церкви, бывшія въ ихъ владѣніяхъ, на аренду евреямъ, а тѣ требовали съ прихожанъ платы за каждое богослуженіе. Нерѣдко бывало и то, что панъ, отступившійся отъ своей вѣры, отбиралъ у церкви дарованную ей землю и тѣмъ лишалъ причетъ пропитанія. Священникъ, церковники принуждены бывали взять суму и отправляться по міру. Тогда заявляли, что священникъ бросилъ свою паству, и церковь обращали въ унію. Случалось, что буйная шляхта, пропьянствовавъ нѣсколько сутокъ, садилась на коней и врывалась въ монастыри, била и увѣчила монаховъ, безчинствовала съ монахинями, разгоняла тѣхъ и другихъ, и потомъ монастырь, какъ запустѣвшій и оставленный братією, отдавался уніятамъ.

Подобные случаи бывали нерѣдко во всей западной Руси, отъ Вильны и Витебска до Львова и Галича. Бывали они и на Украинѣ. Но здѣсь жили люди, которые сами, или которыхъ отцы и дѣды ушли отъ подобныхъ насилій, потому что хотѣли быть вольными; грабительства и притѣсненія казались имъ, слѣдовательно, несноснѣе, чѣмъ другимъ; притомъ же Сѣчь Запорожская была недалеко, а тамъ сильно сохранилось преданіе о старинной волѣ казачьей. Она готова была сдѣлаться для ополячившихся пановъ и для ксендзовъ латинскихъ и уніятскихъ столь же грозною, какою была для Татаръ.

Она дѣйствительно и сдѣлалась такою: казачье возстаніе при Наливайкѣ было первымъ большимъ возстаніемъ, а за нимъ скоро послѣдовали другія, еще болѣе страшныя, о которыхъ въ свое время будетъ рассказано.

Въ то время, какъ на Украинѣ скоплялось неудовольствіе противъ Поляковъ, католиковъ и уніатовъ и поднималась противъ нихъ явная борьба, въ другихъ мѣстахъ тоже шла противъ нихъ борьба, только иная. При

многихъ церковныхъ братствахъ существовали въ то время школы, и въ школахъ этихъ обучались вмѣстѣ дѣти мірянъ и духовныхъ; лучшія изъ такихъ школъ были въ Кіевѣ, Вильнѣ и Львовѣ. Нерѣдко выходили изъ нихъ люди хорошо обученные церковному писанію; они лучше другихъ понимали, что унія была дѣломъ неправымъ и учреждена была неправильно. Поэтому они стали горячо писать и проповѣдывать противъ нея. Таковы были, между прочимъ, извѣстные уже намъ Стефанъ Зизаній, епископъ Болобанъ, отрекшійся отъ уніи, и нѣкоторые другіе. Грамотные люди съ жадностью читали такія писанія; мѣщане и другіе городскіе жители толпами сбѣгались въ церкви, слушать проповѣдниковъ; всѣ православныя братства зашевелились, а больше всѣхъ виленское, какъ самое сильное, богатое и многочисленное.

Оно состояло при виленскомъ Троицкомъ монастырѣ. Епископъ Поцѣй, сдѣланный теперь митрополитомъ, вздумалъ назначить туда новаго архимандрита изъ уніатовъ же. Братство возстало и отказалось его принять. Дѣло вышло серьезное. Пріѣхалъ въ Вильну самъ Поцѣй; убѣждалъ, грозилъ, но не могъ ничего сдѣлать. Тогда онъ выхлопоталъ у короля указъ о ссылкѣ прежняго архимандрита. Изъ Варшавы присланъ былъ особый судъ. Судьи признали братчиковъ виленскихъ бунтовщиками и ослушниками закона; нѣкоторыхъ изъ нихъ казнили, отобрали у православныхъ и отдали уніатамъ не только Троицкій монастырь, но и почти всѣ церкви въ Вильнѣ. Народъ смирился передъ властью и силой; но нашелся челоуѣкъ, который, встрѣтивъ однажды на улицѣ Поцѣя, кинулся на него съ ножомъ и нанесъ ему нѣсколько ранъ; православное же братство перешло въ одну изъ оставшихся церквей.

Вотъ какъ происходило водвореніе уніи въ западной Руси. Явно, что ее навязывали противъ воли. Православныя братства, особенно по городамъ, гдѣ они были сильнѣе, отбивались отъ нихъ, отстаивали себя, переставали ходить въ церкви, въ которыя опредѣляли поповъ-уніатовъ, писали книги противъ уніи, позорили и безчестили отступниковъ, а между собою сдвигались еще плотнѣе. Но по деревнямъ противиться уніи было труднѣе. Мы уже видѣли, какъ легко бывало какому-нибудь богатому пану обратить въ унію церковь, стоящую на его землѣ; а что было дѣлать крестьянамъ, когда они, собравшись въ воскресенье къ обѣднѣ, находили въ церкви уніятскаго попа, вмѣсто православнаго? Что было дѣлать имъ, когда, кромѣ этого попа, не было другаго, чтобъ отпѣть покойника, окрестить дитя, обвѣнчать жениха съ невѣстой?

Такимъ образомъ мало-по-малу унія распространялась. Слабѣе другихъ мѣстностей вводилась она въ областяхъ Минской и Витебской, а также въ Полѣсьи и на Украинѣ. Полѣсье и Украина были защищены, первое—своими лѣсами и болотами, вторая—своею отдаленностью, стойкостью своего населенія и сосѣдствомъ Запорожья, котораго боялись паны и ксендзы.

Между тѣмъ случилось происшествіе страшное и почти неслыханное, которое смутило всю Русь, и восточную, и западную.

Въ началѣ 1598-го года, слѣдовательно вскорѣ послѣ Брестскаго собора, скончался сынъ Іоанна Грознаго, Θεодоръ, и какъ у него не было сыновей, то со смертію его прекращалось племя Рюрика и Владиміра Равноапостольнаго. Москва избрала въ цари зятя Θεодора Іоанновича, его любимца и перваго боярина, Бориса Годунова. Во все продолженіе 14-тилѣтняго правленія послѣдняго царя, Борисъ завѣдывалъ всеми дѣлами и заслужилъ общее уваженіе; еще ранѣе, при Грозномъ, онъ былъ у царя на виду и въ милости, но держалъ себя въ сторонѣ отъ лютыхъ казней, а напротивъ, нерѣдко смягчалъ страшный гнѣвъ государя. Народъ приписывалъ ему все добро, которое дѣлалось при Θεодорѣ и въ послѣднее время Іоаннова царствованія; духовенство любило его за щедрость и набожность, и за то что онъ возвысилъ церковную іерархію учрежденіемъ въ Москвѣ патріаршаго достоинства.

Но были два дѣла, въ которыхъ горько упрекали Бориса: первое изъ нихъ было прикрѣпленіе крестьянъ, случившееся въ царствованіе Θεодора Іоанновича; до того времени крестьяне на Руси, какъ сказано, были свободными людьми, и если не имѣли своихъ земель, то поступали на земли помѣщиковъ и вотчинниковъ по условію, а когда условіе это становилось имъ невыгоднымъ, то, отживъ условное время, имѣли право отходить. Теперь это право у нихъ было отнято, и съ того времени крестьяне сдѣлались крѣпостными. Новый законъ былъ выгоденъ для большей части помѣщиковъ и вотчинниковъ, но онъ стѣснилъ простой народъ, который, будучи лишенъ возможности переходить съ мѣста на мѣсто въ Россіи, началъ убѣгать въ вольныя степныя мѣста за Волгу, на Куму, на Терекъ и къ казакамъ на Донъ и на Днѣпръ, куда уже и прежде была пробита тропа.

Другое дѣло, въ которомъ упрекали Годунова, была смерть младшаго брата царскаго, царевича Дмитрія Іоанновича. Не доказано и до сего времени, чтобы царевичъ былъ умерщвленъ по повелѣнію Годунова, но такъ вообще думали въ то время, да это и очень вѣроятно. Духовенство и патріархъ однако его оправдывали и много помогали ему въ избраніи послѣ смерти послѣдняго изъ Рюриковичей.

Избраніе это было непріятно князьямъ и боярамъ русскимъ, изъ которыхъ многіе, происходя отъ одного корня, — отъ Рюрика и Ярослава, считали себя ближе чѣмъ онъ къ царскому дому. Новому царю это не было неизвѣстно, и потому онъ сталъ за ними присматривать, сталъ подкупать ихъ холопей, чтобъ они подслушивали и подглядывали за своими господами и ему бы, царю, о томъ доносили. Служить такую службу за хорошія деньги нашлось много охотниковъ; донощикамъ царь давалъ волю, а иногда дарилъ и земли; тѣхъ же, на которыхъ было донесено, подвергалъ опалѣ, высылалъ въ дальніе города или постригалъ неволею и заключалъ въ отдаленные монастыри. Что же произошло? Князья и бояре стали только опасливѣе передъ своими слугами, но не перестали умышлять зла противъ царя; думаютъ, что они-то подставили самозванца, который смутилъ надолго русскую землю.

Въ первые годы Борисова царствованія находился въ московскомъ Чудовомъ монастырѣ молодой монахъ, по имени Григорій Отрепьевъ, чело-
вѣкъ книжный. Будучи здѣсь, онъ проговорился, что могъ бы быть
царемъ на Москвѣ. Слова эти дошли до патріарха и до самого царя.
Григорія выслали въ отдаленный монастырь, но онъ ушелъ оттуда, явил-
ся опять въ Москвѣ, и подговоривъ двухъ другихъ монаховъ отправитъ-
ся на богомолье въ Кіевъ, бывшій тогда въ польской власти, покинулъ
своихъ товарищей какъ скоро перешелъ за рубежъ, поступилъ въ одну
латинскую школу, пробрался въ Запорожье, и наконецъ пошелъ въ услу-
женіе къ одному изъ русскихъ отступниковъ, князю Вишневецкому.
Здѣсь, будучи однажды боленъ, онъ, какъ бы на духу, передъ смертію
открылся, что онъ никто иной, какъ московскій царевичъ, Дмитрій Іоан-
новичъ, чудесно спасенный отъ убійцъ Борисовыхъ. Князь Вишневец-
кій, удивленный этимъ открытіемъ, сказалъ о немъ своему родственни-
ку, Мнишеку, и оба они стали думать, что имъ дѣлать съ чело-вѣкомъ,
который называетъ себя царевичемъ. Они сообщили о томъ нѣкоторымъ
другимъ лицамъ, своимъ духовникамъ и капелланамъ, которые обыкно-
венно находятся въ замкѣ каждаго знатнаго Поляка,—и вотъ латинское
духовенство вмѣшалось въ это дѣло. Іезуиты первые поняли, что можно
воспользоваться имъ: они написали Мнишеку, у котораго между тѣмъ
проживалъ Отрепьевъ, уже въ качествѣ дорогаго и почетнаго гостя,
чтобъ онъ поспѣшилъ съ нимъ въ Краковъ, главный городъ Польши. Въ
Краковѣ между знатыми Поляками, въ высшемъ духовенствѣ, при дворѣ,
уже ходили слухи о чудесномъ спасеніи московскаго царевича. Латинскіе
епископы поспѣшили съ нимъ увидѣться, и когда онъ сталъ просить по-
мочь ему отыскивать прародительскій престолъ, они ему обѣщали все-
возможную помощь, если онъ приметъ латинство. Григорій согласился и
принялъ въ духовники іезуита. Затѣмъ пожелалъ его видѣть и самъ ко-
роль. Сигизмундъ согласился признать его истиннымъ царевичемъ и на-
значить денежное содержаніе; но, не желая ссориться съ Россіей, отка-
залъ ему въ войскѣ, обѣщавъ однакожь не запрещать панамъ, шляхтѣ
и другимъ вольнымъ людямъ помогать ему и идти съ нимъ противъ Россіи.

Тогда Мнишекъ поѣхалъ съ нимъ изъ Кракова обратно въ свой за-
мокъ Самборъ; тамъ онъ принялся помогать самозванцу, набирать рат-
ныхъ людей, но предварительно потребовалъ отъ него особой записи.
Этою записью Григорій Отрепьевъ обязывался: 1) По завладѣніи мос-
ковскимъ престоломъ жениться на дочери Мнишека и дать ей въ вѣно
Новгородъ и Псковъ съ ихъ землями и волостями и съ правомъ соби-
рать съ нихъ доходы, судить, законы издавать, продавать и отдавать и
строить католическія церкви. 2) Тестю своему Мнишеку, выдать изъ
московской казны милліонъ золотыхъ и уступить въ потомственное вла-
дѣніе часть княжествъ Сѣверскаго и Смоленскаго. 3) Уступить королю
остальную часть этихъ княжествъ, и наконецъ, 4) Приложить все ста-
раніе, чтобъ обратить народъ московскій въ католичество.

Получивъ такую запись, Мнишекъ принялся за дѣло. Немедленно

разосланы были во всё концы государства универсалы, приглашавшие вольныхъ шляхтичей на славное дѣло—помогать законному царевичу добыть отеческій престолъ, а между тѣмъ пріобрѣсть рыцарскую славу, поживиться русскимъ серебромъ и золотомъ и утвердить между схизматиками католическую вѣру. Въ короткое время набралось съ разныхъ мѣстъ тысячи двѣ всякой вольницы, столько же пришло съ Дона тамошнихъ гультаяевъ, а чрезъ нѣсколько времени къ нимъ примкнуло болѣе 10,000 украинскихъ казаковъ.

Что же между тѣмъ дѣлалъ царь Борисъ? Онъ дѣйствовалъ слабо и нерѣшительно, посылалъ письма и гонцовъ къ королю польскому, объясняя ему, что человекъ, котораго онъ поддерживаетъ, никто иной, какъ бѣглый монахъ; отправлялъ въ Польшу людей, знавшихъ младенца царевича, знавшихъ и самого Стрѣльева; эти люди обличали его въ глаза, но онъ или смѣялся имъ или отдавалъ ихъ на волю собравшагося около него сброда, а между тѣмъ подвигался къ русскому рубежу и перешелъ его осенью 1604-го года въ Сѣверской землѣ (нынѣшней Черниговской губерніи).

Слухъ о чудномъ появленіи царевича Дмитрія взволновалъ русскую землю. Нѣкоторые предполагали въ этомъ обманъ, но большею частію вѣрили, что Божій промыслъ спасъ младенца и ведетъ его на престолъ отцовскій. Стали вспоминать обстоятельства его смерти и обвинять въ ней Бориса. Имѣть царемъ цареубійцу казалось ужаснымъ. Черниговцы связали своего воеводу, который хотѣлъ дать отпоръ Лжедмитрію; другіе воеводы, выступая въ походъ, сами говорили: «Трудно противъ природнаго государя воевать». При встрѣчахъ съ вольницею самозванца, у Русскихъ не было рукъ для сѣчи. Къ этому присоединялась иногда и измѣна, или робость и неискusstво: такъ воевода князь Мстиславскій съ 50,000 ратниковъ не рѣшался ударить на самозванца, а рѣшившись наконецъ, былъ разбитъ. Въ короткое время Лжедмитрію сдались Путивль, Сѣвскъ и нѣсколько другихъ городовъ.

Въ началѣ слѣдующей весны умеръ царь Борисъ. Онъ сидѣлъ за столомъ; вдругъ кровь хлынула у него изо рта, изъ носа, изъ ушей, и чрезъ два часа его уже не было въ живыхъ. Эта внезапная, неожиданная смерть, упавшая на него какъ Божья кара, еще болѣе усилила подозрѣнія въ томъ, что онъ умышлялъ на жизнь царевича. Народъ цѣловалъ крестъ его сыну, но дѣла были таковы, что съ ними невозможно было справиться этому юношѣ: они были, какъ мы видѣли, не подъ силу и самому его отцу. Вельможи, которыхъ еще сдерживалъ страхъ Борисова имени, стали измѣнять его сыну одинъ за другимъ: двое Голицыныхъ, Салтыковъ, Шереметевъ передались самозванцу; наконецъ передался ему и главный воевода царскій, Басмановъ, со всѣмъ войскомъ. Лжедмитрій потребовалъ, чтобы Москва отворила ему ворота; грамота его была прочитана на лобномъ мѣстѣ. Народъ взволновался, и подстрекаемый нѣкоторыми лукавыми боярами, а особенно княземъ Василиемъ Шуйскимъ, кинулся въ Кремль, и схвативъ все семейство Годуновыхъ, съ безче-

ствиемъ выгналъ его изъ царскихъ палатъ. Царица-вдова и молодой царь были задушены; тѣло Бориса вырыто изъ царской усыпальницы и вмѣстѣ съ тѣлами царицы и ихъ сына зарыто въ простомъ гробѣ, въ Варсонофьевомъ монастырѣ, на Срѣтенкѣ. Лжедмитрій вступилъ въ Москву при звонѣ колоколовъ и при кликахъ обманутаго народа: «Дай Господи тебѣ, государь, здоровья!» кричали ему, «ты наше солнышко праведное!» Немедленно Москва цѣловала крестъ ему, и бѣглый монахъ занялъ царскіе чертоги.

Но не долго и не спокойно довелось ему проживать въ нихъ. Первые разсорились съ нимъ сопровождавшіе его Поляки: онъ выдалъ имъ жалованье и велѣлъ возвратиться во-свояси. Они взяли деньги, но продолжали жить и буйствовать въ Москвѣ, смѣясь надъ нашими обычаями и оскорбляя гражданъ. Потомъ король польскій сталъ требовать, чтобы были уступлены ему обѣщанныя земли и чтобы приглашено было въ Москву латинское духовенство. Но сдѣлать это самозванецъ не рѣшался, а чрезъ это онъ разладилъ съ польскимъ королемъ и католическимъ духовенствомъ. Папа, узнавъ о его вступленіи въ Москву, радостно поздравлялъ его, и напоминая его обѣщаніе, писалъ: «Садись, сѣй, пожинай, повсюду проводи источники благочестія». Совѣтуя ему поскорѣе вступить въ бракъ съ дочерью воеводы Мишека, усердно католичкой, онъ продолжалъ: «Мы не сомнѣваемся, что такъ какъ ты хочешь имѣть сыновей отъ этой превосходной женщины, рожденной и воспитанной въ благочестивомъ католическомъ домѣ, то хочешь также привести въ лоно римской церкви и народъ московскій.» Но Дмитрій, какъ мы видѣли, не торопился приглашать въ Москву ксендзовъ и строить костелы.

Хуже всего для самозванца было то, что имъ начинали быть недовольны и Русскіе: ихъ раздражало буйное и оскорбительное поведеніе Поляковъ; необычнымъ притомъ казалось имъ, что царь не ходитъ въ баню, что у него во время стола играетъ музыка, что онъ иногда одинъ, безъ всякой свиты, выходитъ изъ дворца и съ иностранными своими тѣлохранителями упражняется въ воинскихъ потѣхахъ. Когда же вслѣдъ за его невѣстой прибыли новыя толпы Поляковъ съ новыми латинскими монахами, народъ возропталъ, по городу стали ходить о немъ дурные слухи: сначала шепотомъ, а потомъ и громко говорить начали, что онъ не царской крови, а еретикъ и самозванецъ. Одинъ дьякъ, знавшій его прежде, рѣшился гласно обличить его; онъ причастился Св. Таинъ, и ворвавшись во дворецъ, сказалъ при всѣхъ ему самому: «ты воистину Гришка Отрепьевъ, растрига, а не цесарь непобѣдимый; не царевъ сынъ, Дмитрій, но грѣху рабъ и еретикъ». Ко всему этому присоединился заговоръ бояръ, тѣхъ же самыхъ бояръ, которые измѣнили Борису и погубили его сына. Первыми изъ нихъ были князь Василій Шуйскій и Голицынъ; они распускали въ народъ, что Дмитрій не царь истинный, что онъ только иноземцевъ любитъ, а вѣру святую презираетъ и женится на еретичкѣ. Въ назначенный день, вскорѣ послѣ свадь-

бы его, бояре съ толпою народа вступили въ Кремль и вломились во дворецъ, съ крикомъ: «во имя Божіе, идите на злаго еретика!» Это было ночью. Лжедмитрій спалъ, но шумъ и крики его разбудили. Онъ былъ человѣкъ отважный: вскочивъ съ постели и выхвативъ саблю, онъ кинулся навстрѣчу врагамъ, говоря: «я вамъ не Годуновъ!» Но видя, что его стража уже обезоружена, и что одному противъ толпы сдѣлать ничего нельзя, онъ выпрыгнулъ въ окно, упалъ на бывшія тамъ подмостки и переломилъ себѣ ногу. Народъ кинулся къ нему съ крикомъ: «бей его, руби!» Потомъ обезображенное его тѣло было выставлено на Красной площади, въ маскѣ, съ дудкою и волынкою, а наконецъ сожжено, и перемѣшано будучи съ порохомъ, выстрѣлено изъ пушки и развѣяно по воздуху.

Смертію Лжедмитрія смуты не кончились; за первымъ самозванцемъ явился другой, потомъ третій; явилось ихъ нѣсколько вдругъ, въ Астрахани, въ разныхъ другихъ отдаленныхъ мѣстахъ; одинъ объявлялъ себя сыномъ Грознаго, другой его внукомъ, третій еще какимъ-нибудь царевичемъ словомъ, наводнилась земля русская самозванцами, смутилась небывалою еще смутою. Это время, т. е. восемь лѣтъ послѣдовавшія за появленіемъ перваго Лжедмитрія, такъ и называется *Смутнымъ Временемъ*.

Въ Москвѣ былъ избранъ на царство князь Василій Шуйскій. Тѣ города и области, которые желали порядка, держались и совѣтовали другимъ держаться того царя, который будетъ на Москвѣ. Но другія области и города приставали къ самозванцамъ; ихъ поддерживали также казаки донскіе и украинскіе, и Русскіе проливали кровь Русскихъ. Поляки съ своей стороны поддерживали эти смуты; ксендзы и іезуиты хотѣли имѣть подъ рукою человѣка, который помогъ бы имъ ввести въ Россію латинство; шляхта и вся прочая вольница, пришедшая съ Отрепьевымъ, находила выгоднымъ продолжать жить на чужой счетъ; король и панъ Мнишекъ могли надѣяться получить земли, уступленныя самозванцемъ, только отъ самозванца же. Поэтому они отыскивали какого то неизвѣстнаго человѣка, и какъ нѣкоторые думаютъ, Жидовина, котораго уговорили назваться московскимъ царемъ, спасшимся будто-бы отъ смерти. Народъ повѣрилъ этой сказкѣ, нѣсколько крамольныхъ бояръ сдѣлали видъ, что ей повѣрили; Сѣверская земля, курская область поднялись противъ царя, избраннаго Москвою, воеводы его были разбиты, и самозванецъ подступилъ къ самой Москвѣ, расположась въ селѣ Тушинѣ. Одни называли его тушинскимъ царемъ, другіе тушинскимъ воромъ.

Но это было не все: польскій король сталъ требовать удовлетворенія за умерщвленіе многихъ Поляковъ во время возмущенія противъ Отрепьева, хотя они были такіе же самозванные пришельцы въ Русскую землю, какъ и царь, котораго они привели. Этимъ требованіемъ король прикрывалъ истинную свою мысль: ему хотѣлось сдѣлаться царемъ московскимъ.

Итакъ, вотъ опять является мысль о соединеніи Россіи, Литвы и

Польши подъ одною короной. Но дѣло не совершилось по различію вѣроисповѣданій. Сигизмундъ не рѣшился искать московской короны для себя собственно; онъ выдвинулъ своего сына, королевича Владислава, и повелъ объ этомъ тайно переговоры съ нѣкоторыми изъ московскихъ бояръ. Царь Василій былъ нелюбимъ; тушинскаго царька почти вся Россія считала самозванцемъ; его поддерживали только казаки и польская вольница. Русскихъ въ тушинскомъ станѣ было мало, а тѣ, которые и находились тамъ, были по большей части люди бездомные и безродные. Поэтому, когда заброшены были первыя слова о королевичѣ Владиславѣ, они были выслушаны со вниманіемъ; бояре надѣялись, сверхъ того, что при немъ и въ Московское царство войдутъ права и вольности, которыми пользовались польскіе паны.

Между тѣмъ въ Москвѣ произошелъ бунтъ противъ Шуйскаго: его насильно постригли. За тѣмъ оставалось выбирать между королевичемъ польскимъ и тушинскимъ царькомъ. Патріархъ и духовенство были противъ того и другаго. Митрополитъ ростовскій Филаретъ, изъ рода Романовыхъ, выѣзжалъ на лобное мѣсто и говорилъ народу, чтобъ избрали въ цари кого-нибудь изъ своей братіи, православныхъ князей или бояръ. «Не прельщайтесь, говорилъ онъ, мнѣ подлинно извѣстно королевское злое умышленіе надъ Московскимъ государствомъ: хочетъ онъ имъ завладѣть и нашу истинную христіанскую вѣру разорить, а латинскую утвердить.» Патріархъ Гермогенъ сказывалъ боярамъ, которые пріѣзжали къ нему совѣтоваться о принятіи королевича: «если крестится и будетъ въ православной вѣрѣ, то я васъ благословляю; если же не крестится, то нѣтъ вамъ нашего благословенія».

Бояре понимали, что народъ никогда не согласится признать царемъ своимъ иновѣрца, а потому они объявили, что будутъ настаивать на принятіи королевичемъ православной вѣры, требуя, между тѣмъ, чтобы цѣловали крестъ. Это крестное цѣлованіе было совершено въ Москвѣ, въ концѣ августа 1606 года; за Москвою присягнули и многіе другіе города, но ни Сигизмундъ, ни Поляки не хотѣли отпустить въ Москву королевича, а тѣмъ менѣе еще согласиться, чтобъ онъ отступился отъ латинства: имъ хотѣлось и въ Московскомъ царствѣ такъ же, какъ въ великомъ княжествѣ Литовскомъ, ввести римскую вѣру, или хотъ на первое время унию.

Сигизмундъ вступилъ въ Россію и потребовалъ, чтобы Смоленскъ отворилъ ему ворота, какъ отцу московскаго царя; но Смольяне объявили, что они одному только Владиславу присягали, а отца его не знаютъ.

Между тѣмъ въ Москву было введено польское войско изъ страха передъ толпами самозванцевъ, которыя ее осаждали. Поляки теперь, какъ и во время перваго Лжедмитрія буйствовали въ Москвѣ и раздражали жителей; раздражало ихъ и то, что посланные къ королю Сигизмунду не могли добиться ни согласія на принятіе королевичемъ православія, ни того, чтобъ его отпустили къ Москвѣ. Проходили мѣсяцы, прошелъ годъ и другой. Польское войско продолжало занимать Москву,

а сеймы польскіе не отпускали королевича. Патріархъ сталъ говорить явно: «Если королевичъ не крестится и всѣ литовскіе люди не выйдутъ изъ московской земли, то королевичъ намъ не госуарь». Сомнѣніе распространялось по всему государству: Смоленскъ, Нижній-Новгородъ, Казань, даже отдаленная Пермь стали списываться съ Москвою и между собой, спрашивая другъ у друга совѣта и убѣждая другъ друга крѣпко стоять за Русь и за домъ Пресвятыя Богородицы. «Вижу разореніе святыхъ церквей, провозглашалъ славный Гермогенъ, слышу въ Кремлѣ пѣніе латинское и не могу терпѣть.» Подобныя же слова излетали изъ Троицко-Сергіевской лавры и разносились по всему царству; откликнулась на нихъ и отдаленная Соловецкая обитель: «Не хотимъ, объявляла она, никого иновѣрцевъ на Московское государство царемъ, кромѣ своихъ прирожденныхъ бояръ!»

И вотъ однажды въ Москвѣ, на площади, произошла ссора между Русскими и Поляками; отъ ссоры дѣло дошло до драки; началась сильная свалка; съ одной стороны подошла рота польскихъ жолнеровъ, съ другой сотня русскихъ ратниковъ; грянулъ набатъ, и Москва возсталла противъ Поляковъ (1611 г.). Поляки, которые занимали Кремль и Китай-городъ запалили Замоскворѣчье и предмѣстія; Москвичи остались безъ крова, на снѣгу, но не выпускали враговъ изъ тѣсной осады, а между тѣмъ начинала вставать вся Русская земля. Кличъ кликнулъ незабвенный Кузьма Мининъ, нижегородскій посадскій человѣкъ. Князь Пожарскій повелъ сильную рать къ Москвѣ, и послѣ долгой осады принудилъ бывшихъ въ ней Поляковъ сдаться. 27 Ноября 1612 года русская рать вступила въ Китай-городъ; впереди ея шло духовенство съ крестами и хоругвями; въ то же время изъ Спасскихъ воротъ выходили кресты и хоругви, остававшіеся тамъ во время польскаго занятія. Оба крестные хода соединились у лобнаго мѣста, и клиръ церковный, цѣлый народъ московскій возгласилъ: «Тебѣ Бога хвалимъ!»

У.

Іосафатъ Кунцевичъ. — Волненія въ Бѣлоруссіи и на Украинѣ: Тарасъ Трясило, Павлюкъ, Острица. — Новыя утѣшенія. — Іовъ Борецкій бьетъ челомъ Малороссіей царю Михаилу. — Братства и школы поддерживаютъ чувство народности и преданность православію. — Петръ Могила. — Богданъ Хмельницкій. — Ссора его съ Чаплинскимъ. — Хмельницкій готовится къ возстанію. — Желто-Водское побоище. — Пораженіе гетмана Цотоцкаго. — Гайдамаки. — Возстаніе проникаетъ въ Бѣлоруссію и Галицкую Русь. — Хмельницкій входитъ въ сношеніе съ сосѣдними государями. — Посольство А. Киселя. — Поляки подъ Зборажемъ. — Битва подъ Зборовымъ. — Зборовскій договоръ.

Москва была очищена отъ враговъ, Россія избрала себѣ царя въ лицѣ Михаила Ѳеодоровича Романова, но въ Польшѣ не признавали его царемъ русскимъ и домогались, хотя бы силою, посадить на престолъ московскій Владислава; казаки и вольница польская и литовская опустошали русскія области, доходя даже до сѣвернаго поморья, т. е. до

нынѣшней Архангельской губерніи, Въ это же самое время Шведы, призванные Шуйскимъ, заняли Новгородъ и другія сосѣднія съ ихъ землею области. Молодой царь русскій находился въ крайнемъ положеніи и принужденъ былъ поступиться какъ Швеціи, такъ и Польшѣ, многими своими областями: Польшѣ уступилъ онъ Смоленскую и Сѣверскую земли съ городами Смоленскомъ, Бѣлымъ, Дорогобужемъ, Рославлемъ, Стародубомъ, Черниговомъ, Новгородомъ-Сѣверскимъ, Почепомъ, Трубчевскомъ, Краснымъ, Себежемъ, Невлемъ и Велижемъ.

Казаки во все это время усердно служили Польшѣ и королю Сигизмунду, но немного они этимъ выиграли. Пока былъ у нихъ гетманомъ Конашевичъ Сагайдачный, онъ умѣлъ кое-какъ отстаивать права русскаго народа, но послѣ его смерти уніаты и католики начали прежнія притѣсненія. Они начались въ Бѣлоруссіи. Во время войнъ съ Москвою королевича Владислава (сдѣлавшагося послѣ смерти отца своего королемъ) возведенъ былъ въ санъ уніатскаго епископа витебскаго Юсафатъ Кунцевичъ, рьяный уніать и гонитель православія. Еще будучи дьякономъ въ Вильнѣ, онъ ходилъ по улицамъ и останавливался на площадяхъ, собирая вокругъ себя народъ и проповѣдуя унію; во время поѣздокъ своихъ, при каждой остановкѣ, на каждомъ постояломъ дворѣ онъ точно также поучалъ, проповѣдывалъ и посылалъ людей на исповѣдь, по примѣру католиковъ, которые, какъ извѣстно, исповѣдуются весьма часто. Когда же этотъ ревностный подражатель католичества сдѣланъ былъ епископомъ, то усердію его открылся большой просторъ. Онъ пустился по своей епархіи обращать и проповѣдывать. Но русская паства встрѣчала его недружелюбно. Полоцкій бургомистръ, встрѣтивъ его у городскихъ воротъ, сказалъ ему, что если онъ пріѣхалъ съ уніей, то пусть лучше воротится; въ Могилевѣ передъ нимъ заперли ворота и навели на него крѣпостныя пушки; въ Витебскѣ народъ собрался на площадь и формально объявилъ, что не признаетъ Кунцевича своимъ епископомъ; но Кунцевичъ былъ безстрашный изувѣръ; онъ вступилъ въ Полоцкъ и началъ тамъ обращать и проповѣдывать, загонялъ народъ въ церкви силою, тянулъ въ унію подъ страхомъ смерти; безчестилъ православныхъ не только живыхъ, но и мертвыхъ: вырывалъ ихъ тѣла изъ могилъ и выбрасывалъ на сѣденіе псамъ.

То же самое дѣлалъ онъ во всѣхъ другихъ городахъ, но въ Витебскѣ это не прошло ему даромъ. Тамошніе жители долго терпѣли: всѣ православныя церкви были запечатаны, они выстроили шалаши на краю города и тамъ отправляли свое богослуженіе; наконецъ, терпѣть у нихъ не стало болѣе силы. По поводу какой-то ссоры между однимъ уніатомъ и однимъ православнымъ, произошла свалка; на церквяхъ загудѣла набатъ, народъ кинулся къ архіерейскому дому, перебилъ прислугу, самого Кунцевича забилъ палками до полусмерти, и вытащивъ на площадь, dokonчилъ топорами и пицалами. Нечего и говорить какая за этимъ послѣдовала переборка въ Витебскѣ; безпорядки и убійства нигдѣ впрочемъ не проходятъ даромъ, но католики успѣшили воспользоваться

этимъ обстоятельствомъ. Кунцевича причли къ лику святыхъ мучениковъ; православіе же придавили еще крѣпче.

Таковы были дѣла въ сѣверныхъ областяхъ; то же самое происходило на Волыни и въ Подоліи; да не лучше было и на Украинѣ; но тамъ проиходили не отдѣльныя вспышки, какъ въ Витебскѣ, а вставалъ весь народъ разомъ. Начиналось обыкновенно съ Запорожья. Какъ скоро на Украинѣ усиливались гоненія, народъ бѣжалъ въ Сѣчь и приносилъ туда горькія жалобы. То же случилось и теперь, послѣ смерти Сагайдачнаго: народъ валилъ толпами, говоря, что по всей Украинѣ житья не стало, что лучшія земли и даже города розданы польскимъ панамъ, которые казаковъ выгоняютъ на панщину и берутъ къ себѣ во дворъ въ псари и холощья, что православныя церкви поворачиваютъ на унію, а ксендзы грозятъ смертію и мученіями всѣмъ непокоряющимся.

Запорожцы подумали, что надо выручить свою братію, и вступили въ Украину; въ нѣсколько дней къ нимъ присоединилось до 30 тысячъ казаковъ. Противъ нихъ вышло королевское войско; но они воспользовались тѣмъ, что Поляки перепились и спали мертвымъ сномъ, кинулись ночью на ихъ обозъ и учинили страшную рѣзню. Эта ночь памятна на Украинѣ и до сего времени; народъ называлъ ее *Тарасовой ночью*, потому что вождемъ казачьимъ былъ тогда Тарасъ Трясило.

Тѣмъ на этотъ разъ дѣло и кончилось. Польша была занята другими войнами и усмирять казачество ей было нечѣмъ. Напротивъ того, послы отъ русскихъ земель, прибывъ въ Варшаву на сеймъ, жаловались на утѣсненія, которыя терпятъ ихъ вѣра, и требовали, чтобы ксендзамъ и іезуитамъ, а также и панамъ польскимъ, не давали повадки. Все это было обѣщано, но ничто не исполнено. Да и нельзя было полагаться на обѣщанія ни сейма, ни короля, потому что ни сеймовыхъ постановленій, ни королевскихъ приказаній ни одинъ знатный человѣкъ не слушалъ и знать не хотѣлъ. Напротивъ того, въ Варшавѣ стали думать какъ бы положить конецъ своеволію Запорожцевъ. И вотъ однажды, когда они, подъ начальствомъ атамана Сулимы, уходили въ море промыслять на турецкихъ и крымскихъ берегахъ, пришла польская команда и построила крѣпостцу. Возвращаются казаки, подплываютъ къ своимъ островкамъ и видятъ: стоитъ крѣпость, а по стѣнамъ ея расхаживаютъ польскіе жолнеры. Вскипѣли казачьи сердца. Сулима далъ знакъ, Запорожцы кинулись на крѣпость, перерѣзали всѣхъ Поляковъ и разбросали по камнямъ всю постройку. Вслѣдъ затѣмъ они пошли на Украину, но удачи имъ на этотъ разъ не было. Велъ ихъ Павлюкъ, человѣкъ нераспорядительный; они были разбиты, и самъ Павлюкъ попался въ плѣнъ; съ него содрана была кожа, и многимъ другимъ казакамъ отсѣчены головы.

Но въ Варшавѣ видѣли, что этою казнью не будетъ положенъ конецъ волненіямъ на Украинѣ; казачество становилось слишкомъ сильно. Къ сожалѣнію, вмѣсто того чтобъ оказать ему правосудіе и успокоить его, сеймовые чины подумали, что лучше будетъ его придавить. Уже нѣсколько разъ были дѣланы распоряженія о томъ, чтобъ ограничить

число казаковъ шестью тысячами, чтобъ только *реэстровыхъ* считать казаками, а всѣхъ прочихъ жителей Украйны простыми крестьянами. Распоряженія эти однакожь плохо исполнялись; Украинцы не повиновались своимъ помѣщикамъ, считая себя по старинѣ вольными людьми; когда же случался походъ, то ихъ всегда набиралось гораздо боле шести тысячъ. Поэтому въ нынѣшній разъ было еще строго подтверждено, чтобы казаковъ, служащихъ или реэстровыхъ, было не болѣе шести тысячъ, а начальными людьми надъ ними и старшиною были назначены Поляки. Но эти крутыя мѣры повели только къ новому возстанію. Въ слѣдующемъ же году Острица повелъ Запорожцевъ на Украйну и соединился тамъ со многими тысячами казаковъ. Противъ него вышелъ коронный гетманъ Потоцкій, былъ разбитъ, и боясь совершеннаго истребленія, вступилъ съ казаками въ переговоры. Вотъ какъ разказываетъ это дѣло одна старинная лѣтопись: «Казаки на степу надъ рѣкою Старицею Поляковъ побили; Ляхи присягали, что не будутъ вольностей ихъ нарушати и не мстити, но потомъ присягу сломили.» Острица, съ нѣсколькими лицами изъ казачьей старшины, послѣ договора, поѣхалъ на богомолье въ Каневскій монастырь; Поляки узнали объ этомъ, забѣжали въ монастырь, и когда казаки пріѣхали туда, перевязали ихъ и отправили въ Варшаву, гдѣ ихъ постигла злая казнь. «Многихъ храбрыхъ и славныхъ казаковъ различными муками погубиша, пишетъ другой лѣтописецъ, овыхъ на четверо разсѣкающе, иныхъ на полѣ избивающе, другихъ на желѣзные таки за ребра вѣшающе.»—«Дѣтей въ котлахъ варили, женщинамъ перси деревомъ вытискивали,» свидѣлствуютъ современники.

И такъ, съ самаго введенія уніи, въ продолженіе почти пятидесяти лѣтъ, не прекращались насилія со стороны Поляковъ, а со стороны Русскихъ возстанія то по городамъ, то въ полѣ. Русь приходила въ конечное разореніе. Славный Кіевъ обратился въ это время въ ничтожный городишко; въ немъ было не болѣе 6 тысячъ жителей (теперь въ немъ болѣе 60 тысячъ), домишки были всѣ низенькіе, крытые соломой, а по вечерамъ освѣщались лучинами; изъ множества церквей, украшавшихъ эту колыбель православія, оставалось только десять: всѣ прочія были или разорены, или обращены въ унію. Что было съ Кіевомъ, то и съ другими городами. Кунцевичъ, какъ сказано, отобралъ на унію большую часть православныхъ храмовъ въ Бѣлоруссіи; на Волини, въ Острогѣ, гдѣ знаменитый князь Острожскій завелъ школу для русскихъ дѣтей, іезуиты завели свою коллегію; сынъ этого Острожскаго, сынъ Сапѣги, дѣти многихъ другихъ ревностныхъ православныхъ, стали католиками; Радзивиллы, которые были лютеранами, тоже обратились въ латинство. Іезуиты вездѣ торжествовали, и потомки старинныхъ князей русскихъ и литовскихъ дѣлались ихъ усердными помощниками, утѣсняя вѣру своихъ предковъ, утѣсняя своихъ братьевъ единоплеменниковъ.

Одна надежда была, казалось, на Россію, на ея защиту и покровительство. Русскіе западные стали вспоминать, что они одного племени

съ Русскими восточными, московскими; что они отдѣлились отъ своей братіи, когда надъ тѣми тяжело лежало татарское иго; но вотъ объ игѣ татарскомъ тамъ уже и память прошла; Москва пережила годину самозванцевъ, а западной Руси, которой было сначала легче чѣмъ восточной, теперь съ каждымъ годомъ становилось все тяжелѣе. Видя это, кіевскій митрополитъ, Іовъ Борецкій, посылалъ въ Москву сказать царю Михаилу: «У Малороссіи одна только дума, какъ бы поступить подъ твою государскую руку; намъ, кромѣ государя, некуда дѣваться.» Но Московское государство еще не вполне оправилось послѣ Смутнаго Времени: принять Малороссію значило вступать въ тяжелую борьбу съ Польшей, а на это не было еще силъ восточной Руси; слѣдовательно, должно было надѣяться только на свои собственные силы.

По счастью, силъ этихъ еще было много. Письменный споръ объ уніи не прекращался, и въ немъ принимали самое живое участіе не только дворяне, оставшіеся вѣрными православію, но и купцы, мѣщане и вообще братчики церковныхъ братствъ. Когда появлялась какая-нибудь книга, направленная противъ уніи, ее покупали на-расхватъ, собирались вмѣстѣ читать ее, обсуживали каждое слово, принимали къ сердцу все, что было написано въ пользу восточной церкви, и въ этомъ чтеніи почерпали новыя силы для того, чтобы стоять непоколебимо за свою церковь. Подобныя книги писали не только записные грамотѣи и ученые монахи, но и свѣтскіе люди, потому что дѣло вѣры было у всѣхъ тогда въ сердцѣ. Такъ, напримѣръ, и гетманъ Сагайдачный, хотя онъ и мирволилъ Полякамъ, и дружилъ имъ, писалъ книги въ защиту православія. Но ни чьи сочиненія не читались съ такою жадностью, какъ сочиненія ученаго монаха, Мелетія Смотрицкаго, пока и его, какъ многихъ другихъ, іезуиты не перетянули въ унію. Кромѣ книгъ, сильно поддерживали православныхъ школы, которыя хотя и были въ иныхъ мѣстахъ закрываемы по проискамъ латиновъ, но за то въ другихъ мѣстахъ были взамѣнъ того открываемы; ими дорожилъ народъ; на содержаніе ихъ бѣдные люди давали что могли, а богатые нерѣдко, умирая, оставляли имъ все свое имѣніе. Такъ, сдѣлалъ между прочимъ, тотъ же Сагайдачный относительно школы кіевской.

Еще болѣе сдѣлалъ бывшій послѣ Іова Борецкаго митрополитомъ въ Кіевѣ Петръ Могила. Во время войнъ на Украинѣ, школа, которая состояла при кіевопечерской лаврѣ, была разорена. Могила вновь открылъ ее, набралъ хорошихъ учителей, входилъ во всѣ ея нужды, ничего не жалѣлъ для нея и довелъ ее до того, что она сдѣлалась лучшимъ училищемъ въ свое время во всей Руси западной и восточной. При ней же печатались и книги богослужебныя, церковныя и инныя. Такъ отстаивали они восточное православіе и русскій народъ. И надо замѣтить, что имъ приходилось отстаивать себя не противъ Поляковъ собственно, не противъ народа польскаго, но именно противъ католическаго духовенства: оно утѣсняло, оно преслѣдовало и истребляло все, что ему не подчинялось. Поляки были недовольны казаками за ихъ

безпокойный духъ, за набѣги, которые тѣ дѣлали на крымскія и турецкія земли и за которые нерѣдко приходилось отвѣчать Польшѣ, но на сеймахъ часто и много говорили противъ утѣсненій, чинимыхъ восточной церкви, и осуждали ихъ. Только это ни къ чему не приводило, потому что ловкіе іезуиты всегда умѣли доставить назначеніе въ старосты каштеляны, и другія должности въ русскихъ земляхъ горячимъ католикамъ, которые не ставили ни во что распоряженія сейма и дѣлали по своему. Это, положимъ, было бы еще неудивительно при королѣ Сигизмундѣ, который самъ былъ изувѣръ и негодовалъ на постановленія сеймовъ, если они оказывали снисхожденіе *схизматикамъ*; но то же самое продолжалось и при его сынѣ Владиславѣ, государѣ вообще очень милостивомъ; народъ русскій не переставалъ притѣснять; Украина же не переставала возмущаться.

Казакамъ были однакожь обѣщаны въ это время нѣкоторыя права, а именно: чтобы въ войсковые реестры вписывать уже не шесть, а двадцать тысячъ казаковъ и по прежнему избирать свою старшину. Король, кромѣ того, прислалъ имъ, въ знакъ своего благоволенія, булаву. Онъ это дѣлалъ отчасти потому, что точно благоволилъ къ казакамъ, а отчасти потому, что замышлялъ походъ противъ Турокъ. На сказанныя льготы была прислана привилегія, но привилегія эта была передана только двумъ довѣреннымъ казакамъ, гетману Барабашу и войсковому писарю Богдану Хмельницкому, съ тѣмъ притомъ, чтобы они до времени держали ее въ тайнѣ. А какъ война съ Турками не состоялась, то и привилегія королевская такъ и оставалась подъ спудомъ у Барабаша. Объ этомъ зналъ только одинъ Хмельницкій.

Зиновій-Богданъ Хмельницкій есть такое значительное лицо въ исторіи западной Руси, что съ нимъ надо поближе познакомиться. Онъ былъ природный казакъ; учился въ кievскомъ духовномъ училищѣ, а потомъ въ одной изъ школъ, заведенныхъ на Украинѣ іезуитами, и считался между своими земляками очень книжнымъ, ученымъ человекомъ. Службу свою онъ началъ при дворѣ одного изъ богатѣйшихъ украинскихъ пановъ, Потоцкаго, у котораго завѣдывалъ конюшными. Рассказываютъ, что однажды этотъ Потоцкій, напившись пьянъ за обѣдомъ, чуть не отрубилъ голову своему конюшему, такъ, для потѣхи. И не такимъ важнымъ панамъ, какъ Потоцкій, подобныя потѣхи сходили съ рукъ. Но Хмельницкому была дорога своя голова: онъ убѣжалъ въ Сѣчь, а оттуда перешелъ на Украину и записался въ казаки, между которыми скоро заслужилъ уваженіе за свою храбрость, смѣтливость и расторопность. Онъ дослужился черезъ нѣсколько лѣтъ до званія генеральнаго писаря, одного изъ самыхъ важныхъ между казачьею старшиной. Научившись въ іезуитской школѣ скрытности и лукавству, Хмельницкій велъ себя очень искусно: былъ всегда заодно съ казаками, участвовалъ во всѣхъ возстаніяхъ, бывшихъ въ его время, а между тѣмъ ладилъ съ Поляками, которые, видя его образованность и цѣня умѣнье его говорить по-латыни, обращались съ нимъ какъ съ шляхтичемъ. Но вотъ

произошелъ случай, который навсегда разсорилъ его съ Поляками.

У Хмельницкаго былъ небольшой хуторъ, гдѣ и жилъ онъ съ своимъ семействомъ. Хуторъ этотъ понравился польскому подстаростѣ Чаплинскому, и онъ сталъ просить его для себя у гетмана, объясняя, что хуторъ этотъ заселенъ, а по закону казакъ не можетъ держать людей на своей землѣ. Кончилось тѣмъ, что Чаплинскій собралъ жолнеровъ, напалъ однажды на хуторъ Хмельницкаго и взялъ его себѣ вмѣстѣ со всемъ имуществомъ и даже женою Хмельницкаго, а одного изъ его сыновей застрѣлъ до смерти. Самому Богдану удалось уйти, захвативъ съ собою только ту королевскую привилегію, которую держалъ подъ спудомъ Барабашъ и которую не задолго передъ тѣмъ Хмельницкій укралъ у него, напоивъ его пьянымъ. Онъ кинулся къ гетману съ жалобой на Чаплинскаго, но удовлетворенія не получилъ; просилъ въ судъ, но и тамъ отказались защитить его. Тогда озлобленный казакъ вышелъ и сказалъ:

«Маю шаблю въ руци: еще козацька не умерла мати!»

За эти слова онъ былъ посаженъ въ тюрьму. Бывъ оттуда освобожденъ чрезъ нѣсколько времени, онъ поѣхалъ въ Варшаву искать правосудія у сената и наконецъ у самого короля; но и тамъ жалобы его не были уважены.

Тогда уже ничего болѣе не оставалось Хмельницкому, какъ взяться за свою «шаблю»; онъ такъ и рѣшился. Возвращаясь изъ Варшавы, онъ ѣхалъ медленно, останавливался въ каждомъ селѣ, заводилъ знакомства, вездѣ разказывалъ о своихъ обидахъ и вывѣдывалъ—готовъ ли народъ подняться теперь, какъ во времена Наливайки и Остраницы. Эту готовность онъ находилъ вездѣ, между всеми Русскими, особенно между духовными, которые всѣхъ болѣе могли сдѣлать, чтобы поднять народъ. «Ежечасно молимъ мы Бога, говорили ему священники, чтобъ Онъ послалъ кого-нибудь для отмщенія за наши несчастія. Принимай оружіе; мы станемъ съ тобою, поднимется вся земля русская, какъ никогда еще не поднималась.»

Пробравшись наконецъ на Украйну, Хмельницкій повѣстилъ о томъ своимъ пріятелямъ и просилъ ихъ пріѣхать на свиданіе съ нимъ въ какой-то лѣсъ. На зовъ его пріѣхало много старыхъ казаковъ съ сивымъ усомъ и съ рубцами отъ польскихъ сабель на морщинистыхъ лбахъ. Хмельницкій сталъ имъ говорить, что нѣтъ для казаковъ въ Польшѣ ни суда, ни защиты, что нечего имъ дѣлать другаго, какъ, по примѣру отцовъ, добывать себѣ правду саблями. «Вотъ, говорилъ онъ, показывая украденную привилегію, король хочетъ насъ пожаловать, да паны не допускаютъ. Чего ждать? Весь народъ русскій только ждетъ отъ насъ примѣра!» Однакожь для большей осторожности Хмельницкій совѣтовалъ позвать къ себѣ на помощь Татаръ. Козаки слушали, иные возражали; кончили однакожь тѣмъ, что всѣ съ нимъ согласились. «И впрямь чего тутъ ждать? говорили самые нетерпѣливые; Поляки считаютъ насъ хуже собакъ: пусть и отъ насъ узнаютъ такую же честь.» Хмельницкаго тутъ же выбрали въ гетманы, чтобы вести казаковъ, когда наступитъ часъ. Это было въ 1646 году.

Уговорившись такимъ образомъ съ казаками украинскими, Хмельницкій поѣхалъ далѣе въ Сѣчь, чтобъ оттуда пробраться въ Крымъ. По дорогѣ онъ заѣхалъ въ Кіевъ поклониться святымъ угодникамъ русскимъ. Полагаютъ, что онъ видѣлся также съ митрополитомъ Петромъ Могилою и получилъ отъ него благословеніе на замышленное дѣло. Прибывъ къ Запорожцамъ, онъ попросилъ, чтобы собралась рада, и ставши посреди казаковъ, изъ которыхъ многіе его знали, поклонился по обычаю на всѣ стороны и сталъ говорить имъ о притѣсненіяхъ, которыя терпитъ Украина отъ Поляковъ и которыя онъ самъ претерпѣлъ. «Смотрите на меня, сказалъ онъ; вотъ я старый казакъ запорожскій и писарь войсковой: сына у меня Ляхи варварски убили, жену обезчестили, достояніе отняли, лишили даже походнаго коня и осудили на смерть. Нѣтъ для меня иной награды за кровь, пролитую для ихъ же пользы. Ничего не остается для тѣла, покрытаго ранами, кромѣ смерти отъ палача! Къ вамъ уношу душу и тѣло: укройте меня, стараго товарища!»

«Примаемо тебе, Хмельницкій пане, хлѣбомъ, солью и щирымъ сердцемъ!» отвѣчали Запорожцы.

Побывши нѣсколько времени въ Сѣчи и условившись съ главными запорожскими коноводами, Хмельницкій направилъ путь къ Татарамъ и скоро воротился оттуда съ нѣсколькими тысячами наѣздниковъ. На другой день по прибытіи его опять собралась рада, на которой Хмельницкій объявилъ, что все готово для выступленія въ походъ. Рада весело зашумѣла и назначила Хмельницкаго гетманомъ.

Между тѣмъ польское начальство узнало о рѣчахъ Хмельницкаго въ Сѣчи, о поѣздкѣ его въ Крымъ, и начало собирать коронное войско; строгія взысканія были объявлены тѣмъ, кто вздумалъ бы уходить въ Запорожье. Но это никого не остановило; Украина начинала уже колыхаться; казаки, крестьяне, вообще русскіе и православные хлопцы толпами кинулись къ Запорожью.

Такъ прошла зима. Въ началѣ 1647 г., какъ только стаялъ снѣгъ и Днѣпръ вскрылся, Хмельницкій съ казаками и Татарами переправился черезъ него и сталъ недалеко отъ впаденія въ него рѣки Тясмины. Собрались между тѣмъ и Поляки; командовалъ ими коронный гетманъ Потоцкій. Онъ послалъ противъ Хмельницкаго два войска: одно сухопутнымъ, другое Днѣпромъ, на судахъ. Узнавъ, что на судахъ плывутъ все свои же, казаки, Хмельницкій выѣхалъ къ нимъ на встрѣчу. Какъ только увидѣли они его, замахали шапками, пристали къ берегу и сказали: «веди насъ вмѣстѣ съ другими на Поляковъ!» Барабашъ, который былъ тутъ же на байдакахъ, былъ выброшенъ въ воду.

—Братья, рыцари молодцы, сказалъ имъ Хмельницкій, да будетъ вамъ вѣдомо, что мы взяли за сабли не ради одной славы или добычи, а ради обороны живота женъ и дѣтей нашихъ. Всѣ народы защищаютъ жизнь свою и свободу; звѣри и птицы то же дѣлаютъ; на то имъ Богъ далъ зубы и когти.

Соединивши казаковъ, пришедшихъ на судахъ и прибывшихъ съ нимъ,

Хмельницкій повелъ ихъ противъ польскаго войска. Оно стояло обозомъ на рѣчкѣ Желтыя Воды. Казаки съ гикомъ кинулись на польскій обозъ; оттуда навели на нихъ пушки; ядра полетѣли съ громомъ и визгомъ... но въ то же самое время съ тыла раздался другой гикъ: то неслись Татары. Поляки смѣшались было, но скоро оправились, засѣли въ своемъ обозѣ и отсиживались въ немъ слишкомъ сутки. Хмельницкій наконецъ остановилъ бой, и подъѣхавъ къ польскому обозу, закричалъ зычнымъ голосомъ, чтобъ оттуда выслали переговорщика. Выслали. Хмельницкій обласкалъ его, угостилъ по обычаю, но потребовалъ, чтобы Поляки сдали всѣ свои пушки, а сами возвратились съ миромъ домой. Поляки, нечего дѣлать, согласились и поднялись съ своего обоза. Казаки слѣдовали за ними издали. Но вдругъ, когда Поляки дошли до одного яра, на нихъ бросились Татары и однихъ истребили, другихъ захватили въ плѣнъ; казаки же только стояли поодаль и посмѣивались.

Въ то время какъ на Желтыхъ Водахъ происходила эта рѣзня, коронный гетманъ Потоцкій стоялъ близъ Черкасъ съ остальнымъ войскомъ и проводилъ время въ пированьи. Однако разъѣзды, которые онъ высылалъ отъ времени до времени по сторонамъ, доносили ему, что окрестности пустыютъ, что народъ выбирается изъ деревень, а по перелѣскамъ и степнымъ курганамъ показываются вооруженные люди.

Смутился Потоцкій и рѣшился подвинуться впередъ. Идетъ: все пусто. Народъ какъ будто вымеръ. Вдругъ разъѣзды замѣтили человѣка, который одинъ тащился степью; это былъ шляхтичъ, которому удалось какъ-то, хотя и израненному, спастись отъ желто-водской гибели. Онъ разказалъ Потоцкому, что и какъ было. «Все погибло, сказывалъ онъ. Казаки и драгуны, не сражаясь, измѣнили намъ; обозъ взятъ. Сапѣга, Шембергъ, Чарнецкій въ плѣну; сынъ твой также взятъ чуть-живой, а теперь, вѣроятно, разстался со свѣтомъ».

Очнувшись отъ этого страшнаго извѣстiя, гетманъ велѣлъ отступать; но казаки были уже близко, вмѣстѣ съ Татарами. Настигнувъ Поляковъ, Хмельницкій пошелъ за ними слѣдомъ, не тревожа ихъ однакожь, а самъ заслалъ самыхъ добродѣтельныхъ людей впередъ, чтобъ испортить дорогу и сдѣлать засаду въ лѣсу, черезъ который надо было проходить. Какъ только Поляки подошли къ этому лѣсу, казаки и Татары кинулись на нихъ, а изъ лѣса открылась перестрѣлка... Тогда началась рѣзня еще ужаснѣе прежней. Мало кому удалось уйтти съ побоища, да и тѣхъ, кому это удавалось, окрестные крестьяне ловили и приводили къ Хмельницкому.

«О Потоцкій, Потоцкій! у тебе разумъ жинокій (женскій)!» Такъ говорили казаки, издѣваясь надъ гетманомъ, который попался въ плѣнъ. Побѣда была полная. Казаки прежде всего отпѣли благодарственный молебенъ, а потомъ начали пировать. Двадцать пять бочекъ горѣлки было выпито заразъ! Помня, что первые помощники всему дѣлу были Запорожцы, Хмельницкій, обдаривъ тѣхъ, которые были съ нимъ, послалъ оставшимся на пиво 1000 талеровъ, да 300 на свѣчу въ свѣчевую церковь.

Какъ только сдѣлалось извѣстно о совершенномъ истребленіи Поляковъ, вся Украина закипѣла и поднялась; зашевелилась и вся Русь западная, и повсюду началъ стекаться народъ въ Бѣлую-Церковь, гдѣ между тѣмъ расположился Хмельницкій, и записываться въ казаки.

Эти прибылые люди, также какъ и казаки, сговорившись по нѣскольکو десятковъ, а иногда и сотенъ человѣкъ вмѣстѣ, отправлялись, какъ они говорили, очищать Русскую землю отъ Жидовъ и Ляховъ, и очищали ее такъ, что только пепелъ да кровь оставались тамъ, гдѣ они проходили. Дворяне, ксендзы, уніятскіе священники и Евреи, заслышавъ о приближеніи *гайдамаковъ*, убѣгали опрометью, оставляя все свое имущество, лишь бы спасти головы. Но и это имъ удавалось рѣдко, потому что вся прислуга панская состояла изъ Русскихъ, и они сами зазывали *гайдамаковъ* на своихъ пановъ.

Духовенство, съ своей стороны, проповѣдывало всеобщее возстаніе и призывало народъ на защиту православія; все украинское начальство, весь народъ западной Руси или поднимался, или готовился подняться; католическіе костелы подвергались поруганію и разграбленію, ксендзовъ вѣшали вмѣстѣ съ Жидами и собаками, латинскихъ покойниковъ вырывали изъ могилъ и ругались надъ ними; живыхъ же, особенно Евреевъ, истребляли цѣлыми толпами вдругъ, и такъ свирѣпствовали на обоихъ берегахъ Днѣпра, въ Подоліи и въ Сѣверской землѣ.

Что же дѣлала въ это время польская шляхта, владѣвшая имѣніями въ русскихъ земляхъ? Она либо разбѣгалась, стараясь пробраться въ Польшу, либо, иногда собравшись вокругъ какого-нибудь магната, запералась въ его замкъ, и случалось, хотя и рѣдко, что успѣвала отбиться отъ страшныхъ *гайдамаковъ*. Между такими панами, которые стыдились уходить отъ казаковъ и крестьянъ, замѣчательнѣе всѣхъ былъ князь Вишневецкій. Происходилъ онъ, какъ было сказано, изъ стариннаго православнаго рода; одинъ изъ его предковъ былъ даже гетманомъ надъ казаками, но самъ онъ перешелъ въ латинство и съ большимъ усердіемъ строилъ костелы, утѣснялъ православіе и обращалъ въ унію. Узнавъ о движеніи казаковъ и крестьянъ, онъ собралъ всю свою челядь, нѣсколько сотъ человѣкъ мелкой шляхты, жившей въ его обширныхъ имѣніяхъ, и выступилъ съ ними противъ *гайдамаковъ*, совершая надъ ними такія же жестокости, какія они совершали надъ Поляками и Евреями. Но это не останавливало возстанія, а напротивъ, только разжигало его: оно проникло на Воынь, перекинулось за Припеть до литовскаго Бреста и Орши.

Между тѣмъ царствовавшій въ Польшѣ король Владиславъ умеръ; слѣдовало поэтому приступить къ избранію новаго государя, и неурядица въ польскомъ управленіи сдѣлалась хуже прежняго. Со времени пораженія Потоцкаго все собирались и не могли собраться послать новое войско противъ казаковъ. Наконецъ собрались и назначили трехъ начальниковъ. Смѣясь надъ ними, Хмельницкій называлъ ихъ: одного *перынею*, потому что онъ былъ лѣнивъ, другаго *дѣтынею*, потому что

онъ былъ почти мальчикъ, третьяго латынею, потому что онъ былъ ученый человекъ. Согласія между ними не было: «у пановъ Богъ умъ отнялъ, говорилъ о нихъ Хмельницкій; каждый хочетъ быть старшимъ, а гдѣ старшихъ много, тамъ войско нездорово.» Но паны думали высоко о себѣ и о своемъ войскѣ. «Противъ такой сволочи, говорили они о казакахъ, не стоитъ тратить пуль; мы ихъ плетью разгонимъ.»

Хмельницкій выступилъ противъ нихъ изъ Бѣлой Церкви, собравъ прежде всѣ гайдамацкія партіи. Такимъ образомъ у него составилось войско тысячъ въ полтараста, несравненно больше, чѣмъ у Поляковъ. Къ Полякамъ въ это время примкнулъ князь Вишневецкій съ своимъ собственнымъ войскомъ, но онъ стоялъ особо, и не ладилъ съ панами, пришедшими изъ Польши. Хмельницкій встрѣтился съ ними недалеко отъ Константинова и еще разъ жестоко разбилъ ихъ. Затѣмъ они возвратились въ Польшу, гайдамаки опять разсыпались во всѣ стороны, а гетманъ направился въ Галицкую Русь, гдѣ, при его приближеніи, народъ, точно также, какъ и въ остальной Руси, поднялся противъ своихъ пановъ. Изъ Галиціи онъ перешелъ въ восточную часть нынѣшняго царства Польскаго, гдѣ тоже жилъ и живетъ народъ русскаго происхожденія. И здѣсь крестьяне его встрѣчали какъ освободителя. Замокъ Замостье долженъ былъ прислать ему окупъ. Такимъ образомъ, вся земля русская, 250 лѣтъ уже бывшая подъ польскимъ владычествомъ, приступила къ великому казачьему союзу.

Казаки, уже не разъ какъ было сказано, возмущались противъ польской власти, и е разъ тоже крестьяне приставали къ нимъ. Бывало, что цѣлыя области поднимались; но такого всеобщаго возстанія еще не было ни разу и ни разу Рѣчь Посполитая не находилась въ такой страшной опасности. Татары, которые въ первое время слѣдовали только издали за казаками, послѣ первыхъ успѣховъ сдѣлались горячими ихъ союзниками. Крымскій ханъ, довольный множествомъ плѣнниковъ и богатою добычею, которыми снабжалъ его Хмельницкій, представилъ султану турецкому, что и ему самому, султану, будетъ выгодно тѣсно сойтись съ казаками. Къ Хмельницкому прибылъ посолъ изъ Константинополя; гетманъ обласкалъ его и обѣщалъ уступить ему часть своихъ завоеваній, съ тѣмъ, чтобы Турки, въ случаѣ надобности, пособили казакамъ отторгнуть Русь отъ Польши. Отъ господарей валахскаго и молдавскаго, отъ князя седмиградскаго точно также пріѣзжали къ Хмельницкому посланники; наконецъ и съ московскимъ царемъ казачій вождь вступилъ въ сношенія, совѣтуя ему воспользоваться затруднительнымъ положеніемъ Польши и возвратить смоленскую и сѣверскую земли. Посреди всѣхъ этихъ гонцевъ и пословъ, получая грамоты сильныхъ государей, Хмельницкій и самъ имѣлъ видъ какъ бы государя, или незасимаго владѣтеля, хотя въ жизни своей онъ ни на шагъ не отступалъ отъ обыкновенной казачьей простоты и изъ золотыхъ чаръ пилъ простую горѣлку. Въ началѣ 1649 года, возвратившись изъ подъ Львова и Замостья, Хмельницкій вступилъ въ Кіевъ при звонѣ колоколовъ; встрѣченный

духовенствомъ самимъ митрополитомъ, окруженный безчисленными толпами народа, онъ ѣхалъ подъ войсковымъ знаменемъ, держа въ рукахъ гетманскую булаву.

При этомъ случаѣ, онъ точно имѣлъ видъ «князя малороссійскаго», какъ его величали нѣкоторые изъ окружавшихъ его иностранныхъ посланниковъ.

Между тѣмъ избранъ былъ наконецъ на польскій престолъ новый государь, по имени Янъ Казиміръ. Про него говорили, что онъ ласковъ, снисходителенъ, насилія не терпитъ и готовъ защитить русскую церковь отъ католиковъ и уніатовъ. Говорили также, что онъ обвинялъ самихъ Поляковъ за нынѣшнее казачье возстаніе и будто бы однажды выразился такъ: «не слѣдовало бы у Богдана отнимать его хутора, срамить жены и убивать его сына.» Слыша про все это, казаки были довольны.

И точно, первую заботою новаго короля было послать къ казакамъ слово милости и прощенія; выбранъ для этого былъ человекъ знатный, русскаго происхожденія и православной вѣры, по имени Адамъ Кисель. Послы выѣхали изъ Варшавы, проѣхали Польшу и вступили въ русскія земли; здѣсь имъ представился видъ страшнаго опустошенія: куда ни взглянуть, — разрушенный костель, или обгорѣлая панскія хоромы, или непогребенныя тѣла, вокругъ которыхъ вьются вороны и рыскаютъ волки. Запустѣніе было такъ велико, что въ этихъ изобильныхъ мѣстахъ едва можно было найти сѣна для корму лошадямъ: за вязанку надо было платить шесть злотыхъ, — а въ тѣ времена все было не въ примѣръ дешевле нынѣшняго.

Хмельницкій принялъ королевскихъ пословъ въ Переяславлѣ. Онъ хотѣлъ показаться имъ во всемъ своемъ величіи и могуществѣ: надъ нимъ держали бунчуки, полковники окружали его, держа въ рукахъ свои полковничьи булавы. Кругомъ толпился народъ, потому что свиданіе было на площади. Когда послы передали грамоту королевскую и осыпанную дорогими камнями булаву, то Кисель началъ было говорить рѣчь; но одинъ изъ полковниковъ перебилъ его:

— Кисель! ты кость отъ костей нашихъ, и ты отщепился отъ насъ и присталъ къ ляхамъ!

Хмельницкій приказалъ не мѣшать послу, но какъ было заставить молчать цѣлую толпу народа!

— Зачѣмъ вы принесли эти цацы? Хотите обмануть насъ! закричалъ одинъ.

— Не обманете, подхватилъ другой. Пусть за вами остается ваша Польша, а Украина намъ, казакамъ, пускай остается.

Хмельницкій былъ въ этотъ разъ спокоенъ и вѣжливъ, но это было только одинъ разъ. Когда начались переговоры, онъ горячился, кричалъ, грозилъ.

— Либо мнѣ совсѣмъ войскомъ запорожскимъ пропасть, либо землѣ польской со всѣми сенаторами, дуканами, корольками и шляхтою сгинуть», кричалъ гетманъ. Посмотрите, что и теперь дѣлается въ Литвѣ: Янушъ

Радзивиль сажаетъ русскихъ на колъ! Но я ему написалъ, что если онъ хотъ одного крестьянина тронетъ, то за это отвѣтятъ всѣ четыреста Поляковъ, которые у меня въ плѣну. — А когда одинъ изъ бывшихъ при этомъ Поляковъ замѣтилъ, что, можетъ быть, слухи про Радзивила невѣрны, то ему чуть не разможили голову.

—Отрекайтесь-ка вы, добрые православные паны, отъ ляховъ, и останьтесь съ нами! говорилъ не разъ Хмельницкій Киселю. Пусть сгинетъ ляхская земля, а Русь будетъ тогда пановать!

Такъ уговаривалъ онъ, когда былъ трезвъ; но когда бывалъ пьянъ, а это случалось нерѣдко, то къ нему и подступиться было страшно.

—Выверну васъ всѣхъ, кричалъ онъ, кверху ногами! Отдамъ васъ въ неволю турецкому султану. Какіе у васъ порядки? Какой законъ? Паны дѣлаютъ что хотятъ, а короля ни во что ставятъ. Нѣтъ, должно быть такъ: «согрѣшилъ князь, урѣжь ему шею; согрѣшилъ казакъ, и ему тоже: вотъ тогда будетъ правда!»

—Короля мы почитаемъ какъ своего государя, говорилъ въ другой разъ Хмельницкій, но шляхту и пановъ ненавижу до смерти и никогда не будемъ друзьями. Не пугайте меня вашимъ войскомъ, я отниму у васъ половину Польши. Мнѣ поможетъ чернь по Люблинъ и по Краковъ, а я отъ нея не отступлю, потому что она первая порука наша. Хочу, чтобъ вся земля русская была вмѣстѣ: Украина, Подолія, Волынь по Холмъ, Львовъ и Галичъ, а въ другую сторону по Горынь и Припечь.

Все эти рѣчи говорились съ бранью, крикомъ и угрозами, такъ что договариваться было невозможно. Кисель упрашивалъ Хмельницкаго, чтобъ онъ по крайней мѣрѣ написалъ, въ чемъ состоятъ его желанія и что, по его мнѣнію, долженъ сдѣлать король, дабы успокоить Русь. На это Хмельницкій написалъ слѣдующія условія:

«Чтобъ и памяти и слѣда уніи не было на Руси; чтобъ кіевскій митрополитъ былъ первымъ сенаторомъ послѣ примаса (*); чтобъ всѣ воеводы, каштеляны и другіе сановники на Руси были изъ православныхъ; чтобъ казачьему войску были подтверждены его стародовнія права; чтобъ во всей Украинѣ не оставалось ни одного жида; чтобъ гетманъ зависѣлъ отъ одного только короля».

Съ этимъ и уѣхало польское посольство, и радо было, что уѣхало цѣлое, потому что народъ злобно смотрѣлъ на него и былъ недоволенъ, что гетманъ, котораго звали болѣе *батькою*, разговариваетъ съ ляхами. Нѣсколько человѣкъ изъ числа слугъ посланничьихъ не захотѣли возвращаться съ ними, приставъ къ казакамъ.

Условія Хмельницкаго были отправлены для утвержденія королемъ и сеймомъ, а между тѣмъ положено было, чтобы и съ русской и съ польской стороны быть перемирію. Но перемиріе было плохо соблюдаемо:

(*) Примасъ былъ старшее католическое духовное лицо во всей Рѣчи-Посполитой.

опять начали бродить шайки гайдамаковъ; опять нѣкоторые паны польскіе съ жолнерами и слугами своими напали на русскія деревни. Тѣхъ и другихъ трудно было теперь успокоить. Въ Кіевѣ, на примѣръ, Поляки, надѣясь на перемиріе, стали показываться на улицахъ; народу это не понравилось, и однажды онъ побросалъ въ Днѣпръ слишкомъ сто человѣкъ вдругъ. А какъ между тѣмъ срокъ перемирія оканчивался, то Хмельницкій сталъ исподоволь подвигаться къ польской границѣ.

Со всѣхъ сторонъ стекался къ нему народъ: русскіе крестьяне, волыны, сербы, донскіе казаки, даже черкесы пристроивались къ казакамъ: сильная орда татарская къ нимъ тоже примкнула. Между тѣмъ и изъ Польши выступило войско и расположилось близъ замка Збаражъ, на Волыни. Войско это было однакожь слабо въ сравненіи съ казачьимъ. По счастію присоединился къ нему князь Вишневецкій съ нѣсколькими тысячами своихъ слугъ и пріятелей, а Вишневецкій и даже безъ войска своего, самъ лично былъ уже большою помощію, потому что не было между панами человѣка столь рѣшительнаго и смѣлаго, какъ онъ, и столько любимаго жолнерами и шляхтою.

Узнавъ о приближеніи несмѣтной казачьей силы, Поляки окопались въ своемъ обозѣ. Подступивъ къ нимъ, Татары и казаки захотѣли овладѣть ими съ налета, но это не удалось. Тогда Хмельницкій обложилъ польскій обозъ кругомъ, велѣлъ насыпать валъ и, поставивъ на него пушки, открылъ по Полякамъ сильный огонь. Поляки подняли свои окопы выше; поднялъ и свои Хмельницкій, такъ что не только изъ пушекъ, но и изъ ружей можно было въ польскомъ обозѣ бить на выборъ. Поляки пришли было въ отчаяніе и уже говорили, чтобъ сдаться; но Вишневецкій и нѣкоторые другіе начальныя люди удержали ихъ. Внутри окопа стали дѣлать другіе окопы; каждая хоругвь обводила около себя небольшой валикъ, чтобы за нимъ найти защиту, или вырывала въ землѣ для себя логовище. Поляки рылись какъ кроты, но не сдавались. А между тѣмъ положеніе ихъ было отчаянное: отъ множества убитыхъ воздухъ сдѣлался смраднымъ, провіантъ весь вышелъ, такъ что не только простыя жолнеры, но и самыя знатныя паны принуждены были ѣсть крысъ и падалъ. Казаки же съ своихъ укрѣпленій подсмѣивались и ругались надъ ними:

«Когда вы, панове, станете на Украинѣ собирать чиншъ (оброкъ)?» кричали они имъ, издѣваясь. «Вотъ вамъ аренды, вотъ ставщины, вотъ пересуды, вотъ сухомельщины (разныя сборы, которые взыскивали паны съ своихъ крестьянъ)».

Приходилось все это выслушивать Полякамъ, но они все-таки не сдавались. Вишневецкій стыдилъ трусливыхъ, а нѣкоторыхъ изъ своихъ рукъ закалывалъ; обнадеживалъ другихъ на скорую помощь и всегда былъ на ногахъ, не зналъ ни отдыха, ни покоя. «Лучше умремъ всѣ до единого, чѣмъ порадуемъ подлое хлопство нашею трусостью», говорилъ онъ.

Пока все это происходило на Волыни, король по всей Польшѣ объя-

вилъ «посполитое рушеніе», т. е. поголовное вооруженіе шляхетства, и самъ принялъ надъ нимъ начальство. Но шляхта собиралась медленно и неохотно. По тому-то такъ долго и напрасно ожидали помощи подъ Збаражемъ. Наконецъ, король вышелъ изъ Польши и вступилъ въ волынскую землю. Хмельницкій далъ ему приблизиться и, оставивъ противъ Вишневецкаго часть казаковъ, съ остальными, а также и съ Татарами, кинулся на встречу королю. Посланные впередъ разъѣзды извѣстили его, что королевское войско находится подъ городомъ Зборовымъ. Оно переправлялось черезъ рѣчку, когда Хмельницкій приблизился, — и тутъ же, не теряя времени, онъ ударилъ на Поляковъ. Началась страшная рѣзня. Поляковъ было несравненно меньше, но теперь, какъ и всегда, когда они переставали хвастать и ссориться между собою, бились они храбро. Король самъ не жалѣлъ своей головы и кидался туда, гдѣ было болѣе опасности. Бой продолжался до глубокой ночи. Поляки не дали одолѣть себя, но они были окружены со всѣхъ сторонъ, и держаться долго имъ не было никакой возможности. Когда наступила ночь и сѣча должна была прекратиться, знатнѣйшіе паны собрались къ королю и стали убѣждать его, чтобъ онъ, спасая свою жизнь, постарался тайно уйти изъ обоза.

«Никогда, отвѣчалъ онъ, не покажу я примѣра гнусной трусости. Я готовъ жить и умереть съ вами».

Онъ приказалъ окапывать обозъ и готовиться на утро къ послѣднему бою.

Дѣйствительно, какъ только засіялъ день, началась сѣча. Неоконченные окопы не могли выдержать сильнаго напора. Казаки ворвались въ польскій обозъ и внутри его рѣзали и истребляли все, что имъ попадалось. Нѣсколько хоругвей собралось вокругъ короля, чтобъ защищать его до послѣдней крайности. Въ это время неожиданно раздались крики: «згода! згода!» Это Хмельницкій приказалъ остановить бой. Онъ не хотѣлъ, какъ говорилъ и прежде Киселю, воевать противъ своего государя, а истреблялъ пановъ и ксендзовъ да ихъ пособниковъ, жидовъ, угнетавшихъ Русь.

Когда битва прекратилась, прибыли гонцы отъ Хмельницкаго и отъ хана, предлагая окончить дѣло миролюбивымъ соглашеніемъ. Нѣсколько времени король и паны не рѣшались было вступить въ переговоры съ возмущившимися хлопами какъ называли они украинцевъ, но наконецъ рѣшились, и слѣдующія условія были тогда утверждены:

Все случившееся предавалось забвенію; казакамъ разрѣшалось быть въ числѣ 40 тысячъ и жить въ нынѣшнихъ губерніяхъ: Кіевской, Подольской, Полтавской и Черниговской. обѣщано было, что коронныя войска не будутъ вступать въ ту часть Руси, гдѣ дозволялось жить и селиться казакамъ; евреямъ не дозволено было тамъ жить. Всѣ должности въ этой части Руси положено было раздавать только православнымъ. Относительно уніи опредѣлено было сдѣлать особое постановленіе, съ согласія кіевского митрополита; іезуитамъ запрещалось находиться въ тѣхъ

городахъ и мѣстечкахъ, гдѣ существуютъ русскія школы. Кіевскому митрополиту дано право засѣдать въ сенатѣ.

Когда эти условія были подписаны королемъ, Хмельницкій просилъ дозволенія принести свою и народа русскаго признательность королю; бывъ къ нему допущенъ, онъ, ставъ на одно колено, сказалъ ему:

«Много уже лѣтъ, наяснѣйшій и могущественнѣйшій государь, свирѣпая и кровавая ненависть почти всѣхъ польскихъ пановъ, была обращена на насъ, вѣрныхъ слугъ твоихъ. Всѣми возможными средствами они топтали привилегіи нашихъ старшинъ, считали казаковъ запорожскихъ не войскомъ величества твоего, а своими рабами. Священники наши были для нихъ хуже магометанъ. Захвативъ въ государствѣ власть, они не давали намъ свободнаго голоса на сеймахъ; насилія, убійства, крайнія оскорбленія всякаго рода мы претерпѣвали отъ нихъ безнаказанно. Прости смѣлости рѣчи моей, государь милостивый: мы не обманывали тебя, представляя причины, вынудившія насъ защищать жизнь свою. Терпѣнія наше лопнуло, мы принуждены были заключить союзъ съ чужеземцами и употребить ихъ помощь противъ шляхетства. Какъ осуждать насъ за это, когда мы защищали жизнь свою и имущество, что свойственно даже животному? Скотъ, если его мучать, бодается. У меня въ мысли никогда не было поднимать оружіе противъ вашего величества, государя нашего милостиваго и невиннаго въ страданіяхъ нашихъ. Мы возстали противъ тѣхъ только, которые презирали казаковъ, какъ пресмыкающихся, угнетали насъ, какъ самыхъ послѣднихъ рабовъ!»

VI.

Украинское казачество начало отдѣляться отъ украинскаго народа. — Сношенія Хмельницкаго съ царемъ Алексѣемъ. — Новое возстаніе. — Сраженіе подъ Берестечкомъ. — Успѣхи Потоцкаго и Радзивилла. — Бѣлоцерковскій договоръ. — Переговоръ о принятіи Малороссіи подъ державу московскую. — Рѣшенія Московской земской думы и Переяславской рады (1654). — Война между Россіей и Польшей. — Отчаянное положеніе Польши. — Противники Россіи. — Лукавство Хмельницкаго. — Его кончина. — Выговскій. — Партія московская и партія польская. — Гадячскій договоръ. — Измѣна Выговскаго. — Юрій Хмельницкій. — Брюховецкій. — Дорошенко. — Андрусовскій миръ. — Продолженіе неурядицы. — Вторженія Турокъ. — Дорошенко сдается царскимъ воеводамъ. — Самойловичъ избранъ гетманомъ. — Турціи уступается задніпровская Украина.

Если сравнить Зборовскій договоръ съ тѣми условіями, которыя были переданы Хмельницкимъ Киселю, и особенно съ тѣмъ, что гетманъ нѣсколько разъ говорилъ послу королевскому въ Переяславлѣ, то окажется между этимъ договоромъ и прежними условіями и рѣчами большая разница. Въ Переяславлѣ Хмельницкій говорилъ за весь народъ западной Руси, ходатайствовалъ за всю страну отъ Припети до Холма и Львова, а въ Зборовскихъ статьяхъ шла рѣчь только о казакахъ, да о той странѣ, гдѣ имъ разрѣшалось жить, и которую обыкновенно называютъ Украиною. Казачество уже начинало отдѣляться отъ осталь-

наго народонаселенія, которое оно вскорѣ, какъ увидимъ, начнетъ и угнетать. При томъ, положеніе Хмельницкаго, не взирая на его побѣды, было довольно затруднительно: правда, крымцы были его союзниками, но между ними и гетманомъ нерѣдко происходили ссоры; они безпрестанно требовали денегъ и подарковъ, грозя въ противномъ случаѣ уйдти въ Крымъ. Для нихъ ничего не значило бы даже вдругъ перейти на сторону Поляковъ, если бы король обѣщаль болѣе добычи, чѣмъ казаки. На такихъ союзниковъ положиться, слѣдовательно, было нельзя, а безъ союзниковъ одному Хмельницкому противъ Рѣчи Посполитой устоять было трудно. Поэтому онъ искалъ помощи у сосѣднихъ государей. Султанъ охотно вызывался на союзъ съ нимъ, требуя однако его подданства; но Хмельницкій боялся, что такой союзъ съ бусурманами не понравится народу и особенно духовенству. Московскій царь, которымъ въ это время былъ Алексѣй, сынъ Михаила Феодоровича, не оказалъ ему помощи во время послѣдней войны съ Поляками; но народъ, а особенно чинъ духовный, былъ, не взирая на то, расположенъ искать у него покровительства и защиты. Посолъ царскій, который въ это время пріѣзжалъ къ Хмельницкому, писалъ въ Москву, что народъ вообще склоненъ къ государю православному и желаетъ быть подъ его высокою рукою. Хмельницкій самъ хотѣ и досадовалъ на неподаніе царемъ помощи, но разсыпалъ предъ его посланникомъ льстивыя рѣчи. «Я великому государю готовъ служить гдѣ ни прикажетъ», говорилъ онъ, и называлъ его свѣтиломъ русскимъ, а себя его холопомъ и слугою. «Если Богъ насъ помилуетъ, отъ проклятыхъ ляховъ освободить, то я, гетманъ, и войско, иного государя, кромѣ великаго государя, свѣтила русскаго, имѣть не будемъ». Такъ говорилъ Богданъ, но на слова лукаваго старика положиться было нельзя. Вѣрно было только то, что онъ безъ союзниковъ и покровителей не надѣялся одолѣть польской силы и предвидѣлъ, что Зборовскому договору существовать недолго. Въ Варшавѣ были этимъ договоромъ очень недовольны. Сеймъ и паны радные едва-едва согласились его утвердить, да и то съ непремѣннымъ намѣреніемъ нарушить его при первомъ случаѣ. Они даже нарушили его немедленно, не допустивши кіевскаго митрополита на сеймъ. Недовольны были и жители земель русскихъ, непопавшіе въ число условленныхъ 40 т. казаковъ. «Гдѣ же обѣщанія гетмана? кричали они. Развѣ мы тоже не были казаками? а теперь олять будетъ панщина.» И точно: паны, которые во время возстанія повыбрались изъ русскихъ земель, стали возвращаться въ свои помѣстья и требовать отъ своихъ крестьянъ прежнихъ работъ и прежнихъ поборовъ. Нѣкоторые начинали дѣлать отместки за разореніе своихъ усадебъ и за понесенныя обиды. Народъ съ своей стороны начиналъ разбѣгаться и собираться въ гайдамацкія шайки. По всему становилось замѣтно, что тишинѣ не устоять; и дѣйствительно, въ началѣ 1651 года началась рѣзня. Кто началъ, — Поляки или казаки, — мудрено рѣшить; и тѣ и другіе плохо соблюдали миръ

и договоры; хлопы не уживались съ панами, польское войско стало уни-
мать ихъ, крестьяне давали мѣстами отпоръ, а казаки за нихъ вступа-
лись—вотъ и начало войны.

Хмельницкій, предвидя, что войнѣ быть неизбѣжно, держалъ Татаръ
наготовѣ, а чтобъ помощь съ ихъ стороны была вѣрнѣе, онъ ласкался
къ турецкому султану, отъ котораго Татары зависѣли. Еще въ началѣ
года онъ послалъ повѣстить хана, чтобъ онъ, не мѣшкая, шелъ на по-
мощь. Но ханъ не торопился на этотъ разъ, а безъ него Хмельницкій
не рѣшился выступить на встрѣчу королевскому войску, которое было
при томъ въ этомъ году особенно многочисленно. Хмельницкій и пото-
му еще не рѣшался идти на короля безъ союзниковъ, что народъ не
такъ охотно стекался по его призыву, какъ прежде, недоволенъ будучи
за то, что былъ совершенно позабытъ въ Зборовскихъ статьяхъ.

Наконецъ, однакожь, прибылъ ханъ; соединившись съ нимъ, казаки
двинулись противъ Поляковъ, которыми начальствовалъ Потоцкій гет-
манъ. Коронный. Начался бой близъ рѣки Стири у Берестечка. Тата-
ры не выдержали и побѣжали. Хмельницкій кинулся къ хану убѣждать
его, чтобъ онъ воротилъ своихъ Татаръ. Но тотъ только прищипывалъ
коня, а когда гетманъ ему надоѣлъ своими просьбами и упреками, то
онъ велѣлъ захватить и его съ собою. «Ты самъ виноватъ, говорилъ
онъ; увѣрилъ меня, что Поляковъ мало. Будешь у меня въ плѣну, пока
не заплатишь вмѣсто Поляковъ мнѣ и моимъ мурзамъ».

Между тѣмъ Поляки стали крѣпко напирать на казаковъ. Тѣ, не ви-
дя своего стараго «батъка», мѣшались и путались, однако огородившись,
по обычаю, повозками, держались нѣсколько дней; но потерявъ нако-
нецъ надежду, пустились на утекъ топкими болотами, къ которымъ при-
мыкалъ ихъ обозъ. Множество казаковъ и еще болѣе бывшихъ съ ними
крестьянъ при этомъ потонули, другіе были настигнуты Поляками; са-
мая большая часть померла съ голоду въ дремучихъ лѣсахъ, которые
тянутся по Стири и Припети. Долго на Украинѣ не было никакихъ
вѣстей ни о гетманѣ, ни о казакахъ. Наконецъ одинъ явился, вырвав-
шись кое-какъ изъ рукъ Татаръ, почти голый; за тѣмъ начали появлять-
ся и бѣглецы изъ подъ Берестечка, отошальные, изнуренные, едва волоча
ноги. Отъ цѣлыхъ полковъ едва возвращалось по нѣскольку десятковъ
человѣкъ. Но это было еще не все. Возстаніе, которое тоже было
хоть и не очень сильно, въ Бѣлоруссіи и Литвѣ, было подавлено ли-
товскимъ гетманомъ Радзивилломъ. Гоня передъ собою казаковъ, кото-
рые были въ сѣверской странѣ, онъ шелъ вдоль Днѣпра къ Кіеву и
овладѣлъ имъ. Потоцкій въ то же время шелъ къ Кіеву же изъ подъ
Берестечка.

Противъ соединенныхъ войскъ, польскаго, или короннаго, и литовска-
го, Хмельницкому не съ чѣмъ было стать. Страшное пораженіе, поне-
сенное казаками, хоть и не сломило русскаго народа, который опять
началъ собираться въ гайдамацкія партіи, нападавъ на отдѣльныя коман-
ды польскія; но эти партіи дѣйствовали въ разбродъ, каждая сама по

себѣ, а у гетмана подъ рукою было очень небольшое войско. Тогда онъ послалъ къ Потоцкому письмо, прося мира и свидѣтельствуясь Богомъ въ своей преданности королю. Потоцкій согласился вступить въ переговоры; но когда казаки заикнулись о подтвержденіи Зборовскихъ статей, то онъ хотѣлъ ихъ перевѣшать. Хмельницкій понималъ, что послѣ неудачи нельзя надѣяться на выгодный миръ и рѣшился сдѣлать уступки; онъ пріѣхалъ въ Бѣлую Церковь съ нѣсколькими полковниками; Потоцкій, Кисель и нѣкоторые другіе паны туда же пріѣхали. Поговоривъ и поспоривъ, написали договоръ; но когда о немъ узнали простые казаки и крестьяне, составлявшіе войско Хмельницкаго, то чуть не перебили всѣхъ переговорщиковъ. Польскихъ панъ въ едва-едва успѣли выпроводить изъ Бѣлой Церкви; съ Радзивилломъ у казаковъ завязался настоящій бой. Хмельницкій изъ подъ руки поджигалъ казаковъ и крестьянъ, и если бы ихъ сторона одолѣла, то Бѣлоцерковскому договору не состояться бы. Но что значила небольшая толпа, почти безъ пушекъ, противъ двухъ стройныхъ ратей? Нечего дѣлать, надо было подписать Бѣлоцерковскія статьи.

Число казаковъ должно было не превышать двадцати тысячъ; имъ было дозволено сохранить свои старинныя права, и жить только въ кіевскомъ воеводствѣ (Кіевской и Полтавской губерніяхъ); всѣ прочіе простолудины западной Руси и жители кіевского воеводства, кромѣ казаковъ, были признаны крестьянами; имъ было приказано по старому служить своимъ помѣщикамъ; гетманъ казачьяго войска былъ подчиненъ коронному; объ уніи не было сказано ни слова; о правѣ кіевского митрополита засѣдать въ сенатѣ—тоже; войску королевскому не дозволялось квартировать только въ казачьихъ мѣстечкахъ; евреямъ разрѣшалось по прежнему вездѣ жить, арендовать имѣнія и пр.

Таковы были тяжелыя Бѣлоцерковскія условія.

Но если Зборовскій договоръ не устоялъ, то не устоять было и Бѣлоцерковскому. Самъ Хмельницкій не думалъ его исполнять а чернь и казаки не хотѣли и знать его. Видя, что прежніе паны возвращаются въ свои помѣстья, они ихъ грабили и сожигали имѣнія, или же, бросивъ свои дома и забравъ съ собою что было полегче, перебирались за Днѣпръ въ московское царство. Многія тысячи перешли такимъ образомъ. Царь Алексѣй принималъ ихъ охотно и отводилъ имъ земли по Ворсклѣ, по Донцу и въ другихъ незаселенныхъ мѣстахъ. Такъ выстроились казачьи слободы, а нынѣ города: Сумы, Лебединъ, Харьковъ, и многіе другіе. Хмельницкій, видя, что народъ тянетъ къ царству православному и что на Татаръ и Турокъ мало надежды, сильнѣе прежняго сталъ упрашивать въ Москвѣ, чтобъ царь принялъ подъ свою руку народъ украинскій.

Долго не рѣшался на это царь, но наконецъ, въ 1653 году, осенью, онъ собралъ земскую думу, чтобы, по общему приговору, принять или отвергнуть ходатайство Хмельницкаго.

Въ самый Покровъ день, отслушавъ обѣдню, которую совершалъ славный патріархъ Никонъ, царь вступилъ въ грановитую палату, гдѣ уже ожидали его выборные люди отъ духовнаго и свѣтскаго чина всего го-

сударства московскаго. По знаку царя, дьякъ сталъ громко читать, что гетманъ Богданъ Хмельницкій, со всѣмъ войскомъ запорожскимъ, въ прошедшихъ годахъ многократно извѣщаль государя объ утѣсненіяхъ, которыя терпятъ отъ Поляковъ народъ русскій и церковь православная, и просилъ его принять ихъ подъ свою высокую государеву руку. Прочитавъ это, потребовали мнѣнія: какъ поступить? Патріархъ, митрополиты и прочее духовенство, черное и бѣлое, бояре и окольничьи, дѣти боярскія и посадскіе люди единогласно сказали, чтобъ русскій народъ украинскій и литовскій подъ государеву руку принять и войну Рѣчи Посполитой, если нужно, объявить, при чемъ выразили, что всѣ до единого готовы жертвовать за это великое и святое дѣло имуществомъ и жизнію.

Тогда царь приказалъ отправить великихъ пословъ къ гетману для принятія присяги на вѣрное подданство отъ него и отъ всего народа русскаго, украинскаго и литовскаго. Главнымъ бояриномъ въ этомъ посольствѣ былъ Бутурлинъ. Въ послѣдній день 1653 года онъ съ товарищами прибылъ въ Переяславль, гдѣ была назначена на 8 января великая рада.

Раннимъ утромъ довыши ударили въ литавры; на городскую площадь повалилъ народъ; потомъ явился туда старый гетманъ подъ бунчуками и войсковою старшина, Поклонясь на всѣ стороны, Хмельницкій сказалъ:

—Панове полковники, эсаулы, сотники, все войско запорожское и всѣ православные христіане! Всѣмъ вамъ извѣстно, какъ насъ Богъ освободилъ изъ рукъ враговъ, преслѣдующихъ церковь Божию и хотящихъ искоренить насъ такъ, чтобъ и имя русское не упоминалось въ землѣ нашей. Всѣмъ намъ уже это стало несносно, и видно нельзя намъ жить болѣе безъ царя. Изберите себѣ государя изъ четырехъ, какого захотите: султана турецкаго, хана крымскаго, короля польскаго и царя православнаго Великой Руси. Царь турецкій — бусурманъ. Всѣмъ намъ извѣстно, какую бѣду терпятъ наши братья православные христіане, греки, и въ какомъ утѣсненіи они отъ безбожниковъ. Крымскій ханъ тоже бусурманъ: хоть мы по нуждѣ и вели съ нимъ дружбу, однако приняли черезъ то нестерпимыя бѣды, плѣненіе и нещадное пролитіе крови христіанской. Объ утѣсненіяхъ отъ польскихъ пановъ нечего и говорить: сами знаете, что они лучше почитали жида и собаку, чѣмъ нашего брата христіанина. А православный христіанскій царь восточный — одного съ нами греческаго благочестія, единого закона и исповѣданія; едино мы тѣло церковное съ православіемъ Великой Россіи, имѣющее главою Іисуса Христа. Этотъ великій царь христіанскій склонилъ къ намъ теперь свое милостивое христіанское сердце и прислалъ своихъ ближнихъ людей съ царскою милостію. Если мы его съ усердіемъ возлюбимъ, то кромѣ его царской высокой руки, благишайшаго пристанища не обрящемъ. Кто же съ нами несогласенъ, — тому вольная дорога: идти куда хочешь».

Вся толпа на площади переяславской и все тѣ, которые тѣснились вокругъ на заборахъ и на крышахъ, въ одинъ голосъ воскликнули:

—«Волимъ подъ царя восточнаго православнаго!» и

Спросивши еще разъ, все ли такъ желаютъ, гетманъ сказалъ громкимъ голосомъ:

—«Буди тако! Да укрѣпитъ насъ Господь подъ его царскою крѣпкою рукою!» а

Народъ восклицалъ:

—«Боже, утверди! Боже, укрѣпи, чтобъ мы навѣки все были едино!» и

Вслѣдъ за тѣмъ были прочитаны казакамъ статьи, по которымъ Украина подчинялась царю. Статьи эти состояли въ слѣдующемъ:

1. Украина будетъ управляться тамошними уроженцами. Они же будутъ собирать подати въ царскую казну.

2. Гетманъ будетъ избираться по старинному, вольными голосами.

3. Царь опредѣлитъ жалованье старшинъ и казакамъ.

4. Реестровымъ казакамъ быть въ числѣ 60 тысячъ.

5. Гетману предоставлялось право по прежнему принимать иностранныхъ пословъ, кромѣ однакожь отъ польскаго короля и турецкаго султана.

6. Казаки просили, и царь согласился, чтобъ въ помощь имъ и для охраненія ихъ границъ было прислано московское войско.

Это происходило въ началѣ 1654 года. Добровольное подчиненіе Украины *) царю московскому имѣло большой отголосокъ не только во всей Руси восточной и западной, но и между другими славянскими племенами и даже между православными иныхъ племенъ. «Греки Бога молятъ, писали въ это время въ Москву, чтобъ Онъ совокупилъ христіанство (православное) воедино и быть бы имъ подъ благочестивымъ христіанскимъ государемъ; только того и дожидаются, какъ государевы ратные люди Дунай—рѣку перейдутъ, и они тотчасъ на Турокъ сами встанутъ и будутъ надъ ними промышлять сообща».

Казалось, что надежды православныхъ, находящихся подъ турецкою властью, могутъ скоро исполниться. Между царемъ и польскимъ королемъ началась изъ-за Украины война, и война эта шла весьма счастливо для Россіи. Въ Москвѣ знали, что не только на русскихъ земляхъ польскаго короля, но и на литовскихъ живетъ не малое число право-

*) Этимъ именемъ въ Польшѣ называли вообще страну, въ которой имѣли право жить казаки; по казакамъ, въ разное время дозволялось жить то въ одномъ кievскомъ воеводствѣ, то въ кievскомъ и брацлавскомъ, а иногда, сверхъ того, и въ части волинскаго, а потому невозможно съ точностію опредѣлить границы страны носившей названіе Украины. Въ граматахъ московскихъ названіе это замѣнялось названіемъ Малая Русь; но по разграниченіи русскихъ и польскихъ владѣній по договору 1686-го года, названіе Малой Россіи утвердилось за казачиною лѣваго берега Днѣпра. Поэтому въ дальнѣйшимъ разсказѣ нашемъ и будетъ называться 1) *Малороссіей* — казачина западнаго берега Днѣпра, 2) *Украиною* — всяка зачина вообще по обѣ стороны Днѣпра. 3) *Западною Русью* — вся страна за Днѣпромъ и Западной Двиною, со включеніемъ Галиціи, населенной русскимъ племенемъ.

славныхъ поэтому, начиная войну, царь обратился къ нимъ съ грамотою, въ которой говорилъ: отъ многихъ временъ обращались къ намъ православные жители Литвы и русскихъ земель, прося помощи и заступленія «на досадителей святой восточной церкви греческаго закона». И вы-бъ всѣ, заключалъ царь, на супостатовъ восточнаго благочестія возстали.

Призваніе это было дѣйствительно многими услышано. Въ Бѣлоруссіи крестьяне охотно принимали царскія войска, нѣкоторые города защищались только для вида, а иные сами отворяли имъ ворота. Войско же литовское постоянно терпѣло неудачи. Въ нѣсколько мѣсяцевъ русскіе заняли Смоленскъ, Оршу, Минскъ, Могилевъ, Вильну, главный городъ Литвы, доходили до самаго Балтійскаго моря у Риги и овладѣли Дерптомъ; вообще же пріобрѣли болѣе 200 городовъ. Въ то же время Хмельницкій съ своими казаками, и бояринъ Бутурлинъ, съ небольшимъ отрядомъ русскихъ войскъ, прошли всю Подолію, проникли въ Галицію, радостно встрѣчаемые крестьянами, и принудили Львовъ уплатить себѣ окупъ.

Польское государство было въ это время въ самомъ отчаянномъ положеніи. Когда казаки и царскія дружины врывались съ востока, шведскій король переправившись чрезъ Балтійское море, вступилъ въ Польшу, прошелъ ее съ сѣвера на югъ и занялъ Варшаву и Краковъ. Яну Казиміру не оставалось болѣе мѣста въ своемъ королевствѣ: онъ принужденъ былъ уйти за границу.

При этихъ обстоятельствахъ опять появляется мысль о соединеніи всей Руси съ Литвою и Польшею подъ одною державою. Царь Алексѣй, по занятіи Вильны, сталъ себя именовать самодержцемъ литовскимъ, волынскимъ и подольскимъ. Когда же король Янъ Казиміръ прислалъ къ царю просить мира, то московскіе бояре повели съ нимъ рѣчь о томъ, чтобы послѣ смерти короля Яна, который былъ бездѣтенъ, сеймъ избралъ ему преемникомъ Алексѣя Михайловича.

Но дѣлу этому трудно было устроиться. Не говоря о католическомъ духовенствѣ, котораго было множество во всѣхъ владѣніяхъ Рѣчи Посполитой и которое было сильно нерасположено къ Россіи, не питала къ ней расположенія и большая часть шляхты, не только въ Литвѣ, но даже и въ русскихъ земляхъ, гдѣ она успѣла уже сильно ополчиться. Были противники московскому подчиненію и между казачьей старшиною, потому что многіе изъ этой старшины были шляхтичи, обучавшіеся въ польскихъ и іезуитскихъ школахъ, и привыкшіе къ необузданной свободѣ, которой, какъ они знали, московскія власти не допускали. Такимъ образомъ, когда Украина, вслѣдъ за Хмельницкимъ, присягала московскому царю, два казачьихъ полковника отказались присягать ему; одинъ изъ нихъ, Богунъ, скоро принялъ однакожь участіе въ войнѣ противъ Поляковъ, а другой, Сѣрко, ушелъ къ запорожцамъ, которые, кому бы ни присягали, служили сегодня одному, а завтра другому.

Не безъ розни было и между высшимъ духовенствомъ украинскимъ.

Попы были на сторонѣ Россіи, но митрополитъ, которымъ былъ въ это время Сильверстъ Коссовъ, природный шляхтичъ, отказался подчиниться московскому патріарху, признавая надъ собою власть только одного патріарха цареградскаго. Были слухи, что онъ находился въ тайныхъ сношеніяхъ съ польскимъ королемъ и засылалъ къ нему просить, чтобъ онъ опять возвратилъ Украину подъ свою державу. Къ этому присоединить надобно еще, что и Хмельницкій хитрилъ и тянулъ на обѣ стороны, къ Москвѣ и къ Варшавѣ.

Что было на сердцѣ у Хмельницкаго, знать очень трудно: во время казачьихъ войнъ онъ завѣрялъ въ своей преданности и польскаго короля и московскаго царя, и въ то же время переговаривался о подданствѣ съ турецкимъ султаномъ и съ ханомъ крымскимъ. Не онъ, а народъ украинскій склонилъ дѣло къ союзу съ Россіей; Хмельницкій же сталъ горячо говорить объ этомъ союзѣ уже тогда, какъ увидѣлъ, что съ польскимъ королемъ мириться Украина не хочетъ и не можетъ. Въ Москвѣ все это узнали и не слишкомъ довѣряли Хмельницкому; бояринъ Бутурлинъ оказывалъ ему надлежащій почетъ, но зорко за нимъ присматривалъ, и войско московское неотлучно находилось при войскѣ казачьемъ Старому гетману, который уже привыкъ не знать надъ собою никакой власти, ни стѣсненія, не нравилось соглядатайство московскаго боярина; онъ увидѣлъ, что подъ крѣпкою московскою властью ему не удастся быть царькомъ на Украинѣ, а потому и онъ, подобно кіевскому митрополиту, сталъ тайно обсылаться съ польскими панами. Стоя подъ Львовомъ и переговариваясь относительно окупа, онъ выдавалъ себя за вѣрнаго союзника короля польскаго и, между прочимъ, сказалъ: «Постановляйте какія хотите условія съ москалями, я ихъ оставляю и иду въ свое русское владѣніе».

Быть господаремъ особаго владѣнія, кажется, и было истиннымъ, тайнымъ желаніемъ Хмельницкаго, и желаніе это онъ иногда высказывалъ, впрочемъ очень осторожно. Такъ, однажды, подъ Львовомъ же, разговаривая съ посломъ польскаго короля о тѣхъ причинахъ, которыя произвели возстаніе казаковъ, онъ разсказалъ ему побасенку: какъ у одного крестьянина жилъ нѣкогда домашній уѣзь, а уѣзь, какъ извѣстно, приноситъ дому счастье. Сынъ этого крестьянина, говорилъ Хмельницкій, сталъ однажды хлебать молоко; выползъ уѣзь и тоже сталъ хлебать молоко; мальчикъ ударилъ его ложкой по головѣ, а уѣзь его укусилъ. На крикъ ребенка прибѣжалъ отецъ, а уѣзь, испугавшись, поползъ подъ печку, но не успѣлъ еще совсѣмъ спрятаться, и хозяинъ отрубилъ ему хвостъ. Съ тѣхъ поръ не было крестьянину ни въ чемъ удачи; сталъ онъ думать, и наконецъ, понявши въ чемъ дѣло, началъ просить ужа помириться. Тогда уѣзь ему сказалъ: мириться я готовъ съ тобою, но прежней дружбѣ между нами не быть, потому что, какъ посмотрю на себя и увижу, что нѣтъ моего хвоста, невольно беретъ меня досада. Живи въ своемъ домѣ, а я буду жить въ своей норѣ, вотъ и вся наша дружба. То же самое, заключилъ Хмельницкій, произошло между Рѣчью Поспо-

литой и Украиною: прежней дружбы между нами быть не может, между нами только может быть миръ, и вотъ на какихъ условіяхъ: откажитесь отъ Украины, Волыни, Подоліи и уступите ихъ казакамъ. Но этого вы никогда не сдѣлаете. Если бы въ Польшѣ осталось только сто пановъ, они все-таки не согласились бы на это. «А потому, сказалъ гетманъ вставая, прощайте, кумъ».

Такъ хитрилъ Хмельницкій, надѣясь съ помощію разныхъ своихъ союзниковъ достигнуть своей главной цѣли — быть независимымъ правителемъ Украины. Объ этомъ же онъ договаривался тайно съ королемъ шведскимъ и княземъ седмиградскимъ, съ которыми у него положено было раздѣлить польское государство. Но все это было извѣстно въ Москвѣ, а потому и не могло исполниться. Притомъ же приближалась и смерть Хмельницкаго. Онъ умеръ 15 августа 1657 года.

Казаки неутѣшно плакали по своему старомъ гетманѣ, который вывелъ ихъ изъ новаго плѣненія вавилонскаго. «То не вѣтры осенніе бушевали въ дубровѣ, сказываетъ одна старинная дума, то плакали и вопили казаки, погребая батька своего, стараго Хмельницкаго».

Послѣ смерти Хмельницкаго, гетманомъ былъ избранъ Иванъ Выговскій. Избраніе это было сдѣлано не обославшись съ Москвою, прежде даже, нежели тамъ узнали о смерти Богдана. Это, разумѣется, не понравилось въ Москвѣ, тѣмъ болѣе, что Выговскому тамъ не совсѣмъ довѣряли. Онъ былъ при Хмельницкомъ войсковымъ писаремъ, или какъ сказали бы нынѣ, начальникомъ его штаба и главнымъ его помощникомъ. Старый Богданъ поступалъ съ нимъ, какъ и со всѣми другими, круто. Однажды, разсердившись, онъ приказалъ положить его на столъ и приковать, но ничьего совѣта однакожь онъ не слушался такъ, какъ своего писаря. Поэтому и бояре московскіе и самъ царь ласкали его, хоть очень хорошо знали, что Выговскій получаетъ подарки изъ Варшавы и имѣетъ сношенія съ польскими панами, съ татарскими мурзами, и со всѣми тѣми, съ кѣмъ хитрилъ и переговаривался Хмельницкій. Но Хмельницкій былъ природный казакъ и человѣкъ съ русской душою; ему только не нравилось, что Москва не даетъ ему власти, къ которой онъ привыкъ; Поляковъ же онъ не любилъ и съ панами никогда не могъ ужиться; Выговскій, напротивъ, былъ шляхтичъ, и сердце его лежало къ Польшѣ; ему не столько хотѣлось быть независимымъ господаремъ, сколько польскимъ княземъ и сенаторомъ.

Скоро послѣ избранія своего онъ обнаружился: московское войско вступило въ Украину, съ тѣмъ ли, чтобы защищать ее отъ Поляковъ, или чтобы не допускать въ ней самой безпорядковъ — неизвѣстно; но Выговскій собралъ раду и объявилъ, что Москва нарушаетъ Переяславльскія условія и что потому онъ не хочетъ быть гетманомъ. Однако рада упростила его остаться.

Между тѣмъ на Украинѣ было много недовольныхъ избраніемъ Выговскаго, особенно между казаками и жителями лѣваго берега Днѣпра. Они говорили, что избраніе произведено было неправильно, что на из-

бирательной радѣ были почти одни только полковники, да другія лица изъ старшины, а простыхъ казаковъ и крестьянъ почти не было. Недовольны были избраніемъ этимъ и въ Запорожьѣ, откуда никого не было на избирательной радѣ. Выговскій собралъ преданные ему полки, выступилъ съ тѣмъ, чтобы смирить своихъ противниковъ, и требовалъ, чтобы московское войско помогло ему. Но воевода московскій, князь Ромадановскій, не рѣшался этого сдѣлать безъ приказанія отъ царя; онъ видѣлъ, что гетманъ хочетъ употребить московское войско для наказанія людей, наиболѣе преданныхъ царю.

Это раздражило Выговскаго; онъ и его приверженцы стали распускать слухъ, что царь хочетъ уменьшить казачье войско до 10 т. человекъ, да и тѣхъ обратить въ драгуны, «вѣчными невольниками сдѣлать, а женъ заставить ходить въ лаптяхъ». Съ другой стороны, напротивъ, жаловались, что гетманъ собираетъ поборы не въ войсковой скарбъ, а въ свои собственные сундуки и дѣлится ими съ старшиною, что онъ умышляетъ измѣнить царю и призываетъ хана на Украину.

Въ Москвѣ не знали хорошенько, кому и чему вѣрить; послали къ Выговскому гонца, которому поручено было разузнать заподлинно, можно ли положиться на гетмана. Пріѣхалъ гонецъ, привезъ царскую грамоту и подалъ ее Выговскому, котораго нашелъ уже на походѣ. Тотъ принялъ ее и велѣлъ читать, а самъ сѣлъ. На это гонецъ московскій замѣтилъ ему, что царскую грамоту надлежитъ слушать стоя.

— Все у васъ высоко дѣлается, сказалъ Выговскій, однако всталъ. Въ разговорѣ съ гонцомъ, онъ прямо жаловался на московскихъ бояръ и на самого царя:

— У короля польскаго намъ было хорошо, говорилъ онъ; придутъ къ нему, скажутъ о чемъ надобно, и указъ тотчасъ готовъ. Зачѣмъ вы присылаете московскихъ воеводъ? Зачѣмъ войско прислали? Только народъ бунтуется. А когда отъ меня бѣгутъ къ вамъ за рубежъ, то вы тѣхъ бѣглыхъ людей не выдаете: и я государевыхъ бѣглыхъ людей выдавать не стану.

Такъ говорилъ Выговскій, какъ будто почитая себя не подданнымъ царя русскаго, а равнымъ ему, независимымъ государемъ, и продолжалъ походъ свой противъ казаковъ лѣвобережскихъ и запорожскихъ, которые не хотѣли его признавать и выбрали себѣ особаго гетмана.

Такую смѣлость придавало Выговскому то, что онъ получилъ извѣстіе о приближеніи союзныхъ ему Татаръ и пословъ отъ польскаго короля. Но Татары послужили ему не въ пользу, а во вредъ; разсыпавшись по Украинѣ, они грабили жителей и жгли селенія; слухи объ этомъ достигли казаковъ, бывшихъ въ обозѣ съ гетманомъ, и они, то поодиначкѣ, то цѣлыми толпами, стали разбѣгаться, чтобы защитить свои семейства и жилища.

Между тѣмъ пріѣхали польскіе комиссары. Переговоривъ съ ними и условившись, Выговскій собралъ въ Гадячѣ раду, но на радѣ этой, какъ и на той, которая избрала Выговскаго, было много казачьей стар-

шины, а простых казаков и черни было мало. Гетманъ явился туда и привелъ польскихъ комиссаровъ. Поклонившись радѣ, онъ сказалъ, комиссарамъ, что войско желаетъ мира и союза съ Рѣчью Посполитою. Тогда выступилъ одинъ изъ комиссаровъ и повелъ такую рѣчь: «зачѣмъ, сказалъ онъ, соединились вы, пань рыцари, съ Москвою? *У васъ вѣра греческая, а у москалей московская.* Москали вѣрятъ, какъ имъ царь прикажетъ. Они хотятъ изъ васъ сдѣлать простыхъ мужиковъ, заставить въ лаптяхъ ходить. Они готовы вамъ языкъ отрѣзать, чтобъ вы не говорили; глаза выколоть, чтобъ вы не смотрѣли. Соединитесь лучше опять съ Польшею. Наияснѣйшій панъ (т. е. король) возвратитъ вамъ всѣ ваши вольности и дастъ еще новыя.»

И точно, статьи, на которыя согласились польскіе комиссары, обѣщали очень много. Украина, — которой на этотъ разъ даны были болѣе обширные размѣры, а именно нынѣшнія губерніи, Кіевская, Полтавская, Черниговская съ частію Подоліи и Волыни, — Украина должна была примкнуть къ польскому королевству на тѣхъ же правахъ, какъ литовское княжество, т. е. высылать на общій сеймъ нѣкоторое число пословъ, имѣть особаго гетмана, маршалковъ, подскарбіевъ и другихъ чиновниковъ и урядниковъ, не иначе какъ изъ Русскихъ, а также свои суды и трибуналы; казаковъ и другихъ обывателей украинскихъ король, по представленію гетмана, обѣщалъ дѣлать шляхтичами; изъ духовенства и шляхетства украинскаго должны были нѣкоторые назначаться въ сенатъ; унію положено было совершенно уничтожить.

Какъ скоро сдѣлалось извѣстнымъ князю Ромадановскому о переговорахъ въ Гадячѣ и о вступленіи въ Украину Татаръ, онъ объявилъ царскую грамату, въ которой Выговскій провозглашался измѣнникомъ и казакамъ повелѣвалось избрать себѣ новаго гетмана. Чернь и простые казаки, особенно лѣвобережскіе, толпами повалили къ Ромадановскому, когда къ нимъ дошла эта царская грамата; обозъ гетманскій таялъ какъ снѣгъ отъ лучей солнца. Выговскій собралъ было раду, чтобъ прочесть Гадячскія условія, но рада не стала его слушать; гетмана громко упрекали въ измѣнѣ, въ томъ, что онъ накликалъ Татаръ на Украину, что онъ ее продаетъ Полякамъ. Началась свалка, и дѣло кончилось тѣмъ, что Выговскій принужденъ былъ бѣжать и отдать свою булаву и печать войсковую казакамъ, которые бросились за нимъ въ догонку.

Такъ кончилась затѣя Выговскаго. Но какъ подобная затѣя была непослѣднею на Украинѣ, то о ней и другихъ ей подобныхъ стоитъ поразмыслить. Хмельницкій задумывалъ устроить особое владѣніе украинское; но онъ только задумывалъ это, а въ дѣйствіе не приводилъ; умный старикъ видѣлъ, что Украинѣ особымъ владѣніемъ быть невозможно, что у нея нѣтъ ни горъ, ни рѣкъ, которыя отдѣляли бы ее отъ Россіи и Польши и могли бы защитить ее въ случаѣ нападенія съ ихъ стороны. Онъ видѣлъ также, что простонародье, рядовые казаки и низшее духовенство сильно тянутъ къ Москвѣ, а часть войсковой старшины и шляхта къ Польшѣ; что поэтому, въ случаѣ войны съ Россіей

или Польшей, въ Украинѣ всегда будетъ много людей, готовыхъ передаться и, слѣдовательно, ослабить украинскія силы. Итакъ оставалось рѣшить, куда выгоднѣе было Украинѣ примкнуть: къ Москвѣ или къ Польшѣ. По мнѣнію Хмельницкаго, къ Москвѣ; по мнѣнію Выговскаго, къ Польшѣ. Кто же изъ этихъ двухъ людей смотрѣлъ прямѣе и видѣлъ вѣрнѣе? Это рѣшилъ самъ народъ украинскій: за Польшу были сотни, или, можетъ-быть, тысячи человѣкъ, а за Россію милліоны.

Противники Россіи говорили, что она будетъ ломать казачьи вольности, но слѣдовало бы подумать не о казакахъ, а о цѣломъ народѣ. Въ прежнія времена войны были почти непрерывны, потому и полезно было такое многочисленное войско, какъ казачье, всегда готовое сѣсть на коней и драться съ кѣмъ пошло; оно особенно полезно было вблизи Татаръ, тоже удалыхъ наѣздниковъ, не знавшихъ ничего, кромѣ войны и набѣговъ. Но времена перемѣняются; Татары уже были, въ царствованіе Алексѣя Михайловича, не такъ страшны, какъ прежде, Турки не угрожали русскимъ землямъ: зачѣмъ же было оставаться казачьему войску? и не лучше ли было ему исподоволь приниматься за косу и за плугъ, оставивъ ружье и саблю? А если ненужны становились казаки, то ненужны становились и ихъ особые права.

Вотъ, слѣдовательно, чего могла ожидать Украина отъ Москвы. Теперь посмотримъ, чего могла ожидать она отъ Польши. Еслибъ удержался гадячскій договоръ, Рѣчь Посполитая состояла бы изъ трехъ частей: Польши, Литвы и Руси, изъ которыхъ каждая съ особымъ управленіемъ. При этомъ гадячскими статьями было выговорено, что, въ случаѣ войны съ Россіей, Украина можетъ не принимать въ ней участія. Но хорошо ли это было бы для Рѣчи Посполитой? Польскія и литовскія войска вступили бы въ Россію и, положимъ, были бы разбиты: — что сказали бы польскіе и литовскіе люди про украинскихъ людей, — людей того же государства, которые не помогли бы имъ въ ихъ бѣдѣ? Можно думать, что это было бы причиною большой розни въ государствѣ. А какъ скоро въ государствѣ завелась рознь, то мудрено ему устоять противъ сосѣдей, у которыхъ весь народъ дѣйствуетъ, какъ одинъ человѣкъ.

Опасность такой розни очень хорошо понимали и Поляки, и вотъ почему они такъ упрямо и настоятельно добивались въ Литвѣ и на Руси единства вѣры, языка и даже обычаевъ; вотъ почему они вездѣ старались вводить латинство, или по крайней мѣрѣ унію, какъ переходъ къ латинству; вотъ почему они замѣнили русскій языкъ въ судахъ и управленіяхъ польскимъ; вотъ почему, наконецъ, они вездѣ заводили шляхетство, польскія школы, польскіе нравы, дома на польскій ладъ, польскіе танцы, польскіе кунтуши и т. д. Но какъ же въ такомъ случаѣ польскіе комиссары согласились дать Украинѣ совсѣмъ отдѣльное устройство и даже уничтожить унію? Этотъ самый вопросъ сдѣлали паны радные комиссарамъ, когда тѣ явились на сеймъ, и комиссары отвѣтили, что статьи хотя они и подписали, но вовсе не думаютъ ихъ исполнять...

Услышавъ такое объясненіе, польскіе паны радные рѣшили, что гадяч-

скій договоръ можно утвердить; но всякій теперь согласится, что казаки хорошо сдѣлали, отказавшись и слушать этотъ договоръ.

Измѣна Выговскаго сильно встревожила Москву. Надо не забывать, что война съ Польшею еще продолжалась, и именно въ это время Русскія рати въ Литвѣ потерпѣли большія неудачи. Причиною этихъ неудачъ было отчасти неискусство воеводъ, а еще болѣе, безпорядки и насилия, которыя позволяли себѣ ратные люди. Такимъ образомъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, какъ напримѣръ въ Оршѣ, гдѣ за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ царскія войска были встрѣчаемы съ хлѣбомъ-солью, ихъ теперь истребляли сами жители, или наводили на нихъ Поляковъ. Польскому королю удалось притомъ отбиться отъ Шведовъ, а потому онъ могъ обратить всѣ свои силы противъ Русскихъ. Къ довершенію затрудненій Выговскій замутилъ Украину.

Измѣна Украины была однако не всеобщая: почти весь лѣвый берегъ Днѣпра и Запорожье остались вѣрны, но Заднѣпровье сильно бушевало. Московскіе бояре, надѣясь, что имя Хмельницкаго опять соединить казаковъ воедино, отыскали его сына и поставили его гетманомъ. Но Юрій Хмельницкій былъ еще очень молодой человѣкъ, слабый умомъ и характеромъ. Его окружила старшина, по большей части преданная Польшѣ, и увлекла за собою. Тогда началась совершенная неурядица: то въ томъ, то въ другомъ мѣстѣ казаки собирались и избирали себѣ гетмана; эти гетманы называли одинъ другаго измѣнникомъ, вели свои полки другъ противъ друга, и дѣла до такой степени перепутались, что уже трудно было разобрать, кто стоитъ за Москву и кто за Польшу. Къ довершенію всѣхъ бѣдъ появились Татары, принялись жечь и грабить и уводить въ плѣнъ, не разбирая, кто имъ союзникъ и кто врагъ.

Надо было однакожь вывести страну изъ этого жалкаго состоянія; нужно было выставить знамя, около котораго люди могли бы сражаться, нужно было дать Украинѣ гетмана. Но гдѣ было взять человѣка, котораго имя, какъ знамя, собрало бы вокругъ себя украинскій народъ? Такого человѣка не было. Многіе полковники и сылали въ Москву грамоты и гонцовъ съ завѣреніями въ преданности, но и Выговскій не переставалъ увѣрять въ ней, даже послѣ гадячской рады; подобныя же увѣренія не переставалъ посылать и Юрій Хмельницкій: какъ же было положиться на слова такихъ людей? Надежнѣе прочихъ казался кошевой атаманъ запорожскій, Иванъ Брюховецкій; вотъ что о немъ писали русскіе воеводы въ Москву: «хотя не ученъ да уменъ, и ужасть какъ воровать исправенъ». Посадыя его на границѣ, «можно спастъ въ Москвѣ безъ торопливости».

Брюховецкій былъ точно не глупый казакъ, но лживый и притомъ злой. Запорожцы любили его, но онъ имѣлъ худую славу на Украинѣ; однако, такъ какъ не было другаго человѣка, на котораго можно было бы положиться, Москва рѣшилась его поддерживать. Избирательная рада собралась въ Нѣжинѣ, и хотъ всѣ рады казачьи не обходились безъ шу-

ма, но подобной нѣжинской радѣ врядъ-ли когда бывало: Запорожцы силою отбили другихъ кандидатовъ и угрозою заставили признать Брюховецкаго гетманомъ.

Новый гетманъ далеко не оказался человѣкомъ, какой былъ нуженъ въ то время Украинѣ, человѣкомъ, который могъ бы собрать вокругъ себя разбѣгавшійся на всѣ стороны народъ и успокоить страну. Онъ понималъ и любилъ только крутыя мѣры, производилъ казни, лишалъ города привилегій, отбиралъ имѣнія у монастырей и корыстовался общественными деньгами. Поэтому ни духовенство, ни горожане не любили его, и назначеніе его въ гетманы не усилило Россіи на Украинѣ.

Между тѣмъ, въ Заднѣпровьѣ, Хмельницкій, наскучивъ неурядицей, которая была вокругъ него, и не имѣя силъ съ нею управиться, пошелъ въ монастырь, уступивъ мѣсто человѣку болѣе способному жить и дѣйствовать среди всеобщей сумятицы. Человѣкъ этотъ былъ Петръ Дорошенко. Послѣ смерти стараго Богдана никто не пользовался на Украинѣ такою извѣстностію и славой, какъ онъ. Извѣстность эта и истинно казацкая удалъ привлекали къ нему даже лѣвобережскихъ казаковъ, недовольныхъ Брюховецкимъ. Онъ опять пробудилъ мысль о независимости Украины и, чтобы отбиться въ одно время и отъ Москвы, и отъ Польши, рѣшился поддаться турецкому султану.

Втянутый противъ воли въ войну съ Турціей, король польскій пожелалъ примириться съ Россіей, чего не менѣе его желалъ и царь. Русскіе и польскіе послы съѣхались въ селеніи Андрусовѣ и, послѣ долгихъ споровъ, постановили перемиріе (1667 г.) на тринадцать лѣтъ, на такихъ условіяхъ: границѣ между Русскимъ и Польскимъ государствами быть по Днѣпру, при чемъ земли смоленская и сѣверская отходили къ Россіи; Кіеву, хотя и находящемуся на правомъ берегу этой рѣки, оставаться за Россіей два года; Запорожью быть въ повиновеніи какъ царю, такъ и королю.

Въ Россіи были очень довольны Андрусовскимъ миромъ и особенно радовались возвращенію Кіева, надѣясь удержать его не на два года, а навсегда; но на Украинѣ хотя и были довольны тѣмъ, что старинный православный Кіевъ былъ изъятъ изъ—подъ власти Поляковъ, однакожь сильно негодовали на то, что Украина была разорвана на двѣ части. Но чья вина была это? Развѣ царь Алексѣй не желалъ бы удержать за собою всей Украины и даже всей Руси западной до Львова и Люблина? Украинцы сами разорвали свою Украину. Только лѣвый берегъ Днѣпра оставался большею частію на сторонѣ царской, поэтому лѣвый берегъ и былъ удержанъ царемъ, въ надеждѣ, что и Заднѣпровье, одумавшись, примкнетъ со временемъ къ Русской державѣ.

Къ сожалѣнію, съ тѣхъ поръ, какъ свергнута была, хотя тяжелая, но законная власть польскихъ королей, между людьми западной Руси и особенно Украины распространилось то, что наши предки называли «шатостію», то есть, нетвердость понятій, нежеланіе ничему подчиниться, отвращеніе отъ всякой власти и отъ всякаго порядка. Буйству и свое-

волю не было предѣловъ; всякій заботился не о благѣ всѣхъ, а только о собственной выгодѣ; а какъ всякая война въ то время обѣщала добычу, то каждый сорви-голова находилъ безъ труда охотниковъ идти противъ кого бы то ни было: противъ царскихъ ли воеводъ, противъ королевскихъ ли гетмановъ, противъ Татаръ или Турокъ,—все равно, лишь бы побуйствовать и поживиться. Никакая законная власть ни на кого не могла положиться и понадѣяться. Дорошенко, на примѣръ, считаясь гетманомъ короля польскаго, тайно переговаривался съ Москвой и Царегородомъ и посылалъ подарки въ Крымъ. Брюховецкій, будучи гетманомъ царя русскаго, изподтишка приманивалъ Татаръ, обсылаясь съ Дорошенко, обѣщая ему уступить булаву для соединенія обѣихъ сторонъ Днѣпра, а на самомъ дѣлѣ замышлялъ самъ сдѣлаться гетманомъ всей Украины подъ покровительствомъ султана... Также дѣлали полковники казачьи, лица духовнаго званія, даже епископы. Юрій Хмельницкій, на примѣръ, презрѣлъ обѣты монашества и, уйдя изъ монастыря, принялъ участіе въ смутахъ; запорожскій атаманъ Сѣрко отыскалъ какого-то польскаго холопа и подговорилъ его выдать себя за одного изъ сыновей царя Алексѣя. Всѣ лгали, всѣ обманывали; никто не вѣрилъ другъ другу; всякій, чтобъ доказать свою преданность Москвѣ или Варшавѣ, сыпалъ доносы и обвиненія въ измѣнѣ противъ всѣхъ тѣхъ, которые казались ему опасными. И сколько, во время этой всеобщей *шатости*, погибло, или обезчестило себя измѣною людей храбрыхъ, крѣпкихъ, способныхъ, которые заслужили бы громкую славу въ другое время и при другихъ обстоятельствахъ!..

Измѣна Дорошенка Польшѣ не замедлила обнаружиться; вслѣдъ за тѣмъ обнаружилась и измѣна Брюховецкаго Россіи. Какъ гетманъ, какъ человекъ, имѣвшій постоянную переписку съ Москвой, онъ долженъ былъ хорошо знать, что царь радовался пріобрѣтенію Малороссіи и Кіева и отъ всей души желалъ укрѣпить ихъ за своею державой; не взирая на это, онъ распустилъ универсалы, въ которыхъ, между прочимъ, писалъ: «послы московскіе съ польскими комиссарами *присягою утвердились* съ обѣихъ сторонъ разорять Украину, отчизну нашу милую, истребивъ въ ней всѣхъ жителей большихъ и малыхъ; для этого Москва дала Ляхамъ на наемъ чужеземнаго войска 14 милліоновъ денегъ.» Говоря такимъ образомъ Брюховецкій не *ошибался*, а *лгалъ*, лгалъ заведомо. «Праведно ли Москва учинила, продолжалъ онъ, этотъ злостный обманщикъ, что съ древними врагами православнаго христіанства, Ляхами, побратавшись, постановили, слобожанъ захвативъ, какъ скотъ, въ Сибирь загнать, славное Запорожье и Донъ разорить и въ конецъ истребить, чтобы на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ православные христіане отъ кровавыхъ трудовъ питаются, стали дикія поля, звѣрямъ обиталища?»

Мудрено ли, что слыша или читая такія слова, казаки и крестьяне заволновались? А въ то же самое время Брюховецкій писалъ въ Москву, призывая Бога въ свидѣтели своей вѣрности. Нѣсколько воеводъ московскихъ было умерщвлено обманутымъ народомъ, нѣсколько русскихъ

отрядовъ перебито. Но торжество лживаго гетмана было кратковременно: изъ-за Днѣпра нагрянулъ Дорошенко съ Татарами и казаками и прислалъ ему сказать, чтобъ онъ «поклонился ему булавою». Брюховецкій и хотѣлъ было противиться; но собственные его казаки схватили его и привели къ Дорошенку, который велѣлъ снять ему голову.

Тогда Дорошенко провозгласилъ себя гетманомъ обѣихъ сторонъ Днѣпра. Но въ то же время явились ему соперники. Король польскій поставилъ другаго гетмана, отъ котораго надѣялся болѣе вѣрности; въ Запорожьи выбрали еще другаго; Хмельницкій въ то же самое время ворвался со стороны Крыма, наконецъ казаки, остававшіеся вѣрными Москвѣ, поставили на гетманство полковника Многогрѣшнаго, — и все эти четыре гетмана укоряли одинъ другаго въ измѣнѣ, полки одного сшибались съ полками другаго, разоряли города и села, стоявшіе за ихъ противниковъ, истребляли или продавали въ неволю людей, — а между тѣмъ Татары разгудивали по Украинѣ, какъ по завоеванной странѣ, да и рати царскія и королевскія не безъ отягощенія для народа ходили по ту и по другую сторону Днѣпра.

Какъ же было выйти изъ всей этой неурядицы? Дорошенко, какъ и Богданъ Хмельницкій, какъ и все другіе гетманы, замышлялъ сдѣлать Украину особымъ государствомъ; но это очевидно не удавалось: Украина была слишкомъ слаба, и, главное, въ ней слишкомъ мало было порядка, чтобы достигнуть этого собственными своими силами, потому-то все гетманы, отъ Богдана до Дорошенка, призывали помощь то Россіи, то Польши, то Турціи, почти всегда съ тайнымъ намѣреніемъ обмануть ихъ. Которая же изъ этихъ трехъ державъ восторжествуетъ на Украинѣ? Безъ сомнѣнія, та, которая всего ближе къ украинскому народу по племени, по языку и по вѣрѣ, и на сторонѣ которой, при всей своей шатости, всегда оставались часть казаковъ, большинство горожанъ и почти все крестьянское и духовное сословіе. Но необходимо было, вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы Москва показала, что въ отношеніи ея обѣщаніями не шутятъ, что она въ состояніи защитить своихъ друзей и покарать своихъ враговъ; необходимо наконецъ было, чтобъ она положила предѣлъ этой шатости, которая грозила окончательно истребить несчастную Украину.

Въ настоящее время обстоятельства для Москвы были довольно благопріятны: войны ея прекратились, и рати были наготовѣ. Новый гетманъ, Многогрѣшный, по примѣру своихъ предшественниковъ, замыслилъ измѣнить, пустивъ въ ходъ старую сказку о томъ, что Кіевъ и Малороссію царь хочетъ уступить Польшѣ, что казаковъ обратятъ въ драгуны, а крестьянъ обуютъ въ лапти и переселятъ въ Сибирь. Замыселъ этотъ былъ открытъ; гетманъ съ нѣсколькими своими пособниками взятъ и перевезенъ въ Москву, гдѣ ихъ всѣхъ допрашивали съ пытки и сослали въ Сибирь; туда же былъ отправленъ (впрочемъ, скоро возвращенъ) и кошевой атаманъ Сѣрко, выставившій, какъ сказано, самозванца, а самъ самозванецъ казненъ въ Москвѣ. Эти строгости, а еще болѣе сильное войско мос-

ковское, вступившее въ Малороссію, отрезвили казаковъ. Немедленно собрана была рада для избранія новаго гетмана. Выборъ происходилъ тихо и чинно; города сами просили присылки воеводъ царскихъ для защиты отъ своевольныхъ полковниковъ; имъ же, воеводамъ, крестьяне приносили жалобы на разореніе, чинимое казачьею старшиной; деревенскіе священники встрѣчали ихъ съ колокольнымъ звономъ, а затѣмъ уже войскою и духовной знати трудно было хитрить и двоедушничать. Отъ новаго гетмана Самойловича было потребовано, чтобъ онъ прислалъ въ Москву двоихъ сыновей своихъ, которые тамъ и оставались, въ видѣ заложниковъ.

Между тѣмъ изъ-за Днѣстра и Буга появились Турки, призванные Дорошенкомъ. Ихъ было, сказываютъ, до 300 тысячъ. Они взяли нѣсколько городовъ въ Подоліи и сильную польскую крѣпость Каменецъ; вездѣ, гдѣ проходили они, церкви были обращаемы въ мечети, а народъ уводимъ въ плѣнъ. Такой страшной грозы давно не бывало на Украинѣ, хотя она и много испытала грозъ въ послѣднее время. Турки быстро подвигались къ Днѣпру, и народъ съ ужасомъ бѣжалъ передъ ними, моля о защитѣ и проклиная Дорошенка. Польша, которой по Андрусовскому договору обѣщана была Россіею помощь противъ Турокъ, требовала этой помощи, и царь поспѣшилъ ее прислать, тѣмъ болѣе, что боялся, какъ бы не прорвалась турецкая сила и за Днѣпръ. Онъ объявилъ, что въ случаѣ надобности пойдетъ отстаивать Кіевъ самъ своею особою.

Королемъ польскимъ былъ въ это время сынъ того самаго князя Вишневецкаго, который отличался въ войнѣ противъ казаковъ при началѣ возстанія; сынъ былъ очень мало похожъ на отца, человѣка хотя жестокаго, но твердаго и мужественнаго. Нашествіе Турокъ привело короля Михаила Вишневецкаго въ такой ужасъ, что онъ поспѣшилъ заключить съ ними миръ и уступилъ имъ всю заднѣпровскую Украину. Этотъ постыдный миръ развязывалъ руки царю и отнималъ у Польши право требовать взысканія Кіева, какъ это было условлено по Андрусовскому договору. Царскія войска перешли за Днѣпръ вмѣстѣ съ лѣвобережскими казаками, и хотя нѣкоторые города, въ которыхъ сидѣли Дорошенковы подручники, не сдавались, но вообще народъ радостно встрѣчалъ царскіе полки. Видя это, главный воевода, князь Ромодановскій, и Самойловичъ предложили Заднѣпровцамъ отстать отъ Дорошенка и выбрать себѣ новаго гетмана. Собралась рада и провозгласила Самойловича, который такимъ образомъ сдѣлался гетманомъ всей Украины.

Между тѣмъ Михаилъ Вишневецкій умеръ. Преемникомъ его былъ избранъ знаменитый воинъ, гроза Турокъ, Янъ Собѣскій. Онъ не хотѣлъ подчиниться договору, которымъ его предшественникъ отказывался отъ Украины и вступилъ въ нее съ войскомъ. Итакъ, въ этой несчастной странѣ опять сошлись войска русскія, польскія и турецкія (не считая Татаръ), притаптывая поля, выжигая города и заливая селенія кровью. Народъ, приведенный въ отчаяніе, переходилъ толпами за Днѣпръ, гдѣ было не въ примѣръ безопаснѣе. По счастью, Турки не могли оставаться

долго на Украинѣ, потому что она была слишкомъ отдалена отъ турецкихъ владѣній; дѣла Польши тоже не позволяли ей храброму королю ратовать противъ Украинцевъ. Все это облегчало успѣхи московскимъ воеводамъ. Они наконецъ обложили Дорошенка въ Чигиринѣ и принудили его сдаться.

Это было началомъ замиренія и успокоенія заднѣпровской Украины, въ которой тридцать лѣтъ почти непрерывно лилась кровь. Дорошенко былъ вызванъ въ Москву, близъ которой была ему дарована богатая волость. Юрій Хмельницкій, который въ послѣднее время сильно мутилъ Украину, куда-то исчезъ: полагаютъ, что онъ былъ убитъ Турками или Поляками. Около этого же времени умеръ и кошевой атаманъ запорожскій, Сѣрко, отважный казакъ, отчаянный сорви-голова, которому все равно было за кого и противъ кого воевать, лишь бы воевать. Всѣ эти мутители Украины, «крови заводчики», какъ говорили въ старину, перестали такимъ образомъ мутить и заводить неурядицу. Наступило, казалось, время присоединить и правый берегъ Днѣпра къ Русскому государству; но Россія боялась вступить чрезъ это въ новую войну съ Турціей, а также и съ Польшей, которая, какъ сказано, не признала уступки, сдѣланной королемъ Михаиломъ. Царь Алексѣй скончался вслѣдъ за взятіемъ Дорошенка, а сынъ и преемникъ его, Теодоръ, менѣе думалъ о пріобрѣтеніи новыхъ земель, чѣмъ объ устройствѣ тѣхъ, которыя уже Богъ даровалъ ему. Онъ пожелалъ заключить миръ съ Турками, и миръ этотъ, подписанный въ 1682 г., постановилъ границею между Россіей и Турціей рѣку Днѣпръ. Украина была такимъ образомъ раздѣлена на двѣ части.

VII.

Положеніе Польскаго государства въ XVII вѣкѣ. — Избраніе королемъ Августа Саксонскаго. — Жалкое положеніе православныхъ въ Западной Руси. — Военное управленіе въ Малороссіи. — Друзья и недруги Московскіе. — Московскій договоръ 1686 года. — Первый крымскій походъ. — Пожаръ въ степи. — Мазепа. — Низложеніе Самойловича и избраніе Мазепы. — Второй крымскій походъ. — Сношенія Мазепы съ Польшей. — Виды Царя Петра на морскія прибрежья. — Война со Шведами. — Сношенія Мазепы съ приверженцами Шведскаго короля. — Онъ сносится съ Карломъ XII. — Довось Кочубея и его казнь. — Интриги Мазепы въ Малороссіи. — Онъ отъѣзжаетъ въ шведскій станъ (1708). — Скоронадскій. — Полтавское сраженіе (1709 г. 27 іюня).

Теперь намъ надо будетъ пріостановиться въ нашемъ разсказѣ и сообразить все то, къ чему привели возстанія и войны, продолжавшіяся на Украинѣ, и даже не только на Украинѣ, но и въ Литвѣ и Бѣлороссіи, почти непрерывно сто лѣтъ.

Эти возстанія и эти войны были причинены желаніемъ польскаго правительства и особенно духовенства прѣтѣснить православную вѣру и заставить русскій народъ забыть, что онъ русскій. За это несчастное желаніе Польша была жестоко наказана. Съ этого времени начинается

ея паденіе,—паденіе, продолжавшееся двѣсти лѣтъ и кончившееся тѣмъ, что сосѣднія государства разобрали ее по частямъ.

Было время, и даже не далѣе какъ при Стефанѣ Баторіѣ, когда Польша была государствомъ сильнымъ и славнымъ, она въ это время одолѣвала Московское царство; Полякъ не безъ основанія могъ тогда гордиться передъ Москвичемъ. Но царствование Стефана было послѣднее славное царствование въ Польшѣ. Вскорѣ послѣ него, и даже отчасти уже при немъ, начали появляться сперва въ самой Польшѣ, а потомъ и въ Литвѣ, и на Руси, іезуиты, которые и подняли всѣ вышерассказанныя гоненія за вѣру, имѣвшія такія несчастныя для Польскаго государства послѣдствія. Около этого же времени начинаются и другіе безпорядки, приведшіе это государство къ паденію. Издавна престолъ польскій не переходилъ отъ отца къ сыну, какъ во всѣхъ другихъ странахъ, а доставался тому, кто былъ избранъ шляхетствомъ. Но пока не прекращался домъ Ягелла, на тронъ польскій избирались только лица принадлежавшія къ этому дому. Послѣ же того, какъ родъ Ягелла прекратился, Поляки стали избирать въ короли принцевъ французскихъ или шведскихъ, князей седмиградскихъ или наконецъ природныхъ Поляковъ, требуя при этомъ отъ cadaго новаго короля новыхъ льготъ для себя.

Но для кого эти льготы требовались? Только для тѣхъ, кто имѣлъ право избирать короля. А кто имѣлъ право избирать короля? Одно дворянство. Итакъ, дворянство получало все болѣе и болѣе льготъ, правъ и вольностей. Однимъ дворянамъ предоставлена была честь защищать отечество, быть «рыцарями» или воинами, приобрѣтать славу, почести: они одни также могли владѣть имѣніями, быть судьями, правителями областей, епископами. Итакъ, слава, богатство, власть—все было предоставлено однимъ дворянамъ. Нѣкоторые изъ нихъ, владѣя необъятными имѣніями, какъ напримѣръ Радзивиллы, Потоцкіе, Вишневецкіе, Сапѣги, Любомірскіе, сдѣлались мало-по-малу настоящими государями въ своихъ земляхъ: каждый изъ нихъ имѣлъ своихъ придворныхъ, свое войско, свои замки, и эти маленькіе царьки нерѣдко вели войны между собою, нерѣдко также вели войны и съ самимъ королемъ. Не трудно понять, что они не обращали ни малѣйшаго вниманія на рѣшенія судовъ, на приказанія воеводъ или каштеляновъ, даже на постановленія сеймовъ и повелѣнія королей. Такъ, король Янъ Казиміръ всею душою желалъ защитить православіе, облегчить участь крестьянъ, оказать снисхожденіе казакамъ; иногда и сеймы постановляли рѣшенія въ такомъ же духѣ, но магнаты не хотѣли знать ни воли короля, ни постановленій сейма, и если какой-нибудь панъ былъ очень горячій католикъ, онъ, ничѣмъ не стѣсняясь, обращалъ своихъ крестьянъ въ унію или католичество, прогонялъ православныхъ священниковъ, вѣшалъ или затравливалъ псами всякаго, кто хоть мало ему противился. Жизнь cadaго человѣка, проживавшаго на земляхъ такого пана, вполнѣ отъ него зависѣла, хотя, впрочемъ, законъ никому не позволялъ лишать человѣка жизни; но въ томъ-то и дѣло, что законъ въ Польшѣ ничего не значилъ; мы видѣли, что одинъ изъ

Потоцких хотѣлъ отрубить голову Богдану Хмельницкому, а сколько перевѣшалъ и пересажалъ на колы Украинцевъ князь Вишневецкій при началѣ возстанія, того и счесть невозможно, хотя онъ не былъ ни гетманомъ, ни воеводою, и не имѣлъ вообще никакой законной власти. Обычай давалъ каждому пану на его собственныхъ земляхъ несравненно болѣе власти, нежели королю въ королевствѣ. Власть королевская постепенно стѣснялась, а власть панская постепенно расширялась: это было совершенно противно тому, что происходило во всѣхъ другихъ странахъ. Поэтому все дворянство Европы завидовало польскимъ панамъ, восхищалось ихъ свободою, но мѣщане, мелкое духовенство, даже дробная шляхта и особенно крестьяне, нигдѣ не бѣдствовали такъ, какъ въ Польскомъ государствѣ. Счастливыхъ было нѣсколько сотенъ, а несчастныхъ милліоны. Вотъ и причина тѣхъ страшныхъ возстаній, о которыхъ было рассказано; а слабость королевской власти, несогласія и вражда магнатовъ между собою, нежеланіе ихъ поступиться своею властію, препятствовали подавленію этихъ возстаній, отраженію враговъ иноземныхъ и мѣшали завести порядокъ въ странѣ.

Все это грозило Польскому государству еще болѣшими бѣдствіями въ будущемъ. Государство это слабѣло съ каждымъ годомъ, а сосѣднія укрѣплялись, и время конечнаго его паденія приближалось. Это замѣчали нѣкоторые проницательные люди даже ранѣе того времени, о которомъ теперь говорится. Придворный проповѣдникъ короля Сигизмунда III-го, по имени Скарга, такъ говорилъ однажды въ дворцовой церкви: «Вы, которые управляли міромъ — враги ваши посмѣются надъ вами! Вы лишитесь королей своихъ, лишитесь отечества, языкъ вашъ погибнетъ, вы будете изгнаны и презрѣны тѣми, которые нѣкогда страшились и уважали васъ. Погибнете вы не отъ вражескаго нашествія, погибнете отъ внутреннихъ раздоровъ, отъ собственныхъ ошибокъ своихъ. Когда на плодѣ замѣчаютъ порчу, поврежденное мѣсто вырѣзываютъ, плодъ же сохраняется невредимымъ; но когда выгнила сердцевина, тогда ничего не остается болѣе, какъ бросить плодъ. Это образъ нашей Рѣчи Посполитой, а вы смѣтаетесь, говорите: ничего, ничего! Польша проникнута враждой, говорю вамъ: она падетъ, и вы будете погребены подъ ея развалинами! Вы скажете: давно уже такъ стращаютъ насъ, а вотъ мы еще живемъ. О слѣпцы и безумные! Господь вѣдаетъ, когда долженъ придти часъ его гнѣва. Человѣкъ медленно созидаетъ: Богъ испровергаетъ его созданія мгновенно.»

Эти грозныя и пророческія слова не измѣнили положенія дѣлъ, не уничтожили вражды между собою, не заставили ихъ подумать, гдѣ то выгнившее мѣсто, которое надлежитъ вырѣзать, чтобы спасти плодъ. Напротивъ, гниль проникала глубже, неурядица становилась сильнѣе. Король Янъ-Казиміръ, потерявъ терпѣніе, рѣшился отказаться отъ престола, и при этомъ сказалъ слѣдующія достопримѣчательныя слова, обращаясь къ сейму:

«Дай Богъ, чтобы я не былъ пророкомъ, но говорю вамъ: если вы

не исправите, если не измѣните порядка вашихъ аммосвободныхъ избраній, если не откажетесь отъ нѣкоторыхъ вашихъ вольностей, Рѣчь Посполитая сдѣлается жертвою иноземцевъ, Москва оторветъ русскія земли и Литву до самаго Буга, Нарева и даже до Вислы, Пруссія отниметъ Великую Польшу и польскую Пруссію; Австрія, видя что другіе дѣлятъ между собою наше добро, кинется на Краковію и смежныя воеводства, и каждая изъ сосѣднихъ державъ пожелаетъ лучше владѣть частію нашего государства, чѣмъ имѣть его все съ вашими нынѣшними вольностями.

Мы увидимъ, что король предсказалъ все то, и совершенно такъ, какъ случилось черезъ столѣтъ послѣ него: Россія, Пруссія и Австрія взяли у Польши именно то, что онъ говорилъ, а чтобы показать на самомъ дѣлѣ всѣ безпорядки, все нестроеніе Рѣчи Посполитой, мы расскажемъ какъ происходило избраніе короля послѣ смерти Яна III.

Когда сдѣлалось извѣстнымъ о смерти этого короля, явилось 13 охотниковъ ему наследовать; изъ нихъ нѣкоторые были Поляки знатныхъ фамилій и иностранные принцы. Избраніе королей производилось на шляхетской радѣ близъ Варшавы. Эта рада называлась сеймомъ, но онъ не походилъ на прочіе сеймы: тамъ собирались только послы или выборные люди отъ воеводствъ и повѣтовъ, а на сеймѣ избирательный могъ пріѣхать всякій шляхтичъ и подавать свой голосъ. Такимъ образомъ собиралось иногда нѣсколько десятковъ тысячъ избирателей, и чтобы быть избраннымъ, нужно было по закону имѣть за себя всѣхъ безъ исключенія этихъ избирателей. Мы сейчасъ увидимъ какъ достигали рѣшенія такой мудреной задачи.

Послѣ смерти короля Яна, болѣе всѣхъ имѣлъ сторонниковъ французскій принцъ; посолъ французскій сулилъ отъ его имени горы золота и сильное войско противъ Турокъ и Русскихъ. Последнимъ вписался въ число кандидатовъ государь небольшой нѣмецкой земли, Саксоніи, по имени Августъ. Онъ даже вовсе не думалъ искать польской короны: его подбилъ на это одинъ польскій сенаторъ, который разсчелъ, что для него будетъ не безвыгоднымъ дѣломъ, если нѣсколько милліоновъ талеровъ пройдетъ черезъ его руки. Августъ имѣлъ деньги и былъ честолюбивъ; предложеніе ему понравилось.

—Но я лютеранинъ, сказалъ онъ своему совѣтнику;—а король польскій непременно долженъ быть католикомъ.

—Я тоже былъ протестантомъ, отвѣчалъ тотъ, но перемѣнилъ религію, чтобы быть сенаторомъ: неужели ваша свѣтлость не сдѣлаете того же, чтобы попасть въ короли?

Августъ нашелъ, что это замѣчаніе дѣльно, отсыпалъ Поляку около двухъ милліоновъ талеровъ и велѣлъ ему набирать себѣ сторонниковъ.

Въ короткое время саксонскіе талеры сдѣлали свое дѣло и переманили на сторону Августа многихъ сторонниковъ французскаго принца: Франція, только сулила деньги, а Саксонія платила чистыми. Однако, когда собрался сеймъ, то на сторонѣ французской оказалось народу все еще

болѣе, чѣмъ на саксонской, но за то эти послѣдніе были люди рѣшительные. Въ то время, какъ старшее духовное лицо въ государствѣ, примасъ, торжественно объявлялъ, что волею народною избранъ принцъ французскій, пока совершалось благодарственное молебствіе и варшавскія пушки громко палили, саксонскіе приверженцы собрались и признали королемъ Августа, одинъ изъ епископовъ провозгласилъ ему многолѣтіе, и нѣскольکو пушекъ выпалило въ его честь. Все это произошло, конечно, не безъ сумятицы, не безъ крика, не безъ обнаженныхъ сабель; нѣсколько челоуѣкъ лишились даже жизни; одна сторона другую называла измѣнниками, и дѣло, конечно, не обошлось бы безъ междоусобной войны. Но французскій принцъ былъ далеко, а саксонскій герцогъ — на границѣ Польши, и какъ только узналъ онъ, чѣмъ кончился сеймъ, то немедленно съ войскомъ своимъ подступилъ къ Кракову. Краковъ былъ въ это время порядочною крѣпостью, которую не легко было бы Августу взять, но онъ открылъ краковскія ворота золотомъ: каштеляну тамошнему, графу Велепольскому, онъ послалъ пять тысячъ талеровъ, а женѣ его драгоценный браслетъ, и вступилъ въ Краковъ, который былъ первымъ городомъ, древнею столицей королевства.

Такъ производились избранія польскихъ государей. Но если въ такомъ важномъ дѣлѣ, какъ назначеніе государя, было столько легкомыслія, неурядицы и продажности, то можно-ли удивляться, что въ судахъ не было правды, въ управленіи — порядка, и что неурядица господствовала во всей Рѣчи Посполитой?

Казалось бы, страшное возстаніе казаковъ и потеря Малороссіи должны образумить Поляковъ и показать, какъ опасно оскорблять вѣру народа и презирать народъ. Еще недавно, во времена Выговскаго, были на сеймѣ голоса, которые сильно порицали утѣсненіе казаковъ и Украйны. Но послѣднія несчастія, понесенныя Рѣчью Посполитою, только раздражили Поляковъ, не сдѣлавъ ихъ ни благоразумнѣе, ни осторожнѣе. Замѣчая, что вообще Русскіе и православные были врагами Польши, они рѣшились всѣхъ ихъ обратить въ латинство, не останавливаясь ни предъ какими насиліями, ни предъ какими жестокостями. Дѣло это началось съ Бѣлороссіи. Славное братство виленское, которое такъ сильно дѣйствовало въ первыя времена уніи, было мало-по-малу доведено до совершеннаго ничтожества. Въ Могилевѣ, гдѣ лѣтъ сто тому назадъ, приготовились было встрѣтить Іосафата Кунцевича пушками, въ Витебскѣ, гдѣ того же Кунцевича постигъ такой жалкій конецъ, уже почти не оставалось православныхъ церквей. Недалеко оттуда, въ Полоцкѣ, одномъ изъ самыхъ старинныхъ русскихъ городовъ, современномъ Новгороду и Кіеву, свили себѣ прочное гнѣздо іезуиты и двигали оттуда всѣмъ, что клонилось къ истребленію православія. Изъ пяти православныхъ епархій, бывшихъ нѣкогда въ западной Руси и Литвѣ, оставалась всего одна, Бѣлорусская, и въ епархіи этой до двухъ сотъ православныхъ церквей было обращено въ унію или латинство. Такъ было послѣ казацкихъ войнъ къ сѣверу отъ Припети. Къ югу отъ этой рѣки было иначе, но не лучше:

этотъ прекрасный край почти обратился въ пустыню: гордые панскіе замки стояли обгорѣлыми развалинами; множество городовъ было пожжено, деревни оставались пустыми; бѣольшая часть народа либо была истреблена, либо перебралась за Днѣпръ и въ Запорожье. Когда же Украина начала опять заселяться, когда цаны стали возвращаться въ свои замки, а крестьяне въ свои убогія хаты, то и здѣсь началось тоже, что въ Литвѣ и Бѣлоруссіи: и здѣсь старинныя славныя братства, львовское и луцкое, были совершенно уничтожены; Галиція вся обращена была въ унію.

Сравнительно съ Бѣлоруссіей, Литвой и заднѣпровскою Украиной, Украина русская, или Малороссія, могла почитать себя счастливою. Вѣра и языкъ ея были свято уважаемы, но нельзя сказать, чтобъ и тамъ не происходило частыхъ насилій и несправедливостей. Когда началось казачье возстаніе, Богданъ Хмельницкій сдѣлался полнымъ господиномъ всей Украины; власть его несравненно превышала власть прежнихъ гетмановъ. При польскомъ владычествѣ существовали тамъ суды; Хмельницкій ихъ уничтожилъ почти вездѣ: всѣ тяжбы и споры рѣшались казачьими полковниками и сотниками; а гдѣ еще по городамъ суды остались, тамъ полковники и сотники были предсѣдателями, и все дѣлалось въ судахъ этихъ по ихъ волѣ. Такимъ образомъ, вся власть была въ рукахъ казачьяго войска и его главнаго начальника, гетмана. Онъ назначалъ и смѣнялъ войсковую старшину, раздавалъ земли полковникамъ, награждалъ ихъ, или снималъ имъ головы; рѣшалъ затруднительныя тяжёбныя дѣла; словомъ, былъ на Украинѣ болѣе самовластнымъ государемъ, чѣмъ русскій царь.

Понятно, что ему не совсѣмъ пріятно было сдѣлаться слугою московскаго государя. Необходимость принудила его однакожь къ этому. Но согласившись поклониться царю, онъ хотѣлъ, по крайней мѣрѣ, чтобы на Украинѣ все ему попрежнему подчинялось и чтобы всякая власть, всякое значеніе исходили изъ его воли. Пока гетманствовалъ Богданъ, этотъ старый «батько» казачій, уважаемый всѣмъ украинскимъ народомъ, за нимъ можно было еще оставить такую власть; но нельзя было оставлять ее другимъ гетманамъ, и вотъ почему, при каждомъ избраніи въ статьихъ, которыя новый гетманъ долженъ былъ подписать, оговаривалось, чтобъ онъ не смѣлъ своею властію смѣщать полковниковъ, казнить смертію людей всякаго рода и обсылаться посланниками съ иноземными государями. Подчиняясь такимъ статьямъ, гетманы малороссійскіе уже переставали быть независимыми господами и становились простыми наместниками царскими, что было имъ весьма непріятно.

Не нравились подобныя перемѣны и старшинѣ казачьей, ибо, хотя они уже менѣе зависѣли отъ гетманской прихоти, но за то и ихъ власть надъ казаками и крестьянами тоже была ограничена. Съ этою цѣлію сначала въ трехъ, а потомъ еще въ нѣсколькихъ другихъ городахъ, находились воеводы царскіе: они должны были наблюдать, чтобы начальные люди казачьи не чинили притѣсненій, чтобы суды не постановляли рѣше-

ній по прихоти этихъ людей, и чтобы поборы съ крестьянъ оставались не въ сундукахъ гетмана и старшины, а дѣйствительно шли бы на содержаніе войска и на другія общія потребности.

Новые порядки, порядки «московскіе», не нравились начальнымъ людямъ между казаками. Польская вольница, гдѣ тотъ, кто былъ силенъ и знатенъ, былъ и правъ, была имъ милѣе. Вотъ почему они такъ негодовали на московскихъ воеводъ по городамъ, кричали, что Москва нарушаетъ казачьи вольности, и распускали слухи, что она хочетъ казаковъ обратить въ драгунъ или солдатъ, а крестьянъ обуть въ лапти.

Не совсѣмъ расположено было къ Москвѣ и высшее духовенство украинское: оно искало защиты Россіи, какъ страны православной, но видѣло, что Русскіе архіереи не засѣдаютъ, подобно польскимъ бискупамъ, въ сенатѣ, не владѣютъ огромными имѣніями, не ходятъ въ золотѣ и бархатѣ и, кромѣ духовныхъ своихъ обязанностей, во всемъ прочемъ должны подчиняться волѣ царя. Они замѣчали также, и не безъ основанія, что московское духовенство было менѣе ихъ образовано. Въ самомъ дѣлѣ, между монахами, и особенно архіереями украинскими, нерѣдко бывали люди ученые; таковы были: архимандритъ Иннокентій Гизель, составившій первую исторію Россіи, черниговскій епископъ Лазарь Барановичъ, и особенно, молодой еще въ то время монахъ, а потомъ архіепископъ ростовскій, Дмитрій, собравшій жизнеописанія святыхъ отцовъ (Четьи-Миней), извѣстныя всей Россіи. Образованные украинскіе архіереи иногда съ пренебреженіемъ смотрѣли на свою московскую братію, а тѣ съ своей стороны находили, что украинское духовенство склонно къ латинской ереси.

По всѣмъ этимъ причинамъ, и старшина казачья, и духовенство, желали бы соединиться съ Россіей, но не подчиняться ей, а оставаться въ такомъ положеніи, въ какомъ первоначально была Литва относительно Польши, съ тѣмъ чтобы свободно пановать надъ простымъ народомъ.

Первый изъ гетмановъ, который рѣшился отказаться отъ пустыхъ надеждъ господствовать надъ Малороссіей, былъ Самойловичъ. Онъ не хлопоталъ о томъ, чтобы поддерживать Малороссію, какъ особую страну, но, напротивъ, старался сближать ее, устанавливать сношенія съ Россіей и, между прочимъ, выдалъ свою дочь за одного изъ русскихъ бояръ. Скоро, какъ мы увидимъ, и высшее духовенство малороссійское вошло въ тѣсную связь съ московскимъ.

Во время управленія Самойловича Малороссіей, Россія предприняла войну противъ Турьма. Война эта началась съ того, что Турки сдѣлали жестокой набѣгъ на Австрію. Польскій король, которымъ въ это время былъ еще Янъ III, бывъ союзникомъ Австріи, жестоко разбилъ Турокъ, и желая нанести этимъ врагамъ христіанства рѣшительный ударъ, приглашалъ и Россію присоединиться къ нему. Въ Россіи царствовали въ это время два царя вмѣстѣ, братья умершаго не задолго передъ тѣмъ Θεодора Алексѣевича, Іоаннъ и Петръ; а какъ первый изъ нихъ былъ слабъ, а второй малолѣтенъ, то дѣлами управляла сестра ихъ, царевна

Софія. Предложеніе польскаго короля было заманчиво и, казалось, обѣщало успѣхъ, потому что почти полъ-Европы ополчалось противъ Турціи; Россіи, слѣдовательно, предстояло одинъ на одинъ перевѣдываться съ Татарами. Но царевна, соглашаясь на предложенія польскаго короля, не упустила выговорить нѣкоторыя выгоды для Россіи, а именно: она потребовала, чтобы Польша уступила нѣсколько городовъ въ Бѣлоруссіи, отказалась отъ Кіева навсегда (по Андрусовскому договору, онъ былъ уступленъ на время), и чтобы царямъ русскимъ было предоставлено ходатайствовать за своихъ единовѣрцевъ, живущихъ на земляхъ Рѣчи Посполитой. Послѣ долгихъ споровъ, всѣ эти требованія были исполнены, и договоръ подписанъ въ Москвѣ въ 1686 году.

Согласно этому договору, въ слѣдующемъ году собралась сильная рать, подъ начальствомъ любимца царевны, князя Голицына. Къ ней присоединился и Самойловичъ съ казаками. Самойловичу, впрочемъ, не нравился этотъ походъ; онъ былъ заклятой врагъ Польши и не одобрялъ союза съ нею. Притомъ, онъ былъ не въ ладахъ съ главнымъ воеводою.

Соединенныя войска московскія и казацкія перешли черезъ рѣку Самару и направились широкою степью къ Крыму. Они шли спокойно, не тревожимыя непріателемъ; Татары вовсе не показывались. Но когда они перешли Конскія Воды, ихъ охватилъ пожаръ: вся степь горѣла. Ни лошадямъ корма, ни воды для питья не откуда было достать, а между тѣмъ ежеминутно грозила опасность, что отъ искръ, разносимыхъ вѣтромъ, вспыхнутъ пороховые ящики; горячій пепель жегъ ноги людямъ и лошадямъ. Голицынъ попробовалъ сдѣлать нѣсколько переходовъ по этому страшному пепелищу, но наконецъ принужденъ былъ воротиться.

Непріятно ему было возвращаться съ пустыми руками, ничего не промысливъ; у него много было враговъ въ Москвѣ, которые, онъ зналъ, не преминутъ воспользоваться его неудачей. Въ это время между ратными людьми прошелъ слухъ, что степь подожжена по приказанію гетмана, и слухъ этотъ дошелъ до главнаго воеводы. Отъ кого вышелъ этотъ слухъ? Неизвѣстно, но врядъ-ли не отъ генеральнаго есаула казачьяго, Ивана Мазепы.

Лукавый человѣкъ этотъ, Мазепа, служилъ у Дорошенка во время казачьихъ войнъ, былъ взятъ въ плѣнъ, представленъ русскимъ властямъ, передъ которыми очистилъ себя, показавъ все, что зналъ о замыслахъ заднѣпровскаго гетмана; вошелъ въ довѣріе у Самойловича, заискалъ расположеніе московскихъ бояръ и теперь уже самъ мѣтилъ въ гетманы. Изъ всей казачьей старшины, онъ пользовался наибольшимъ расположеніемъ Голицына; часто бывалъ у него, видѣлъ его огорченнымъ, встревоженнымъ своею неудачею и, какъ полагаютъ, придумалъ свалить на гетмана причину этой неудачи. Никакихъ важныхъ основаній къ обвиненію Самойловича не было, но онъ не одобрялъ войны съ Крымомъ, медленно собирался въ походъ, а во время похода громко высказывалъ свое неодобреніе: «купила Москва лихо за свои гроши», говаривалъ онъ и предсказывалъ, что успѣха не будетъ. Потомъ, такъ какъ Самойловича не

любила старшина, за то, что онъ ей не потворствовалъ, ни казаки, за то, что онъ наложилъ откупъ на вино, то нашлись люди, которые стали говорить, что онъ давно уже замышляетъ измѣну, что его жена, гетманша, о томъ даже проговорила. Распускались и другіе тому подобные пустые слухи. Но слухи эти пришли кстати, и Голицынъ не остановилъ ихъ. Старшина была этому рада и подала главному воеводѣ доносъ, въ которомъ обвиняла своего гетмана въ измѣнѣ царю, въ притѣсненіяхъ лихоимствѣ и самоуправствѣ. Голицынъ принялъ этотъ доносъ и отправилъ его въ Москву, а между тѣмъ казаки до такой степени раздражились противъ гетмана, что ему уже не безопасно было между ними оставаться; онъ перебрался изъ казачьяго обоза въ московскій.

Скоро послѣдовало рѣшеніе по поводу казачьяго доноса: Голицыну предписывалось смѣнить Самойловича, «буде онъ казакамъ не годенъ, и сослать его куда пристойно». На мѣсто же его выбрать другаго, волевыми голосами. Въ обозѣ русскомъ Самойловичъ находился подъ присмотромъ, а въ ночь, послѣдовавшую за полученіемъ указа о его смѣнѣ, съ него не спускали глазъ. Скорбѣла душа его отъ незаслуженной клеветы. Рано утромъ пошелъ онъ въ походную церковь и молился, когда его потребовали къ главному воеводѣ. Онъ отправился туда какъ былъ въ утреннемъ длинномъ кафтанѣ, съ головою повязанною платкомъ, опираясь на свою гетманскую булаву. Въ разрядномъ шатрѣ уже собрана была старшина—его враги и донощики, а также и русскіе воеводы. Тамъ ему прочли доносъ; онъ хотѣлъ оправдываться, но казаки подняли шумъ, выхватили было сабли и требовали, чтобъ онъ былъ казненъ; едва согласились они удовольствоваться его ссылкой. У Самойловича отобрана была булава, и онъ взятъ подъ караулъ. Затѣмъ казачьему войску объявили о смѣнѣ гетмана и о соизволеніи царскомъ избрать новаго, для чего и назначена была черезъ два дня общая рада.

Все это происходило на рѣкѣ Коломакѣ, недалеко отъ Полтавы. 25-го іюля 1687 года на широкой равнинѣ, между обозами казачьимъ и московскимъ, былъ разбитъ церковный шатеръ; къ нему съ ранняго утра высыпало все казачье войско для избранія новаго гетмана. Часу въ десятомъ изъ казачьяго обоза стали выѣзжать на своихъ проворныхъ, быстрыхъ коняхъ казачьи полковники и другая старшина; а изъ русскаго стана воеводы московскіе въ высокихъ собольихъ шапкахъ, широкихъ охабняхъ на статныхъ аргамакахъ, которыхъ уздечки и наперся были выложены серебряными монетами и увѣшаны бубенчиками. Пріѣхалъ наконецъ и Голицынъ, отслушалъ обѣдню и затѣмъ приказалъ приступить къ избранію. Зашумѣла казачья толпа и заколыхалась какъ море; среди всего этого шума явственно и громко слышалось имя Ивана Мазепы. «Кого вы желаете имѣть гетманомъ?» спросилъ Голицынъ. — «Ивана Мазепу!» отвѣчала толпа. Тогда Голицынъ взялъ булаву, бунчукъ и печать и передалъ ихъ Мазепѣ.

Казаки ликовали нѣсколько дней въ честь своего новаго избранника, а старый ихъ гетманъ между тѣмъ, въ простой телѣгѣ, подъ карауломъ,

отправлялся въ ссылку. Мазепѣ было въ это время лѣтъ 45. Онъ былъ высокій, статный мужчина, сухощавый и смуглый. Видъ его былъ строгъ, и даже суровъ, но за обѣдомъ и въ пріятельскомъ кругу, а также съ женщинами, онъ умѣлъ и посмѣяться и сказать забавное слово. Подобно Богдану Хмельницкому, онъ говорилъ, повидимому, откровенно, выкладывая, какъ говорится, всю душу на ладонь; но сегодня онъ говорилъ одно, а завтра другое, и врядъ ли былъ человѣкъ, который могъ бы сказать, что онъ знаетъ Мазепины мысли. Въ этомъ отношеніи онъ также какъ и старый Богданъ, былъ достойный ученикъ іезуитовъ. Онъ былъ природный казакъ, но началъ службу при дворѣ короля Яна Казимира въ званіи пажа. Тамъ онъ научился ловкому обращенію и искусству нравиться нужнымъ ему людямъ, а также и женщинамъ. Жизнь при тогдашнемъ польскомъ дворѣ была веселая, но довольно распутная. Мазепа завелъ связь съ женою какого-то пана и имѣлъ съ нею тайныя свиданія по ночамъ, въ ея имѣніи, бывшемъ на Волыни. Случилось однакожь, что мужъ узналъ объ этой связи, подкараулилъ Мазепу съ нѣсколькими своими слугами и, раздѣвъ его до нага, велѣлъ прикрутить его къ собственной его лошади; потомъ этой лошади дали нѣсколько арапниковъ и разжегши ее такимъ образомъ до бѣшенства, пустили на всѣ четыре вѣтра. Конь ринулся и понесся степями и лѣсами, прыгая черезъ сваленные бурей пни и переплывая черезъ потоки. Непривычная ноша на его спинѣ и веревки, которыми она была привязана, беспокоили, подстрекали его; онъ мчался до тѣхъ поръ, пока не грянулся о земь безъ дыханія. Мазепа тоже былъ полумертвъ; но по близости того мѣста, гдѣ палъ его конь, находилось селеніе; какая-то казачка, проходя мимо, отвязала его, дала пить и возвратила къ жизни. Затѣмъ онъ записался въ казаки и служилъ при Дорошенкѣ противъ Россіи, и наконецъ сдѣлался гетманомъ съ утвержденія русскаго двора.

Статьи, которыя были подписаны Мазепой при его избраніи, вообще подтверждали прежнія, но были выгоднѣе для казачьей старшины чѣмъ подписанныя Самойловичемъ: имѣнія старшины велѣно освободить отъ всякихъ поборовъ, подтверждено, чтобъ гетманъ не отрѣшалъ своею властію начальныхъ людей, чтобы воеводы царскіе не вмѣшивались въ судъ и управленіе; гетманъ, однакожь, обязался стараться о сближеніи малороссійскаго народа съ великороссійскимъ посредствомъ браковъ и, сказано въ статьяхъ, «чтобы никто голосовъ такихъ не испускалъ, что Малороссійскій край гетманскаго регимента». Гетманъ обязывался также не имѣть сношеній съ другими государствами, кромѣ развѣ самыхъ простыхъ пограничныхъ споровъ. Съ другой стороны, онъ выговорилъ себѣ, чтобы навѣтамъ противъ него въ Москвѣ не давали вѣры. Черезъ годъ послѣ перваго крымскаго похода, былъ Голицынымъ предпринятъ другой, такой же неудачный; это произвело большое неудовольствіе въ Москвѣ. Болѣе всѣхъ негодовалъ царь Петръ, которому былъ уже шестнадцатый годъ, который не любилъ Голицына и тяготился властію царевны-правительницы. Онъ свергнулъ эту власть вскорѣ послѣ втораго крымскаго похода и заключилъ

царевну въ монастырь. Съ того времени, хотя старшій братъ его Іоаннъ и соцарствовалъ ему еще нѣсколько лѣтъ, но будучи слабъ духомъ и здоровьемъ, предоставилъ все дѣла Петру.

Переворотъ этотъ засталъ Мазепу на пути къ Москвѣ. Царевна была еще въ кремлевскихъ палатахъ и писалась *самодержицею*, а Петръ находился въ Троицко-Сергіевской лаврѣ съ небольшимъ числомъ преданныхъ ему солдатъ. Проницательный гетманъ немедленно понялъ одинаково, что побѣда будетъ на сторонѣ Петра, а потому тотчасъ къ нему и обратился, минуя и царевну, и ея любимца, а своего милостивца, Голицына. Онъ очень понравился царю и сблизился съ молодыми людьми, которые его окружали и которые со временемъ сдѣлались значительными государственными сановниками.

Устроивъ дѣла свои въ Москвѣ, Мазепа началъ происки въ Польшѣ и пересылался съ прежними пріятелями своими чрезъ одного чернеца. Въ Польшѣ были рады всякому, кто только вызывался замутить Малороссію: «въ Божіе время работайте и промышляйте какъ бы снять иго съ вольной шеи своего народа», писалъ къ Мазепѣ одинъ уніятскій епископъ; но Мазепа зналъ, что подъ надзоромъ Москвы не легко удаются подобныя продѣлки. «Страшное дѣло мы зачали, отвѣчалъ онъ, я бы хотѣлъ, чтобъ и рубашка моя о томъ не знала. Не огнемъ играть хотимъ. Дѣло идетъ о нашихъ женахъ и о нашей жизни.»

И точно, тайныя пересылки гетмана не остались неизвѣстными; войсковой писарь, Кочубей, извѣстилъ о томъ Москву, но тамъ ему не повѣрили, а Мазепа, воспользовавшись этимъ, сталъ жаловаться на то, что онъ окруженъ врагами, которые желаютъ его погубить за его преданность къ государю и сами втайнѣ мыслятъ зло.

Такія жалобы казались вѣроятными. Въ самомъ дѣлѣ, послѣ страшной неурядицы во время казачьихъ войнъ, когда мудро было и самому прозорливому человѣку сообразить, кто враги и кто друзья, когда измѣна была дѣломъ ежедневнымъ, и всякій значительный казакъ переговаривался въ одно время съ Москвою, Польшею, Крымомъ и Турціей; послѣ всей этой всеобщей лжи и измѣны, мудро было вѣрить извѣстамъ казаковъ: развѣ еще недавно не обнесли они напрасно Самойловича? Всѣмъ этимъ искусно пользовался Мазепа и забиралъ въ Малороссіи все больше и больше власти. Хотя коломакскими статьями онъ былъ обязанъ не отрѣшати полковниковъ своею властью, онъ находилъ одинаково возможность удалять всѣхъ противныхъ ему людей, представляя ихъ неблагонадежными, и возвышать тѣхъ, которые были ему преданы, отзываясь о нихъ, какъ о людяхъ приверженныхъ Россіи. Подъ предлогомъ охраняться отъ злоумышленниковъ, онъ завелъ особую стражу въ 3,000 человѣкъ, посредствомъ которой держалъ въ рукахъ всю Малороссію. Все дѣлалось по его волѣ, все дрожало передъ грознымъ гетманомъ, а такъ какъ для его тайныхъ цѣлей нужны были деньги, и большія деньги, то поборы и взятки еще усилились въ сравненіи съ прежними.

Король Августъ Саксонскій, объ избраніи котораго было рассказано,

взошелъ на престолъ польскій почти въ одно время съ принятіемъ царской власти Петромъ. У обоихъ государей этихъ была одинаковая цѣль — возвратить завоеванія и захваты, сдѣланные нѣкогда Швеціею какъ у Польши, такъ и у Россіи: у Польши во времена Яна Казимира, у Россіи во время самозванцевъ. Въ это печальное время отъ Россіи отошло между прочимъ все финское побережье съ Невною и Ладожскимъ озеромъ, гдѣ стояли старинные города и селенія наши: Ивангородъ (Нарва), Ямъ, Конопорье, Орѣшекъ (Шлиссельбургъ) и другіе. Со времени царя Михаила у Россіи не осталось ни одного моря, кромѣ только Бѣлаго, лежащаго въ отдаленномъ пустынномъ краю и запертаго льдами большую часть года: (*) Черное море, Балтійское, Финскій заливъ были потеряны. А безъ морскихъ береговъ, въ государствѣ не можетъ быть торговли, безъ торговли — богатства. Возьмемъ, на примѣръ, рѣку Донъ; она протекаетъ по самымъ плодотворнымъ и богатымъ частямъ Россіи; по богатымъ же и плодотворнымъ краямъ текутъ ея притоки, изъ которыхъ иные судоходны. Какое живое движеніе можетъ быть по этимъ рѣкамъ и притокамъ: сколько хлѣба, каменнаго угля, сала и другихъ произведеній можно сплавлять изъ Россіи за границу, и сколько за нихъ вывозить изъ-за границы другихъ товаровъ и денегъ! Но въ то время, о которомъ здѣсь говорится, устья Дона находились во власти Турокъ, которые могли не пропустить суда наши выйти въ море. Въ ихъ же рукахъ находились и устья Днѣпра; во власти Поляковъ — устья Двины; во власти Шведовъ наконецъ — выходъ въ море изъ Ладожскаго озера, а слѣдовательно изъ озеръ съ нимъ связанныхъ и изъ рѣкъ впадающихъ въ эти послѣднія озера: Свири, Волхова, Ловати, Шелони и другихъ. Россіи необходимо было, слѣдовательно, пробиться къ морямъ, и царь Петръ взялся за это дѣло. Продолжая войну съ Турціей, онъ завоевалъ Азовъ при устьѣ Дона. Но чтобъ имѣть свободный выходъ въ Черное море, нужно было, еще пробиться сквозь Керченскій проливъ, находившійся въ Турецкой власти; союзники же Россіи, которые подбили ее воевать съ Турціей, между тѣмъ ее оставили. Вотъ тогда-то Петръ обратилъ свое вниманіе на сѣверъ и задумалъ добывать финскіе берега и устье Невы. Онъ согласился воевать противъ Швеціи заодно съ королемъ Августомъ и объявилъ претензію на русскія земли, отобранныя Шведами.

Война началась (1700 г.) упорная, страшная война, продолжавшаяся 21 годъ. Начало ея было для Россіи несчастливо. Шведскія войска были въ то время одни изъ лучшихъ въ Европѣ, а молодой король Шведскій, Карлъ XII, оказался однимъ изъ лучшихъ полководцевъ; напротивъ того, войска русскія могли съ успѣхомъ драться только противъ безпорядочной польской шляхты или Татаръ. Разгромивъ Русскихъ подъ Нарвою, Карлъ обратился на Августа и вступилъ въ Литву. Тамъ, въ

(*) Оставалось, правда, еще Каспійское море, но на немъ торговля шла съ одними Персіанцами, тогда какъ по Балтійскому и Черному могла идти со всѣмъ свѣтомъ.

теченіе семи уже лѣтъ, происходила ссора или даже война между двумя знатными фамиліями, Сапѣгами и Огинскими; вся Литва раздѣлилась на два военные стана; Сапѣжане наѣзжали на замки пріятелей Огинскаго, а эти, въ свою очередь, на приверженцевъ Сапѣги. Въ эту знаменитую распрю вмѣшалось высшее духовенство Польское, которое вообще много занималось мірскими дѣлами: виленскій бискупъ предалъ проклятію Сапѣгу, и проклятіе это подтвердилъ папскій нунцій, или посланникъ въ Варшавѣ; а примасъ, державшій сторону Огинскихъ, какъ старшее въ государствѣ духовное лицо, отрѣшилъ за это нунція. Среди такой-то розни, весьма нерѣдкой впрочемъ въ Польшѣ, Карлъ вступилъ въ Литву, и съ перваго же шага нашелъ въ ней союзниковъ: Сапѣги тотчасъ же примкнули къ нему, чтобъ онъ пособилъ имъ одолѣть Огинскихъ. Не поддерживаемый народомъ, король польскій былъ разбитъ Шведами, изгнанъ изъ Варшавы, изъ польскихъ владѣній, и удалился въ Саксонію. Но и тамъ онъ не укрылся отъ страшнаго врага. Карлъ принудилъ его отказаться отъ польскаго престола и возвелъ на оный польскаго шляхтича. Станислава Лещинскаго.

За всѣми этими дѣлами прошло пять лѣтъ. Тогда Карлъ XII поворотилъ назадъ, на Россію. Но въ это время русская армія была уже не тѣмъ, чѣмъ была подъ Нарвою. Царь Петръ переформировалъ ее по примѣру войскъ другихъ европейскихъ государствъ, и шведскій корпусъ, остававшійся, по удаленіи Карла XII, въ Лифляндіи, былъ въ нѣсколькихъ стычкахъ разбитъ; старинный нашъ городъ Орѣшекъ былъ взятъ, а при устьѣ Невы заложенъ *Петербургъ*. Оправдывались слова царя, что «Шведы научатъ насъ бить ихъ».

Но пока все вниманіе его было обращено на шведскаго короля, большая опасность готовилась ему въ Малороссіи. Мазепа, пользуясь полнымъ къ нему довѣріемъ государя, возобновилъ сношенія съ польскими своими друзьями: князь Вишневецкій, пируя въ это время въ своемъ имѣніи, Бѣлой Криницѣ, зазвалъ туда Мазепу. Тамъ же встрѣтилъ онъ одну знатную Польку, княгиню Дульскую, которая начала его приглашать отложиться со всею Малороссіей и принять сторону Станислава Лещинскаго, обѣщая, что въ этомъ поможетъ ему шведскій король. Мазепа не сказалъ ни да, ни нѣтъ, и процировавъ нѣсколько дней съ польскою знатію, уѣхалъ. Но княгиня Дульская вступила съ нимъ въ переписку, пересылая черезъ надежныхъ людей письма, писанныя цифирью. Она писала ему, что, поддавшись Станиславу, онъ будетъ гетманомъ обѣихъ сторонъ Днѣпра, княземъ украинскимъ и польскимъ сенаторомъ, между тѣмъ какъ оставаясь подъ русскою державой, онъ подвергается серіознымъ опасностямъ, потому что ближащій любимецъ царскій, князь Меншиковъ, подкапывается подъ него и хочетъ будто бы, удаливъ его, самъ сдѣлаться гетманомъ. Мазепа былъ однако остороженъ и не давалъ никакихъ обѣщаній княгинѣ, но открылся генеральному писарю Орлику, заставивъ его присягнуть, что онъ ему не измѣнитъ. Меня подзываетъ, сказалъ онъ, король польскій, я думаю согласиться,

«но не вля приватной моей пользы, а для васъ всѣхъ, для женъ и дѣтей вашихъ, для общаго добра матки моей отчизны, бѣдной Украины.» И тутъ онъ сталъ говорить, что царскіе любимцы отнимаютъ у него всякую власть и угнетаютъ казачье войско тяжелыми трудами военными. Орликъ осмѣлился замѣтить ему, что замыслы эти могутъ быть полезны странѣ, если Шведы одолѣютъ Русскихъ, а если будетъ наоборотъ, то «и мы пропадемъ, сказалъ онъ, и народъ погубимъ.» «Яйца курицу не учать, отвѣчалъ Мазепа: развѣ я дуракъ, что прежде времени отступлю безъ крайней нужды?»

Казалось, что верхъ будетъ за королемъ шведскимъ: имя его гремѣло во всей Европѣ какъ великаго полководца. Порѣшивъ съ королемъ Августомъ, онъ подвигался къ Днѣпру. Мазепѣ хотѣлось бы, чтобы Шведы направились прямо на Москву: въ такомъ случаѣ царь былъ бы принужденъ вывести всѣ свои войска изъ Малороссіи, и тогда, при первой неудачѣ царскихъ войскъ, Мазепѣ было бы удобно присоединиться къ Шведамъ. Но куда пойдетъ Карлъ, этого никто не зналъ, и это очень беспокоило и царя и его генераловъ, потому что они недоумѣвали съ которой стороны готовить Шведамъ отпоръ: одни думали, что онъ пойдетъ на Москву, другіе, что онъ кинется къ Петербургу; одинъ только Меншиковъ высказалъ догадку, что Шведъ повернетъ въ Малороссію. Такъ дѣйствительно и случилось.

—Дьяволъ его сюда несетъ! воскликнулъ Мазепа, узнавъ объ этомъ: онъ понималъ, что вмѣстѣ съ Шведами вступятъ въ Малороссію и царскія войска. Мазепа долго держалъ втайнѣ свою мысль, но наконецъ принужденъ былъ переговорить съ нѣсколькими полковниками. Всѣ тѣ, которымъ онъ открылся, одобряли его и совѣтовали, не откладывая, послать гонца къ шведскому королю. Мазепа колебался однакожь, понимая, что онъ затѣваетъ опасное дѣло, и что теперь времена инныя, нежели при Брюховецкомъ. Однако, надо было рѣшиться; онъ послалъ сказать Карлу, что отдается со всею Малороссіей подъ его протекцію и примкнетъ къ его войску съ 20-ю тысячами казаковъ, какъ только Шведы придвинутся къ Деснѣ.

Ничего этого не подозрѣвали ни царь, ни его приближенные; такъ твердо они вѣрили преданности Мазепы. Одинъ гонецъ, пробиравшійся къ нему отъ короля Станислава, былъ схваченъ, и найденное на немъ письмо прочтено, но это было принято за хитрость со стороны непріятелей Россіи, чтобы погубить вѣрнаго гетмана. Въ это же время послѣдовалъ на Мазепу доносъ отъ войскового есаула, Кочубея. Не повѣрили и ему; его пытали и вмѣстѣ съ другимъ извѣтчикомъ, полковникомъ Искрою, прислали къ Мазепѣ для совершенія надъ ними казни. При этомъ царь писалъ къ гетману, утѣшая и обнадеживая въ полной своей довѣренности.

Но всѣ эти доносы и случайныя открытія беспокоили Мазепу; положеніе его становилось очень труднымъ; царь требовалъ, чтобы онъ снарядилъ казаковъ и, безъ замедленія, привелъ ихъ къ арміи. Мазепѣ

не хотѣлось этого. Онъ отвѣчалъ, что казаковъ отпустить нельзя, и самому отлучиться ему невозможно, потому что въ Малороссіи неспокойно, народъ бунтуетъ. И точно, народъ былъ въ смятеніи, потому что Мазепа повторялъ старые слухи о намѣреніи царя обратить казаковъ въ драгунъ, а крестьянъ выселить. Произведя этимъ безпокойства, Мазепа посылалъ команды для усмиренія непокорныхъ, а между тѣмъ распускалъ подъ рукою, что наказанія чинятся противъ его, Мазепиной, воли и по приказанію царя.

Между тѣмъ отдѣльный 15-титысячный отрядъ шведскій былъ совершенно разбитъ и почти истребленъ царемъ; это еще болѣе затрудняло положеніе Мазепы, а слухи о его сношеніяхъ съ Поляками становились гласными. Царь, недовольный его медленностью относительно снаряженія казаковъ, потребовалъ его къ себѣ въ Глуховъ. Мазепа испугался этого приглашенія: онъ думалъ, что его тамъ непременно схватятъ, и потому притворился опасно больнымъ. Приверженцы его распускали слухъ между приближенными царя, что гетманъ умираетъ, и точно, онъ лежалъ въ постели, не принимая почти никого. Случилось, что въ это время черезъ Батуринъ, гдѣ жилъ гетманъ, проѣхалъ Кіевскій митрополитъ: Мазепа послалъ просить, чтобъ онъ прибылъ соборовать его масломъ; такъ лукавилъ этотъ старый хитрецъ! Вдругъ получаетъ онъ извѣстіе, что къ нему ѣдетъ князь Меншиковъ, который одинъ изъ всѣхъ окружающихъ царя сомнѣвался въ его вѣрности, и по словамъ княгини Дульской, былъ его личнымъ врагомъ.

Не оставалось болѣе сомнѣнія: Мазепа вообразилъ, что любимецъ царскій посланъ для того, чтобъ захватить его. Тогда Мазепа «порвался какъ вихрь», велѣлъ трубить сборъ, и съ казаками, которые случились подъ рукою, поскакалъ къ Деснѣ, приказавъ между тѣмъ богатства, которыя онъ успѣлъ набрать, зарыть въ Бѣлой церкви и въ Кіевѣ. 26-го октября 1708 года, онъ переправился черезъ Десну и быстро приближался къ шведскому стану, изъ котораго, между тѣмъ, по предварительному извѣщенію Мазепы, выступило нѣсколько полковъ.

Большая часть бывшей съ Мазепой старшины знала куда и зачѣмъ ведетъ ихъ гетманъ, но простые казаки думали, что ихъ ведутъ биться со Шведами. Только тогда уже, когда шведскіе полки приблизились и охватили казаковъ со всѣхъ сторонъ, только тогда Мазепа объявилъ зачѣмъ онъ привелъ ихъ. Ни сопротивляться, ни уходить назадъ не было возможно; всѣ послѣдовали за Мазепой. Онъ вступилъ въ шведскій лагерь при звукѣ трубъ и грохотѣ барабановъ; король принялъ его весьма ласково, но не могъ не замѣтить, что вмѣсто обѣщанныхъ 20 тысячъ казаковъ, съ гетманомъ прибыло не болѣе четвертой или пятой части этого числа.

Велико было удивленіе Меншикова, когда онъ узналъ, что Мазепа, котораго онъ считалъ при смерти, ускакалъ изъ Батурина; когда же, подѣхавъ къ Батурину, увидѣлъ, что городскія ворота заперты и что

пушки наведены противъ него, — все дѣло передъ нимъ объяснилось, и онъ успѣшилъ донести обо всемъ царю.

Вскипѣлъ грозный царь, когда узналъ объ измѣнѣ Мазепы! Нѣсколько времени онъ не хотѣлъ этому вѣрить, но потомъ у него полились распоряженія быстрыя, крутыя и рѣшительныя. Онъ оповѣстилъ всю Украйну о гнусной измѣнѣ ея гетмана, ввелъ туда свои полки и вмѣстѣ съ тѣмъ общалъ полное прощеніе тѣмъ изъ отбѣжавшихъ съ Мазепою, которые возвратятся въ опредѣленный срокъ; онъ велѣлъ Меншикову взять Батурина и сравнять его съ землею; приказалъ старшинѣ и казакамъ немедленно прибыть въ Глуховъ для избранія новаго гетмана; туда же велѣлъ пріѣхать нѣсколькимъ архіереямъ для преданія проклятiю злодѣя, умыслившаго на цѣлость Русскаго государства.

Это церковное проклятiе было страшное и грозное дѣло, къ которому прибѣгали весьма рѣдко; послѣдній, преданный анаѣмѣ, былъ извѣстный разбойникъ и бунтовщикъ, Стенька Разинъ. Преданіе Мазепы проклятiю совершилось въ Глуховѣ, когда уже городъ этотъ былъ наполненъ всякаго чина казаками, съѣхавшимися туда для рады. Въ церковь было внесено изображеніе Мазепы; все духовенство было въ черномъ одѣянiи и священнодѣйствовало, держа въ рукахъ черныя свѣчи; клиръ пѣлъ похороннымъ напѣвомъ. Старшій изъ священнодѣйствовавшихъ, приблизясь къ изображенію Мазепы, коснулся его жезломъ своимъ и возгласилъ ему: анаѣема! и хоръ повторилъ троекратно: анаѣема! Затѣмъ, изображение это было предано палачу и вздернуто на висѣлицу. Такое же проклятiе совершено было въ Москвѣ, въ Успенскомъ соборѣ. Это страшное зрѣлище и вѣсть о безпощадномъ истребленіи Батурина глубоко потрясли Малороссiянъ. Мазепа былъ не первый между гетманами, измѣнявшій Россіи; измѣна сдѣлалась было тамъ дѣломъ обыкновеннымъ, но гроза воздвигнутая Петромъ противъ Мазепы, охватила всѣ сердца, и имя Мазепы стало въ Малороссіи браннымъ словомъ.

При такомъ состоянiи умовъ глуховская рада не могла быть ни шумна, ни продолжительна. Гетманомъ былъ выбранъ полковникъ Скоропадскій. Вольности казацкія были подтверждены, но при гетманѣ долженъ былъ находиться царскій приставъ и зорко наблюдать за всѣми дѣйствіями гетмана.

Такимъ образомъ замыселъ Мазепы не имѣлъ ни малѣйшаго успѣха; съ нимъ ушло къ Шведамъ нѣсколько лицъ изъ казачьей старшины, которыя искали не блага Украйны, а польскаго своеволія для себя, да и изъ числа ихъ нѣкоторые воротились, какъ только оказалось возможнымъ это сдѣлать. Имѣнія измѣнниковъ были отписаны въ войсковой скарбъ; драгоценности, зарытыя Мазепою, откопаны, казаки и крестьяне хватали приверженцевъ Мазепы и сдавали ихъ начальникамъ царскихъ войскъ; имѣнія Кочубея и Искры были возвращены ихъ семействамъ, и царь, конечно, горько пожалѣлъ, что подвергъ ихъ незаслуженной казни.

Между тѣмъ наступила весна 1709 года. Шведы проникли до Пол-

тавы и осадили этотъ городъ, имѣвшій въ то время укрѣпленія; къ Полтавѣ же начали стягиваться и русскія войска. Здѣсь готовилась вторичная грозная встрѣча между русскою силою и шведскою; но она уже была не такъ страшна для насъ, какъ нарвская, потому что солдаты и генералы закалились въ боевомъ огнѣ. Однако царь принималъ всѣ мѣры осторожности, стянулъ какъ можно болѣе войскъ и обнесъ свой станъ окопами; за ними онъ ожидалъ нападенія Шведовъ.

Рано утромъ, 27 июня, Шведы построились въ боевой порядокъ и начали наступать. Стало въ ружье и русское войско. Передъ полками читали царскій приказъ, въ которомъ было между прочимъ, написано: «пришелъ часъ рѣшить судьбу отечества. Вы не должны помышлять, что сражаетесь за Петра, но за государство, Петру врученное. О Петрѣ въдайте, что ему жизнь не дорога: жила бы только Россія во славу и благоденствіи для благосостоянія вашего.»

Еще эти возвышенныя слова звучали въ сердцахъ воиновъ, когда Петръ выѣхалъ самъ передъ ряды, въ простомъ свѣтлозеленомъ мундирѣ, на небольшомъ, но быстромъ свѣтлогнѣдомъ конѣ. Вслѣдъ за тѣмъ грянули первые выстрѣлы. Бой былъ жестокий. Шведы сильно напирали, но и Русскіе стояли стѣною. Цѣлые ряды падали, но никто не подавался назадъ. У царя шляпа была прострѣлена въ нѣсколькихъ мѣстахъ, ядро разбило носилки, на которыхъ сидѣлъ Карлъ XII, раненый за нѣсколько дней передъ тѣмъ. Къ срединѣ дня, утомленные Шведы стали наконецъ напирать слабѣе. Тогда, въ свою очередь, двинулись Русскіе, а Шведы стали пятиться, отступать, и наконецъ побѣжали.

Побѣда наша была полная, совершенная. Шведская армія разсѣялась такъ, что король, съ Мазепою и горстью приближенныхъ, верхомъ, не взирая на свои раны, ускакалъ къ Днѣпру. Вся казна его, важныя бумаги, пушки, обозъ, тысячи плѣнныхъ и нѣсколько знатнѣйшихъ генераловъ осталось въ рукахъ у побѣдителей. Едва не попался въ плѣнъ и самъ король: казаки долго гнались за нимъ, но онъ переправился за Днѣстръ и укрылся въ турецкой крѣпости Бендерахъ.

VIII.

Ограниченіе власти гетмановъ вслѣдствіе измѣны Мазепы. — Учрежденіе малороссійской коллегіи. — Тягости, навѣшныя на Малороссію. — Партія малороссійскихъ патріотовъ. — Политика царя въ отношеніи Малороссіи. — Полуботокъ. — Вакансія гетманскаго достоинства. — Графъ Разумовскій. — Улучшенія въ устройствѣ края. — Новыя побужденія къ сближенію Малороссіи съ остальною Россіей. — Окончательное уничтоженіе гетманскаго достоинства (1764). — Введеніе въ Малороссію крѣпостнаго права и общаго гражданскаго устройства.

Славный Полтавскій бой далъ рѣшительный перевѣсъ Россіи надъ Швеціей. Страна эта, хотя и долго еще продолжала воевать, но уже можно было предвидѣть, что Нева и финское побережье удержатся за нами. Царь начиналъ помышлять уже о завладѣніи берегами Балтійскаго мо-

ря, т. е. Эстляндіей и Лифляндіей. Союзникъ Карла XII, Станиславъ Лещинскій, былъ свергнутъ съ престола. Впрочемъ онъ вообще былъ любимъ своимъ народомъ; но народъ польскій начиналъ уже въ это время быть слабымъ до такой степени, что его любовь или нелюбовь не много значили: прстивъ его желанія Августъ сдѣлался королемъ, противъ его желанія Станиславъ сошелъ съ престола, противъ его желанія наконецъ Августъ опять воротился и занялъ этотъ престолъ.

Побѣда русскаго царя возвела его на престолъ. Естественно слѣдовательно, что значеніе царя сдѣлалось въ Польшѣ немаловажнымъ; если онъ ходатайствовалъ за какого-либо изъ магнатовъ, измѣнившихъ нѣкогда Августу, — Августу мудрено было отказать союзнику, который доставилъ ему корону. Сильное значеніе Россіи въ польскихъ дѣлахъ съ того времени продолжалось и при преемникахъ Петра, до самаго окончательнаго паденія Польши. но къ этому мы возвратимся послѣ, а теперь посмотримъ, что послѣдовало съ западною Русью. Нѣтъ сомнѣнія, что послѣ полтавскаго сраженія Петръ могъ бы пріобрѣсть ее, хотя не всю, то по крайней мѣрѣ часть ея; но продолжительное польское управленіе, всеобщая неурядица и вольница шляхтичей или тѣхъ, которые приравнивали себя къ шляхтѣ, дѣлали обладаніе этою страной очень затруднительнымъ и не слишкомъ желательнымъ, особенно для такого государства, какъ тогдашняя Россія, въ которомъ самомъ многое надо было передѣлывать и исправлять. Притомъ же главная забота Петра состояла въ томъ, чтобы добыть морскіе берега, безъ которыхъ, какъ сказано, не могло быть никакой торговли. Итакъ, западная, заднѣпровская Русь оставалась еще подъ властію Польши, но за то Украину лѣваго берега. Малороссію, царь приравнивалъ къ совершенному слитію съ Русью великою.

Малорусскій народъ не былъ конечно виноватъ въ измѣнѣ Мазепы, но какъ уже было не разъ сказано, казачья старшина не могла забыть шляхетскихъ вольностей, и всѣ гетманы, не исключая даже Самойловича, вздыхали о прежнихъ временахъ, когда ничто не могло стѣснять ихъ воли. Отъ всего этого надо было отказаться, все это надо было забыть, оставаясь подъ русскою державой; а забыть это было трудно. Царь понималъ это и, наученный примѣромъ Мазепы, сталъ еще пристальнѣе присматривать за поступками казачьей старшины. Находившемуся при гетманѣ приставу велѣно было все знать и все видѣть и устроиться такъ, чтобы гетманъ ничего важнаго не дѣлалъ безъ его совѣта, особенно же не велъ бы переписки съ иностранными державами. Назначеніе полковниковъ хотя и предоставлено было гетману, но не иначе какъ съ утвержденія царскаго, и царь сильно вмѣшивался въ это дѣло: въ концѣ царствованія Петра, большая часть полковниковъ была уже не изъ мѣстныхъ уроженцевъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, конечно, чиновнымъ людямъ изъ казаковъ не была закрыта дорога къ службѣ военной, гражданской и придворной; а гетману, когда онъ пріѣзжалъ въ Москву, оказывался первый почетъ и его одного только карета могла подъѣзжать къ царскому крыль-

цу. Когда Скоропадскій былъ въ Москвѣ, съ нимъ пріѣзжали большая свита и 200 рядовыхъ казаковъ.

Впрочемъ этотъ почетъ была единственная вещь, которую царь вознамѣрился оставить отъ гетманскаго величія; приставу поручено было развѣдать основательно въ чемъ состоятъ поборы, взимаемые съ малороссійскаго народа (потому что гетманъ назначалъ ихъ по своему усмотрѣнію), какъ велики они и на какія именно надобности употребляются. Кромѣ того, ему было велѣно подлинно узнать весь порядокъ гетманскаго и старшинскаго управленія, и обо всемъ этомъ донести.

Этимъ путемъ раскрылись большіе безпорядки. Дознано было, что старшина и самъ гетманъ расхищаютъ безъ всякаго стыда и совѣсти деньги, собираемыя съ народа на общественныя надобности, что полковники, сотники и самые послѣдніе чиновники наживаются страшнымъ образомъ, притѣсняя народъ. «Ежели кого опредѣлитъ гетманъ сотникомъ хотя изъ бѣднѣйшихъ людей, или слугъ своихъ, — писалъ одинъ изъ приставовъ, — то чрезъ одинъ или два года явится у него дворъ, шинки, грунты, земли, мельницы и всякія стада и домовые пожитки.» Открылось, между прочимъ, что полковники выпросили у стараго простоватаго и корыстолюбиваго гетмана крѣпость на такъ называемыя *ранговыя* имѣнія, то есть, на имѣнія, принадлежавшія войску, и которыя раздавались старшинѣ на время службы, въ видѣ жалованья: Скоропадскій помимо всякаго права отобралъ, слѣдовательно, у войска земли и раздалъ ихъ въ частныя руки. Понятія о томъ, что казенное или войсковое и что свое собственное, до того перепутались, что нѣсколько лѣтъ спустя, когда умеръ Скоропадскій, жена его не хотѣла было отдавать войсковой скарбъ или казну! Получивъ эти донесенія и разсмотрѣвъ ихъ, Петръ приступилъ къ перемѣнамъ, которыя замышлялъ. Со времени Хмельницкаго, какъ сказано, всѣ власти соединялись въ одномъ гетманѣ: онъ былъ и верховный правитель, и верховный судья; теперь, для рѣшенія важнѣйшихъ споровъ и жалобъ на низшіе суды, при гетманѣ учреждена была судная канцелярія, а для завѣдыванія всѣмъ управленіемъ, денежными сборами и расходами, — особая коллегія, подъ названіемъ Малороссійской, въ которой часть членовъ была изъ Великороссовъ.

Эти новые порядки не нравились конечно казачьей старшинѣ, которая вздыхала о временахъ Хмельницкаго, но новые порядки очевидно клонились къ пользѣ народа. Однакожь, не безъ тягости было и для простыхъ казаковъ и для крестьянъ. Съ самаго начала шведской войны, казаки находились внѣ своей родины, далеко отъ нея и несли службу тяжелую, трудную; но это бы еще ничего: на то они были воины. Не нравились имъ тѣ порядки, которымъ они должны были подчиняться въ походѣ. Петръ завелъ въ своей арміи строгую подчиненность и требовалъ отъ каждаго безотговорочнаго повиновенія: не то было во времена Хмельницкаго и Дорошенка, когда каждый бравый молодецъ подбиралъ себѣ удалцевъ и гайдамаковъ и носился, куда влекла его молодецкая удадь. Разказы объ этихъ временахъ, передаваемые стариками, были милы казакамъ, и они

вздыхали о нихъ, сравнивая съ тѣмъ, къ чему принуждала ихъ строга-
воля царя. Мало этого; царь затѣялъ рыть каналы, чтобъ соединить
Волгу съ Дономъ, Волховъ съ Невой, и для работъ этихъ, вмѣстѣ съ
крестьянами и солдатами, приказывалъ высылать казаковъ. Тяжелы
казались эти работы и обтерпѣвшимся крестьянамъ и солдатамъ, а ка-
закамъ онѣ казались даже унижительными, потому что они вспоминалъ
польскія войска, гдѣ каждый воинъ былъ шляхтичемъ: чѣмъ-то въ роди
шляхтичей они считали и себя, въ сравненіи съ крестьянами. А между
тѣмъ, стоило бы подумать, чѣмъ рядовой казакъ можетъ кичиться пе-
редъ рядовымъ солдатомъ, стоило бы подумать и о томъ, для чего, для
какой цѣли рылись эти каналы? развѣ не для общаго блага? развѣ не для
пользы общаго отечества?

Была наконецъ и еще одна причина жалобъ въ Малороссіи. Скоро-
надскій, желая пріобрѣсть благосклонность князя Меншикова, подарилъ
ему богатое имѣніе въ Малороссіи; это было первое въ тѣхъ мѣстахъ
имѣніе, принадлежавшее не украинскому уроженцу, и многимъ казалось
это нарушеніемъ малороссійскихъ правъ. Однако ни одними статьями, на-
чинаая съ переславскихъ и до глуховскихъ, это не воспрещалось, точно
также какъ не воспрещалось Малороссіянамъ пріобрѣтать имѣнія въ велико-
россійскихъ губерніяхъ. Напротивъ, нѣкоторыми изъ этихъ статей постано-
влялось стараться всѣми мѣрами сблизить Малороссіянъ съ Великороссіяна-
ми, да этого и точно слѣдовало желать, чтобъ уничтожить всѣ замыслы
Польши на Малороссію.

Тѣмъ не менѣе всѣ перемѣны, происшедшія при Скоропадскомъ, глу-
боко огорчили казаковъ всякаго чина и званія. Полагаютъ даже, что
онѣ приблизили смерть Скоропадскаго. Чего, однакожь, хотѣлось рья-
нымъ Малороссіянамъ?—Имъ хотѣлось бы нѣкоторой особливости относи-
тельно Россіи. За особливость они бились съ Польшею и неохотно посту-
пались ею Россіи. Но имъ былъ поведъ держаться особливо относительно
Польши, съ которою Малороссіи была не вполнѣ одноплеменная и не
единовѣрна. Совсѣмъ въ другомъ отношеніи были западно-русссы къ
Московскому царству: они, вмѣстѣ съ Великороссами, составляли одинъ
русскій народъ, у нихъ было одно начало, одна вѣра и почти одинъ
языкъ. Какая же необходимость, какой поводъ имъ не сливаться но
стоять особнякомъ другъ отъ друга? Развѣ почетнѣе, развѣ славнѣ
называться Украинцемъ, чѣмъ Русскимъ? Если же Украинцы дѣйстви-
тельно не желали быть Русскими и могли существовать отдѣльнымъ
народомъ, отдѣльнымъ государствомъ, то такъ бы имъ и слѣдовало
сдѣлать. Но они не могли этого; они должны были по необходимости
примкнуть, если не къ Польшѣ, то къ Россіи, а если не къ Россіи,
къ Турціи; но все это было перепробовано, и примкнуть къ
Россіи оказалось наиболее выгоднымъ; а въ такомъ случаѣ они
должны были примкнуть къ ней вполнѣ, откровенно, дружелюбно. Не
народъ, а казачество и особенно старшина упирались, смотрѣли
на Москву неблагоклонно, хотѣли чтобы между Русью великою

и малою проведена была черта, которую никто не смѣлъ бы переходить. Но это было вредно какъ для великой, такъ и для малой Руси.

Царь смотрѣлъ на это дѣло совершенно иначе: онъ не хотѣлъ подчинить Русь малую Руси великой; онъ хотѣлъ только, чтобы между ними не было различія, чтобы та и другая составляли единую Россію. Поэтому, съ удовольствіемъ видя, когда Великоруссы пріобрѣтали имѣнія въ Малороссіи, онъ съ такимъ же удовольствіемъ видѣлъ, когда Малороссы пріобрѣтали имѣнія въ великой Руси; старался устраивать свадьбы между тѣми и другими, и если назначалъ чиновниковъ изъ Москвы и Петербурга въ Кіевъ, Черниговъ или Полтаву, то точно также давалъ мѣста Малороссіянамъ въ великорусскихъ губерніяхъ. Последнее очень часто случалось между духовенствомъ, и можно сказать, что большая часть высшаго духовенства въ Россіи, не только при Петрѣ, но и лѣтъ 50 послѣ его смерти, состояла изъ Малороссіянъ. Такъ, уроженецъ Кіевскій и составитель Четъ Минеевъ, Дмитрій Туптало, былъ возведенъ въ санъ ростовскаго митрополита; Теофилактъ Лопатинскій, Малороссіанинъ, былъ тверскимъ архіепископомъ и членомъ синода. Первенствующій членъ синода и блюститель патриаршаго престола Стефанъ Яворскій, былъ также изъ Малороссіянъ. Малороссіанинъ же былъ однимъ изъ самыхъ приближенныхъ людей къ государю, однимъ изъ ближайшихъ его совѣтниковъ: мы говоримъ о Теофанѣ Прокоповичѣ.

Этотъ чрезвычайно умный и очень ученый человекъ былъ кіевскій уроженецъ изъ купеческаго званія; обучался въ Кіевѣ, потомъ въ задыпровской Украинѣ, во многихъ заграничныхъ школахъ, и наконецъ въ Римѣ, а возвратясь оттуда, былъ монахомъ въ Кіевѣ и преподавателемъ въ тамошней академіи. Когда царь, послѣ полтавской побѣды, былъ въ Кіевѣ, Теофану поручено было послѣ торжественной литургіи произнести пообѣдительно привѣтственное слово. И слово это, и самая наружность молодого чернеца показались царю замѣчательными. Онъ бесѣдовалъ съ нимъ, взялъ его съ собою въ походъ противъ Турціи, потомъ велѣлъ прибыть въ Петербургъ, быстро возвелъ его до первыхъ степеней іерархіи и совѣщался съ нимъ о давно задуманномъ дѣлѣ преобразования церковнаго управленія. Умный, ловкій, хотя и далеко не безукоризненный, Теофанъ пережилъ царя многими годами и при его преемникахъ былъ постоянно первымъ, значительнѣйшимъ лицомъ русской церкви.

Итакъ, несправедливо было бы говорить, что въ Россіи не давали хода Малороссамъ; тамошнее духовенство вообще было образованнѣе великороссійскаго, а потому и было поставлено въ главу его; въ послѣдствіи, когда и между свѣтскими людьми въ Малороссіи образованіе стало брать верхъ надъ казачьимъ буйствомъ, явились и министры изъ Малороссовъ. Но особенности Малороссіи, какъ это было при польскомъ владычествѣ, ни царь Петръ, ни его преемники не допускали.

Въ 1722 году умеръ Скоропадскій. Государь медлилъ дать разрѣшеніе на избраніе ему преемника, а присланная для этого депутація отъ казачьяго войска настоятельно хлопотала о томъ. Наконецъ Петръ далъ ей

слѣдующій отвѣтъ. Отъ Богдана Хмельницкаго до Скоропадскаго, велѣлъ къ нимъ написать государь, «всѣ гетманы явились измѣнниками»; поэтому нужно время, чтобы пріискать надежнаго человѣка. А какъ въ дѣлахъ и въ управленіи никакой остановки быть не можетъ, за учрежденіемъ малороссійской коллегіи, то, заключалъ государь, «о семъ дѣлѣ докучать болѣе не надлежитъ».

Но казачьи депутаты не переставали «докучать», и однажды, являсь къ царю, стали напоминать ему, что статьи, данныя царемъ Алексѣемъ Хмельницкому и имъ подтвержденныя, нарушены. Одинъ изъ депутатовъ, полковникъ Полуботокъ, говорилъ съ особеннымъ жаромъ, горько упрекалъ царя, грозилъ ему великими бѣдствіями на землѣ и судомъ Божиимъ на томъ свѣтѣ. . . Полуботокъ былъ правъ: казачьи права были во многомъ нарушены, но приносили ли эти права пользу краю, не говоримъ уже всей Россіи. — вотъ на что онъ не обратилъ вниманія. Какъ бы то ни было, государь, допуская возраженія, но не терпѣвшій сопротивленія, велѣлъ заключить депутатовъ въ петербургскую крѣпость, гдѣ Полуботокъ и умеръ.

До самой смерти Петра Перваго и лѣтъ десять послѣ его смерти не было гетмана. Потомъ былъ одинъ старикъ, Апостоль, безъ всякаго значенія и скоро умершій. Наконецъ, при императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ снова данъ былъ казакамъ гетманъ. Онъ былъ послѣднимъ, и потому можно рассказать о немъ подробнѣе.

Въ самый годъ полтавской битвы въ нынѣшней Черниговской губерніи, въ селѣ Лемешахъ, у рядоваго казака, по фамиліи Разумовскаго, или по просту Разума, родился сынъ, котораго называли Алексѣемъ. Онъ выросъ въ родномъ селѣ, сдѣлался красивымъ мальчикомъ и отличался прекраснымъ голосомъ. Въ это время для цесаревны Елисаветы, дочери Петра I-го, набирался хоръ пѣвчихъ. Алексѣй Разумовскій былъ посланъ въ этотъ хоръ. Цесаревна замѣтила его, нерѣдко требовала его въ свои покои и заставляла пѣть украинскія пѣсни. Потомъ поручила ему управлять однимъ изъ своихъ имѣній и опредѣлила въ службу, а когда цесаревна вступила на престолъ, то назначила молодаго Разумовскаго своимъ камергеромъ; въ послѣдствіи же сдѣлала фельдмаршаломъ, графомъ и однимъ изъ первыхъ богачей въ Россіи. Разумовскій былъ человѣкъ простой, не оказалъ никакихъ особенныхъ заслугъ, но онъ былъ человѣкъ добрый, для всѣхъ доступный, и особенно для своихъ земляковъ Малороссовъ. Когда кому-нибудь изъ мало-мальски значительныхъ малороссійскихъ помѣщиковъ, или казачьихъ начальниковъ, доводилось пріѣзжать въ Петербургъ или Москву, они считали обязанностію быть у своего земляка, а онъ принять и обласкать ихъ. Онъ и его старуха мать, вызванная изъ Лемешей, всегда рады были поговорить на родномъ малороссійскомъ нарѣчій и выпить при этомъ рюмку старой горѣлки, за которою слѣдовали многія бутылки венгерскихъ и французскихъ винъ. Калякая и разсуждая, Малороссы не пропускали случая вернуть слово-другое о своихъ старинныхъ правахъ, о желаніи своемъ имѣть гетмана по старинѣ, а Разумовскій, при случаѣ,

передавалъ все это императрицѣ. Елисавета Петровна, Русская душою, первая послѣ императора Петра, пожелала быть въ Кіевѣ. Какъ въ этомъ городѣ, такъ и вообще въ Малороссіи, ее встрѣчали съ радушіемъ и любовью; это расположило ее къ Малороссіи, и она охотно согласилась обрадовать ее возстановленіемъ гетманскаго званія.

Но кому быть гетманомъ? Казачество падало; между казаками уже не было тѣхъ старыхъ рубакъ, какъ во времена Хмельницкаго или Дорошенка; гетманъ представлялся уже не вождемъ казачьихъ дружинъ, а великимъ сановникомъ имперіи, правителемъ обширнаго края; на подобныя же мѣста, по тогдашнимъ понятіямъ, обыкновенно поступали царедворцы, люди случайные. У Алексѣя Разумовскаго былъ меньшей братъ, Кириллъ. Онъ былъ еще ребенкомъ, когда Алексѣй попалъ въ «случай», поэтому его выписали изъ Лемешей, приставили къ нему нянекъ, учителей и воспитателей, между которыми былъ одинъ изъ образованнѣйшихъ людей того времени, Тепловъ; потомъ Кирилла Разумовскаго послали за границу, гдѣ онъ пробылъ нѣсколько лѣтъ и возвратился довольно образованнымъ, а главное дѣло, самымъ щеголеватымъ человѣкомъ, самымъ красивымъ придворнымъ, какіе только были тогда въ Россіи.

Вотъ этого-то юношу, едва 20-тилѣтняго, старшій Разумовскій и петербургскій дворъ желали поставить въ гетманы. Въ 1750 году объявлено было о согласіи императрицы, чтобы гетманъ былъ избранъ вольными голосами, и мѣстомъ избранія назначенъ былъ Глуховъ. За нѣсколько времени до открытія рады пріѣхалъ туда и молодой Разумовскій, со множествомъ экипажей, верховыхъ коней, съ гайдуками и скороходами, съ французскими поварами и музыкантами. Пріѣхавъ, онъ поставилъ домъ свой на царскую ногу и открылъ двери настежь: балы, обѣды, праздники слѣдовали одни за другими; когда же наступила рада, никто не рѣшался произнести другаго имени, кромѣ имени радушнаго хозяина, молодого царскаго любимца.

Императрица была очень довольна этимъ избраніемъ и прислала новому гетману, вмѣсто поздравленія, андреевскую ленту; она велѣла, кромѣ того, отдать ему весь доходъ съ гетманскаго уряда, остававшійся неприкосновеннымъ послѣ смерти послѣдняго гетмана, и наконецъ подарила ему въ собственность гетманскія ранговыя имѣнія. Такимъ образомъ, Разумовскій сдѣлался богатѣйшимъ помѣщикомъ Малороссіи, и надо признаться, что гетманъ этотъ, безбородый, напудренный, набрызганный французскими духами, однимъ только званіемъ своимъ напоминалъ суровыхъ закаленныхъ въ бою, чубатыхъ гетмановъ прежняго времени. Очевидно, что и петербургскіе сановники, и даже сами Малороссіяне, сдѣлавшіе подобный выборъ смотрѣли на гетманское достоинство, какъ на бесполезную вывѣску.

Надо отдать, однакожь, справедливость Разумовскому: онъ сдѣлалъ нѣсколько полезныхъ перемѣнъ въ управленіи краемъ. Оборонять Малороссію противъ какого-нибудь внѣшняго врага не предвидѣлось надобности; внутреннихъ смутъ, измѣны, также нельзя было ожидать; поэтому

изъ Малороссіи были выведены русскія войска, постоя и содержаніе которыхъ были постоянною причиною жалобъ. Этой льготѣ Малороссія весьма обрадовалась; но въ устройствѣ ея были произведены другія перемѣны, гораздо болѣе важныя и полезныя, хотя онѣ, можетъ-быть, и не были столь единодушно одобрены.

Онѣ возстановилъ суды, которые, какъ уже извѣстно, были уничтожены Хмельницкимъ; они были открыты въ каждомъ повѣтѣ; народу предоставлено было самому избирать себѣ судей. По ходатайству Разумовскаго, уничтожены были таможи, отдѣлявшія Малороссію отъ Россіи и затруднявшія между ними торговлю. Выгода отъ этого распоряженія была обоюдная, но многіе изъ Малороссовъ стараго закала были имъ недовольны, потому что оно снимало еще одну преграду, отдѣлявшую эту страну отъ Россіи.

Впрочемъ, эти преграды нравились только, какъ сказано, казакамъ стараго закала; многіе даже изъ шляхты малороссійской, или дворянства, начинали добровольно сближаться съ остальною Россіей, служа которой открывалась возможность достигать и богатствъ, и почестей. Разумовскій проложилъ дорогу, и примѣръ его былъ соблазнителенъ; правда, никто не имѣлъ подобнѣй ему удачи, но уже сама старшина казачья начинала понимать, что выгоднѣе искать повышеній въ русской службѣ нежели оставаться въ своихъ степныхъ хуторахъ. Ихъ соблазняли орденскія ленты; чины генерала и тайнаго или иного совѣтника начинали звучать имъ пріятнѣе нежели званія бунчужнаго, эсаула и т. п. Многіе изъ малороссійскихъ дворянъ пережились на Русскихъ, много Великороссіянъ получило имѣнія въ Малороссіи по брачнымъ союзамъ или по пожалованію. Все это непобѣдимою силою сближало Малороссію съ великою Русью, и ворчанье противъ этого нѣкоторыхъ стариковъ не имѣло уже смысла. Разказы ихъ о Полуботкѣ, о Мазепѣ, о старомъ Палѣ могли быть занимательны; но, слушая ихъ, чувствовалось, что это уже отжившее, невозвратное время. Поэтому уничтоженіе гетманскаго достоинства совершилось въ 1764 году безъ потрясеній: Разумовскій былъ вызванъ въ Петербургъ императрицею Екатериною II и болѣе не возвращался въ Малороссію, а когда онъ умеръ, то уже мало кто тамъ и думалъ о томъ, чтобъ избрать ему преемника.

Страна эта была занята въ это время другимъ, гораздо болѣе важнымъ дѣломъ: въ ней было введено крѣпостное право.

Введеніе крѣпостнаго права въ такое время, когда оно уже истреблялось въ остальной Европѣ и когда въ самой Россіи начинали говорить противъ него, — есть дѣло очень странное и причины его не разъяснены хорошенько. Впрочемъ, положительно извѣстно, что малороссійскіе помѣщики, завидуя великороссійскимъ, имѣвшимъ крѣпостныхъ людей, стали изъ-подъ рукъ хлопотать объ этомъ у приближенныхъ императрицы. Помѣщики эти были сыновья и внуки тѣхъ упорныхъ казачьихъ полковниковъ и сотниковъ, которые такъ долго не склонялись искренно къ Россіи, а потому понятно, что государыня пожелала привлечь ихъ

этою великою для нихъ льготою. Наконецъ должно сказать и то, что настоящею свободою малороссійскіе крестьяне давно не пользовались. Они бывали свободны только тогда, когда въ странѣ не было правильнаго управленія и порядка; когда происходило, напримѣръ, казачье возстаніе, и польскіе помѣщики убѣгали изъ Украйны, тогда и крестьяне дѣлали что хотѣли; но чуть возстаніе это утихало, паны возвращались и прибирали къ рукамъ своихъ хлоповъ. Правда, польскіе законы никогда не допускали названія *крѣпостной*, но никогда за то русскіе помѣщики не имѣли такой полной и неограниченной власти надъ своими крестьянами, какъ польскіе.

Съ присоединеніемъ Малороссіи къ Россіи, польскіе паны ее оставили: остались только одни природные Малороссы. Но они имѣли о правахъ своихъ тѣ же понятія, которыя были принесены Поляками, то есть, что крестьянинъ не есть крѣпостной человекъ, но что однакожь помѣщикъ можетъ дѣлать съ нимъ что хочетъ, а такъ какъ вся власть и весь судъ были въ рукахъ казачьей старшины, которая сама имѣла земли и помѣстья, то не трудно понять, могли ли крестьяне найти какую-нибудь защиту и управу.

До Екатерины крестьяне не считались въ Малороссіи крѣпостными, но они не имѣли права переходить отъ одного помѣщика къ другому иначе, какъ оставивъ въ его пользу все *нажитое на его землѣ*; а какъ разобратъ, что крестьянинъ *нажилъ* на этой и что на прежней землѣ? Онъ купилъ, положимъ, вола, живя у такого-то помѣщика, но заплатилъ за него деньги, которыя заработалъ, можетъ-быть, ранѣе. Онъ имѣлъ, слѣдовательно, право считать этого вола своимъ и не отдавать его пану, оставляя его землю; панъ же имѣлъ возможность удерживать этого вола, какъ купленнаго во время жительства на его землѣ. А какъ богатый человекъ имѣлъ средство задарить судей скорѣе чѣмъ бѣднякъ, то понятно, что переходъ крестьянъ былъ совершенно невозможенъ. Наконецъ законъ, не называя прямо крестьянъ крѣпостными, запрещалъ помѣщикамъ *продавать ихъ*,—значить признавалъ ихъ собственностію помѣщиковъ, и при томъ запрещалъ *продавать безъ земли*, значить признавалъ крестьянъ нераздѣльными съ землею.

Итакъ, прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ въ Малороссіи не было чѣмъ-нибудь новымъ, неслыханнымъ; законъ этотъ только утверждалъ то, что уже существовало. Онъ измѣнялъ только положеніе казаковъ,—но въ это время мудрено было различать, кто казакъ и кто крестьянинъ. Казачья служба надѣла самимъ казакамъ. Весьма многіе изъ нихъ, особенно во время тяжелыхъ походовъ при Петрѣ, да и послѣ него, во время войны съ Польшей, Турціей и Пруссіей, желая оставаться дома, платили деньги и давали взятки, чтобъ ихъ вычеркивали изъ казачьихъ списковъ. По статьямъ, даннымъ Хмельницкому, ихъ должно было числиться 60 тысячъ, а во время гетманства Разумовскаго едва ли могло стать въ ряды 15—20 тысячъ. Наконецъ казачество мало-по-малу и незамѣтно уничтожилось, и Малороссія,—эта древняя *гетманщина*,

была обращена въ намѣстничество и раздѣлена на губерніи, на тѣхъ же основаніяхъ какъ и вся остальная Россія, хотя и съ сохраненіемъ нѣкоторыхъ старинныхъ обычаевъ, вошедшихъ въ законы.

Такимъ образомъ, все что было особливаго въ Малороссіи, сравнительно съ великою Россіей, падало и рушилось; эти двѣ страны все болѣе и болѣе теряли различіе между собою; онѣ срослись и составляютъ нынѣ одно нераздѣльное, единый народъ русскій, у котораго въ продолженіе уже двухъ сотъ лѣтъ одни и тѣ же свѣтлыя и темныя воспоминанія: и Великорусъ и Малоросъ гордятся именами Петра I и Екатерины II, малороссійскіе уроженцы,—Георгій Конискій, Безбородко, Гоголь также чтимы въ Москвѣ, какъ и въ Кіевѣ. Полтава, Бородино—воспоминанія равно драгоцѣнныя на берегахъ Оки или Волги, какъ и на берегахъ Днѣпра, въ законахъ объ уничтоженіи крѣпостнаго права, о земскихъ учрежденіяхъ и о новомъ судебномъ устройствѣ не сдѣлано различія между малороссійскими и другими губерніями.

IX.

Гордѣнко. — Возвращеніе Запорожцевъ. — Отношенія между Россіей и Польшей: условія Московскаго договора 1686 года; гоненія на православіе въ польскихъ владѣніяхъ; жалобы нашихъ единоувѣрцевъ; значеніе договора 1716 года; проектъ совершеннаго истребленія православія въ польскихъ владѣніяхъ. — Преобладаніе Россіи при возведеніи на престолъ Августа Ш. — Взятіе Гданска — Гониміе противъ лютеранъ. — Теофанъ Леонтовичъ. — Георгій Конискій. — Партія Браницкаго и партія Чарторыйскихъ. — Смерть Августа Ш. — Междоусобица въ Польшѣ. — Конвокаціонный сеймъ и конфедерація. — Избраніе Станислава Понятовскаго.

Мы теперь знаемъ, какимъ образомъ Малороссія,—часть обширной страны, оторванной нѣкогда отъ Россіи,—возвратилась къ ней и сроднилась съ нею. За Малороссіей послѣдовало возвращеніе къ Россіи Запорожья, заднѣпровской Украины и Бѣлоруссіи. Такимъ образомъ мы увидимъ, что изъ всей западной Руси остались невозвращенными въ лоно отечества только тѣ земли, которыя нынѣ составляютъ восточную часть Галиціи,—страны, находящейся въ австрійскомъ подданствѣ. Но если эти старинныя русскія земли не послѣдовали еще за прочими, то къ Россіи присоединена была Литва, страна, которая какъ было сказано, лѣтъ около 600 тому назадъ, была готова, казалось, съ нею слиться.

Обо всемъ этомъ намъ надо будетъ теперь рассказать.

Однимъ изъ преданнѣйшихъ людей Мазеи былъ запорожскій атаманъ, Гордѣнко. Онъ передался Шведамъ не задолго до полтавскаго сраженія съ 8,000-ми казаковъ, ушелъ вмѣстѣ съ Карломъ XII въ Турцію, и, послѣ смерти Мазеи, заодно съ ближайшимъ его повѣреннымъ, Орликомъ, не переставалъ мутить Запорожье и вызывать оттуда новыхъ бѣглецовъ.

Запорожье почти опустѣло; Свѣчь перешла въ турецкія владѣнія. Но

всякому человеку мила своя родина; Запорожцы тосковали по оставленным ими местамъ, и послѣ смерти Гордѣенка стали просить позволенія возвратиться на старое пепелище. Въ это время царствовала въ Россіи императрица Анна. Она склонилась на ихъ просьбу, и въ 1734 г. Запорожцы приняли русское подданство, съ общаніемъ, что ихъ войсковыя права и земли не будутъ у нихъ отняты.

Земли эти были очень обширны: онѣ простирались по теченію Днѣпра, отъ впаденія въ него рѣкъ Тясмина и Орели до нынѣшняго Берислава, и потомъ въ обѣ стороны отъ этой рѣки до Буга и почти до устьевъ Дона. Мѣста эти степныя, но плодородныя. Главное селеніе у Запорожцевъ было попрежнему Сѣчь, а въ разномъ разстояніи отъ Сѣчи, по берегамъ рѣчекъ и закутьямъ, разбросаны были селитьбы, гдѣ проживали семейства женатыхъ казаковъ, гдѣ паслись ихъ табуны, гдѣ стояли ихъ мельницы, гдѣ были ихъ рыбныя ловли.

Хозяйственные занятія, однакожь, мало привлекали Запорожцевъ: они попрежнему проводили большую часть года пируя и вспоминая о старинной золотой волѣ. Въ царствованіе императрицы Анны имъ было, впрочемъ, не много досуга: войны почти не прерывались; но при императрицѣ Елисаветѣ время было болѣе мирное. Тогда Запорожцы, скучая своимъ бездѣйствіемъ, начали гайдамачить въ смежныхъ съ ними крымскихъ, и особенно польскихъ владѣніяхъ. За Бугомъ находились обширныя имѣнія польскихъ магнатовъ, Потоцкихъ и Яблоновскихъ: въ нихъ-то по большей части и разыгрывалось удалство гайдамаковъ. Съ своей стороны, паны эти посылали команды въ Запорожье жечь казачьи зимовки, и когда кто-либо изъ Запорожцевъ попадался имъ въ плѣнъ, то голова его рѣдко оставалась на плечахъ. Въ теченіе первыхъ пятнадцати лѣтъ, по возвращеніи Запорожцевъ, слишкомъ 200 человекъ было, повѣшено, посажено на колъ и иными способами замучено на польскихъ земляхъ.

Подобные случаи доказываютъ, что казаки были безпокойные, а Поляки—не снисходительные сосѣди. Старая вражда, начавшаяся при Наливайкѣ и еще ранѣе, какъ видно, была жива между ними; но все-таки это были отдѣльные случаи, которые не могли повести, и конечно не привели бы къ важнымъ послѣдствіямъ, если бы въ это время во всей Рѣчи Посполитой не началось новаго гоненія противъ православныхъ.

Намъ извѣстно, что въ 1686 г. между Москвою и Польшею состоялся договоръ, по которому Россія получила право ходатайствовать за своихъ единовѣрцевъ, находившихся подъ польскою властью. Немедленно начались съ ихъ стороны жалобы на утѣненія, чинимыя имъ уніятами и католиками. Жалобы эти дѣлались настойчивѣе, по мѣрѣ того какъ победы Петра возвышали Россію надъ Польшею, и Петръ не оставался глухъ къ этимъ жалобамъ; онъ доводилъ ихъ до свѣдѣнія короля и сейма, требуя вознагражденія обиженнымъ.

Такія представленія посторонняго государя казались оскорбительными польскимъ панамъ раднымъ. Дѣйствительно, независимому правительству

не можетъ быть пріятно, когда ему со стороны указываютъ на происходящіе въ его владѣніяхъ безпорядки; но въ такомъ случаѣ, зачѣмъ же польское правительство допускало ихъ, или, по крайней мѣрѣ, зачѣмъ оно дозволило торжественнымъ трактатомъ постороннему государю вмѣшиваться въ свои домашнія дѣла? Сдѣлавъ этотъ промахъ, не легко было его поправить. Поляки сдѣлали, притомъ, въ этомъ же трактатѣ и другой, весьма важный промахъ. Уступая Россіи Кіевъ на вѣчныя времена, они, видно, забыли, что въ этомъ городѣ находится митрополія всей западно-русской церкви и что, слѣдовательно, всѣ православные монастыри и церкви, всѣ жители восточнаго исповѣданія въ польскихъ владѣніяхъ, — а ихъ было не менѣе пяти милліоновъ, — станутъ отнынѣ въ духовную зависимость отъ святителя, находящагося въ другомъ государствѣ, подданнаго другой державы. Этотъ промахъ Поляковъ былъ причиною того, на примѣръ, что въ послѣдствіи, въ царствованіе уже Екатерины II, когда она объявила войну Туркамъ, союзникамъ Польши, митрополитъ кіевскій велѣлъ во всѣхъ подвѣдомственныхъ ему церквяхъ молебствовать объ успѣхѣ русскаго оружія, и нѣсколько милліоновъ польскихъ подданныхъ молились, такимъ образомъ, о торжествѣ непріятелей своего государя!

Впрочемъ и ранѣе этого безпримѣрнаго случая странные промахи, допущенные Поляками въ московскій трактатъ 1686 года давали себя чувствовать. Православные подданные Польши, издавна къ ней нерасположенные, начали теперь все чаще и чаще обращаться къ русскимъ государямъ и просить ихъ покровительства противъ польскихъ властей, а это, въ свою очередь, все болѣе и болѣе раздражало противъ нихъ Поляковъ. Вотъ почему въ началѣ семисотыхъ годовъ, когда уже во всей Европѣ преслѣдованія за вѣру утихали, они, напротивъ того, начали усиливаться въ Польшѣ.

«Въ Литвѣ Татарамъ и Жидамъ лучшее въ вѣрѣ почитаніе было, нежели благочестивымъ христіанамъ, писалъ Петру I-му тогдашній бѣлорусскій епископъ, — ибо Татарамъ мечети, а Жидамъ кагалы вновь строить позволено; благочестивымъ же даже церкви починивать строго запрещено.» — «Не обрѣтается подъ солнцемъ утѣшенія, доносилъ тотъ же епископъ, каковое отъ вѣковъ давнихъ распространяющаяся вѣра греко-россійская въ странахъ короны польской и великаго княжества Литовскаго давно терпитъ напрасно. Ежели въ нынѣшнее время Величество Ваше, какъ собственный по Бозѣ праведный оборонитель свободъ вѣры святой, изъ сей непріятелей нашихъ не воздвигнетъ насъ погибели, то да сохранить Богъ отъ слѣдующихъ (ожидающихъ) православіе опасностей.»

Но, можетъ-быть, такъ жаловались лишь нѣкоторые духовныя лица, и жаловались не совсѣмъ справедливо? — Совершенно также писали и міряне. Вотъ нѣсколько строкъ изъ челобитной Петру I-му отъ жителей города Невля: «изволь подать намъ, бѣдствующимъ, совѣтъ и помощь, и защитить насъ отъ льва рыкающаго и денно и ношно поглотить насъ умышляющаго».

Невозможно исчислить всѣхъ насилій, всѣхъ жестокостей, которыя должны были переносить православные подданные Польши. Весьма замѣчательно при этомъ, что всѣ утѣсненія шли не отъ короля, даже не отъ сейма; напротивъ, и король и сеймъ неоднократно пытались умѣрить жаръ рьяныхъ католиковъ. Жаръ этотъ возбуждали болѣе всего іезуиты и вообще католическіе монахи. Они проповѣдывали въ костелахъ, они нашептывали на исповѣди, они натверживали въ школахъ дѣтямъ отъ молодыхъ ногтей ненависть къ схизматикамъ и иновѣрцамъ, и говорилъ, что нѣтъ выше заслуги передъ Богомъ, какъ обратить человека въ католичество какимъ бы-то ни было образомъ. Случалось, и нерѣдко, что присутствуя на пьяномъ пиру, они подбивали пирующихъ, разгоряченныхъ виномъ, дѣлать наѣзды на православныя деревни и приводить ихъ силою къ отступничеству, грабить монастыри, разбивать церкви. Такъ одинъ князь Вишневецкій, празднуя свадьбу своей дочери, и сильно подгулявъ съ нѣсколькими другими магнатами, со множествомъ окрестной шляхты, съ гайдуками, гусарами и съ уніятскимъ бискупомъ, сѣли на коней, ворвались въ три православныя монастыря одинъ за другимъ, перебили монаховъ, разбросали утварь и объявили монастыри эти обращенными въ унію. Доводя до свѣдѣнія Петра I объ этомъ бѣшенномъ насиліи, бѣлорусскій епископъ писалъ: «слезно прошу показать намъ бѣднымъ милосердіе и помощь, отмстить обидамъ непріятелей нашихъ, да не рекутъ языцы: гдѣ есть Богъ ихъ!»

Послѣ этого не покажутся удивительными приведенныя нами жалобы; католическое изуверство было дѣйствительно «левъ рыкающій». Епископъ бѣлорусскій два раза подвергался угрозамъ и даже опасности отъ изступленныхъ шляхтичей и получилъ отъ нихъ рану. Самъ императоръ Петръ былъ однажды оскорбленъ католическими монахами: бывъ въ Полоцкѣ, онъ зашелъ въ одинъ костелъ и, замѣтивъ образъ, отличавшійся отъ прочихъ особеннымъ богатствомъ, спросилъ, чье на немъ изображеніе. Ему отвѣчали, что это Іосафатъ Кунцевичъ (извѣстный уже намъ), котораго *единоземцы ваши, еретики, богоотступники и мучители, какъ и вы, убили.*

Причиною такого непомѣрнаго раздраженія была не одна религіозная горячность, но и досада за покровительство, оказываемое православнымъ русскимъ правительствомъ. Къ удивленію, однакожь, въ это самое время Поляки открыли еще новый поводъ Россіи вмѣшиваться въ свои дѣла. Король польскій, Августъ, какъ уже мы знаемъ, былъ низложенъ Карломъ XII и принужденъ уступить престолъ свой Станиславу Лещинскому; но полтавская побѣда лишила престола Станислава, и Августъ снова надѣлъ корону. Сторонники низверженного короля составили конфедерацію противъ Августа, и междуусобная война въ Польшѣ продолжалась нѣсколько лѣтъ сряду. Она наконецъ окончилась при посредничествѣ русскаго императора въ 1716 году. На сеймѣ, который былъ собранъ по этому поводу, опредѣлено, что какъ теперь, такъ и во всѣхъ тѣхъ, случаяхъ, когда между королемъ польскимъ и его подданными

произошли бы недоразумѣнія, русскому государю предоставлялось быть посредникомъ и миротворцемъ. Подобнаго права ни одинъ народъ никогда не предоставлялъ постороннему государю, потому что государь этотъ, пользуясь своимъ правомъ, могъ въ дѣйствительности быть истиннымъ повелителемъ такого народа: дать кому-нибудь право наблюдать за всѣми распоряженіями правительства этого народа и не допускать тѣхъ или другихъ мѣръ, подъ тѣмъ предлогомъ, что онѣ могутъ произвести недоразумѣнія между королемъ и страной, — значило поставить его выше короля и подчинить ему все управленіе. Поэтому-то Петръ, увѣдомляя сенатъ свой о договорѣ 1716 года, писалъ между прочимъ: «Поляки такъ обязали себя въ волю медіаторскую (посредника), что *вихнуть нельзя*».

Дѣйствительно, эти два договора: 1686 года и 1716, связывали Польшу по рукамъ и по ногамъ и совершенно отдавали ее во власть Россіи. Поляки не могли не видѣть этого, и тѣмъ болѣе противъ нея раздражались; а такъ какъ они не имѣли возможности мстить русскому государству, то вся непріязнь ихъ обращалась на русскихъ подданныхъ Рѣчи Посполитой. Доказательство этому мы имѣемъ въ одномъ предложеніи или проектѣ, представленномъ около того же времени варшавскому сейму.

Прежде всего, говорить этотъ проектъ, надо извлечь изъ *восточной ереси* всѣхъ значительныхъ людей. Для этого не слѣдуетъ имъ давать никакихъ должностей, доставляющихъ почетъ или богатство. Всякій истый Полякъ долженъ *оказывать имъ пренебреженіе*, особенно въ обществѣ, при свидѣтеляхъ: это принудить ихъ отступиться отъ своей вѣры. Не худо тоже дѣлать и съ дворянами-уніятами: пусть все, что есть между Русскими богатаго и вліятельнаго, перейдетъ въ латинство. Не надо доставлять способа образоваться и дѣтямъ ихъ: пусть они или дѣлаются Поляками-католиками, или падутъ отъ своей необразованности и грубости.

Подобнымъ же образомъ надо стѣснять и тѣхъ изъ городскихъ обывателей русскаго происхожденія и русской вѣры, которые имѣютъ состояніе или значеніе. Но самое главное вниманіе должно быть обращено на православное духовенство: въ архіереи, на значительнѣйшія священническія мѣста слѣдуетъ назначать только тѣхъ изъ нихъ, которые находятся въ родствѣ съ Поляками и католиками; латинскіе бискупы должны притомъ употреблять всевозможныя средства, чтобъ отнять у нихъ всякое значеніе, подчинить ихъ себѣ, зорко слѣдить за ними, обнаруживать всякое злоупотребленіе со стороны православно-греческаго духовенства и давать имъ огласку; этимъ возбуждено будетъ къ нимъ всеобщее презрѣніе. При этомъ надо всевозможными способами *удерживать ихъ въ невольжествѣ, чтобъ усилить въ нихъ суевѣріе, сдѣлать ихъ неспособными поучать народъ и заставить ихъ впасть въ презрѣніе между своими собственными прихожанами*. Къ этому привести ихъ весьма легко, если помѣщики не будутъ давать имъ средствъ къ существованію; бѣдность принудитъ ихъ болѣе заботиться о прокормленіи себя и семействъ

своихъ, нежели о приобрѣтеніи свѣдѣній, необходимыхъ для служителя церкви; нужно пользоваться каждымъ случаемъ, чтобъ отнимать церковныя имѣнія, отдавать церкви на аренду Евреямъ, и при всѣхъ ссорахъ, которыя неминуемо возникнутъ между арендаторами и русскими попами, брать сторону *Жидовъ*. Если же и за тѣмъ еще священническія дѣти будутъ поступать въ наши школы, то соученики ихъ изъ *Поляковъ* и учителя должны оказывать имъ пренебреженіе, сваливать на нихъ всѣ шалости, подвергая ихъ, такимъ образомъ, наказаніямъ, и доводить до желанія отказаться отъ своей религіи.

Наконецъ, говоритъ составитель проекта, нельзя оставлять безъ вниманія и крестьянское русское населеніе. У него должны быть отняты всѣ средства къ приобрѣтенію грамотности, ибо, читая свои схизматическія книги, крестьяне будутъ тверды въ своей вѣрѣ. А дабы кто-нибудь не вздумалъ упрекать насъ, заключаетъ тотъ же писатель, въ несправедливостяхъ противъ русскаго населенія, то не худо тщательно записывать всѣ неправильные поступки какъ дворянъ, такъ мѣщанъ, горожанъ и крестьянъ изъ Русскихъ и, такимъ образомъ, имѣть подъ рукою всегда готовыя противъ нихъ обвиненія. Но если недостаточно бы было однихъ дѣйствительныхъ упрековъ къ подавленію Русскихъ, то весьма полезно будетъ, къ подкрѣпленію нашихъ замысловъ, разглашать хорошо обдуманые противъ нихъ вымыслы, также подбрасывать письма отъ имени священниковъ, а лучше бы отъ самихъ архіереевъ, вредныя имени польскому, вредныя вѣрѣ католической, возводить на нихъ мятежи и убійства: только бы это служило немаловажнымъ въ свое время къ уничтоженію въ *Польшѣ* греческой религіи поводомъ... Когда же все это будетъ подготовлено, и когда «постепенно, съ осмотрительностію и благоразуміемъ, успѣемъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, то поощреніемъ, то обманомъ, то угрозою перевести русскихъ на римлянъ, то всѣ останутся въ той мысли, что, при помощи Божіей, во всей странѣ русской, къ общему всѣхъ желанію, будетъ процвѣтать римское вѣроисповѣданіе».

Таковъ былъ этотъ проектъ, который клонился дѣйствительно къ совершенному уничтоженію въ польскихъ владѣніяхъ восточнаго вѣроисповѣданія, и стремился къ этому посредствомъ угнетенія и обмана. Здѣсь приведено только вкратцѣ содержаніе этого проекта, но онъ былъ исполненъ нѣсколько разъ напечатанъ, и современныя его копіи и переводы хранятся въ различныхъ нашихъ архивахъ: отказаться отъ него, признать его подложнымъ, Поляки, никакъ, слѣдовательно, не могутъ. И простиительно ли было бы Россіи не защитить своихъ единовѣрцевъ, которыхъ такъ злобно преслѣдовали?

Между тѣмъ открылся еще поводъ ко вмѣшательному въ дѣла польскія со стороны Россіи. Въ 1733 г. умеръ король Августъ II, и при этомъ случаѣ точно также, какъ и при его избраніи, всколыхалась вся Польша и всѣ европейскія правительства. Станиславъ Лещинскій, удалив-

шись изъ Польши, жилъ во Франціи, король которой былъ женатъ на его дочери. Этотъ развѣнчанный государь, не бывъ никогда великимъ правителемъ, былъ однакожъ человекъ умный, образованный и весьма добрый. Онъ горячо любилъ Польшу, и вообще былъ любимъ ею; поэтому, взоры большей части польскаго шляхетства обратились къ нему. Избраніе Станислава послѣ смерти Августа казалось тѣмъ болѣе выгоднымъ, что оно должно было расположить къ Польшѣ французское правительство и доставить ей поддержку противъ Россіи. Но Франція была слишкомъ отдалена отъ Польши, и, главное, слишкомъ слаба тогда для того, чтобъ оказать ей дѣйствительную помощь; сосѣднія же государства: Россія, Пруссія и Австрія никакъ не хотѣли допустить въ дѣла польскія вмѣшательства Франціи. Поэтому онъ всѣ рѣшились поддерживать сына умершаго короля.

Нѣсколько мѣсяцевъ происходило, такъ называемое, безкоролевье или междоцарствіе. Посланники, какъ Франціи, такъ и трехъ сосѣднихъ дворовъ, работали каждый, чтобы пріобрѣсти какъ можно болѣе голосовъ для своихъ кандидатовъ: всѣ они сыпали деньгами; каждый обѣщалъ почетныя должности, выгодныя староства и каштелянства вліятельнымъ лицамъ, которыя, въ свою очередь, дѣлились полученными деньгами съ мелкою шляхтой, угощали ее обѣдами и привлекали обѣщаніями, чтобы въ рѣшительную минуту было какъ можно болѣе голосовъ за кандидата, котораго они взялись поддерживать. Несправедливо, конечно, было бы сказать, что все польское дворянство безъ исключенія дѣйствовало изъ корысти. Примасъ королевства, изъ рода Потоцкихъ, отвергнулъ на примѣръ 100 т. рублей, которые предлагалъ ему русскій посланникъ; были и другіе, подобные ему, но несчастіе состояло въ томъ, что Поляки умѣли только тѣсниться подъ какое-нибудь иностранное знамя, русское или французское, и имѣли, слѣдовательно, для отечества своего въ виду или покровительство Россіи, или покровительство Франціи: такимъ образомъ они сами какъ будто бы признавали, что Польша нуждается въ иностранной поддержкѣ и что она уже не можетъ быть дѣйствительно независимою, истинно-самостоятельною страной.

На избирательномъ сеймѣ большинство голосовъ оказалось за Станислава. Но одинъ изъ знатнѣйшихъ магнатовъ, князь Вишневецкій, объявилъ, что на избраніе это онъ не согласенъ; къ нему присоединилось до 3,000 человекъ, а по закону польскому было достаточно и одного голоса, чтобы сорвать сеймъ и сдѣлать рѣшеніе его недействительнымъ. Это сопротивленіе князя Вишневецкаго показалось, однакоже, крайне оскорбительнымъ остальнымъ лицамъ бывшимъ на сеймѣ, и они провозгласили его измѣнникомъ, а Станислава Лещинскаго объявили королемъ, единогласно избраннымъ; противъ чего, въ свою очередь, протестовалъ Вишневецкій.

Итакъ, по поводу избранія обнаружались двѣ партіи, и слѣдовало ожидать междоусобной войны. Такъ случалось, впрочемъ, при каждомъ избраніи, и иначе быть не могло, потому что для этого избранія тре-

бывалось единогласіе: только тотъ, говорили Поляки, можетъ быть у насъ королемъ, кого всѣ, до послѣдняго шляхтича, желаютъ. Но есть ли на свѣтѣ, можетъ ли даже быть человѣкъ, противъ котораго не нашелъ бы никто ничего возразить изъ числа нѣсколькихъ десятковъ тысячъ людей, — даже если всѣ эти люди дѣйствуютъ по чистой совѣсти и по искреннему своему разумѣнію? Самъ Богъ, говоритъ справедливая русская пословица, на всѣхъ угодить не можетъ. Вотъ почему ни одно избраніе короля въ Польшѣ не проходило и не могло проходить безъ кровополитій и междоусобій. За что же въ настоящемъ случаѣ негодованіе противъ Вишневецкаго было такъ сильно, что его объявило измѣнникомъ? На сеймѣ были увѣрены, что онъ подкупленъ, и что онъ призвалъ русскія войска, которыя въ это время дѣйствительно вступили въ Польшу. Но развѣ большая часть сторонниковъ Станислава не получили денегъ отъ Франціи? и развѣ они не призывали точно также ея войскъ? ихъ точно также ожидали сторонники Франціи, и эти войска прибыли, — только не такъ скоро.

Вишневецкій съ своими приверженцами оставилъ сеймъ, двинулся на встрѣчу русскимъ войскамъ и провозгласилъ королемъ Августа III-го, сына умершаго короля, — а шляхта, бывшая на сеймѣ, разсыпалась по всей странѣ, провозглашая конфедерацію противъ Августа и Русскихъ, которые между тѣмъ, почти безъ сопротивленія, заняли Варшаву. Станиславъ Лещинскій, прибывшій между тѣмъ въ Польшу, успѣшилъ удалиться въ Гданскъ (Данцигъ). Городъ этотъ находится при Балтійскомъ морѣ, и принадлежалъ тогда Польшѣ; туда должны были прибыть на корабляхъ ожидаемыя французскія войска. Русскіе направились къ Данцигу, осадили его, взяли въ плѣнъ небольшой французскій отрядъ, прибывшій на помощь Польшѣ, и наконецъ, послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ упорной обороны, Гданскъ долженъ былъ сдаться графу Миниху. Что же касается до Лещинскаго, то онъ, въ одеждѣ простаго крестьянина, съ величайшими трудами и опасностію, успѣлъ выбраться изъ Гданска въ Пруссію, а оттуда уѣхалъ ко двору своего зятя.

Возведеніе на польскій престолъ Россіею втораго короля сряду, разумѣется, дало новую силу русскому вліянію на дѣла Польши. «Польша управляется не изъ Варшавы, а изъ Петербурга», писалъ одинъ современникъ. Но вмѣстѣ съ усиленіемъ ея вліянія, усиливалось и раздраженіе противъ нея Поляковъ, которое выражалось новыми гоненіями, вызывавшими, въ свою очередь, новыя вмѣшательства со стороны русскаго двора.

Около этого же времени, т. е. чрезъ нѣсколько лѣтъ по вступленіи на престолъ Августа III-го, начинается вмѣшательство въ дѣла Польши другаго ея сосѣда, короля прусскаго. Въ тѣхъ частяхъ Польскаго государства, которыя прилежали къ Пруссіи, издавна жило большое количество Нѣмцевъ; многіе города въ этой мѣстности, по населенію своему, были болѣе нѣмецкими чѣмъ польскими, и когда въ Германіи распространилось лютеранское ученіе, (какъ о томъ было въ своемъ мѣстѣ ска-

зано), то польскіе Нѣмцы приняли это ученіе. Лютеране другихъ частей Польши и особенно Литвы, благодаря усиліямъ іезуитовъ, были мало-по-малу возвращены въ католичество, но жители мѣстностей, примыкавшихъ къ Германіи, продолжали исповѣдывать лютеранскій законъ. На нихъ тоже обрушилось гоненіе католиковъ.

Въ 1724 г. въ богатомъ, торговомъ городѣ Торунѣ совершалась какая-то католическая процессія. Толпа народа собралась смотрѣть на это зрѣлище. Одинъ изъ студентовъ іезуитской коллегіи сталъ принуждать зрителей-лютеранъ стать при этомъ на колѣна; это произвело ссору, а потомъ драку, за которую городское начальство (тоже лютеранское) арестовало обидчика. Узнавъ объ этомъ, вся іезуитская коллегія поднялась и приступила къ городскому начальству, требуя освобожденія своего товарища; въ свою очередь народъ, раздраженный наглостію этого требованія, разбилъ іезуитскую коллегію. Тогда не только іезуиты, но и католики вообще, вся польская шляхта закипѣла негодованіемъ и закричала, что *диссиденты* оскорбляютъ религію. Немедленно отправлена была въ Торунѣ слѣдственная комиссія, которая предала суду 66 чело-вѣкъ, а судъ приговорилъ изъ нихъ 11 къ смерти, предлагая имъ, впрочемъ, помилованіе, если они примутъ латинство, и наложилъ на весь городъ 22 тысячи злотыхъ штрафа.

Происшествіе это надѣлало, въ свое время, много шума въ Европѣ, и лютеранскія державы съ неудовольствіемъ выставили польскому правительству на видъ оскорбленія, которымъ въ его земляхъ подвергаются иновѣрцы. Но представленія эти пріостановили лишь на время гоненія противъ лютеранъ, и въ царствованіе Августа III-го они снова возобновились.

У тогдашняго прусскаго короля былъ сынъ, которому суждено было пріобрѣсть громкую извѣстность, подъ именемъ Фридриха II-го. Будучи еще наслѣднымъ принцемъ, онъ обратилъ вниманіе на то, что прусскія владѣнія съ одной стороны совершенно врѣзались въ польскія. Дѣйствительно, на правомъ берегу Вислы, вдоль Балтійскаго моря и до самаго устья Нѣмана, шла довольно широкая полоса земли, принадлежавшая Пруссіи; между тѣмъ какъ влѣво отъ Вислы находились польскія земли, отдѣлявшія эту прусскую область отъ главныхъ частей Прусскаго королевства. Наслѣдный прусскій принцъ замѣтилъ, что было бы выгодно отрѣзать отъ Польши эту часть ея, раздѣляющую прусскія владѣнія и, сдѣлавшись королемъ, онъ началъ неослабно стремиться къ этой цѣли. Преслѣдованія *диссидентовъ* открыли ему для этого средства. Пріобрѣтя побѣдами своими громкую извѣстность, онъ принялъ на себя покровительствовать своимъ единовѣрцамъ-лютеранамъ вездѣ, гдѣ они въ томъ нуждались. Лютеране польскіе немедленно обратились къ нему; онъ съ своей стороны, приказалъ посланнику своему въ Варшавѣ сдѣлать сильное представленіе въ ихъ пользу, а какъ слова его имѣли большое значеніе во всей Европѣ, то покровительство его оказалось дѣйствительнымъ, и лютеране во всемъ Польскомъ государствѣ радостно подняли голову.

Въ это время въ Россіи царствовала императрица Елисавета. Къ ней, какъ и къ ея предшественникамъ, безпрестанно были обращаемы со стороны православныхъ подданныхъ Польши жалобы и мольбы о защитѣ. Черезъ посланниковъ своихъ, она дѣлала о нихъ представленія въ Варшавѣ, но представленія эти вообще имѣли мало успѣха. Польское правительство обыкновенно отвѣчало, что случай, о которомъ ему представляли, будетъ подвергнутъ строгому изслѣдованію, и дѣло затягивалось, а за тѣмъ очень часто и вовсе забывалось; если же настойчивыя повторенія со стороны обиженныхъ не давали дѣлу забыться, то дѣло поступало въ судъ, а какъ въ судахъ польскихъ исключительно засѣдали шляхтичи-католики, то тяжбы православныхъ весьма рѣдко выигрывались, и, во всякомъ случаѣ, вовлекали ихъ въ огромные расходы.

Въ 1756 г. произошелъ слѣдующій случай; игуменъ виленскаго Свято-Духовскаго монастыря, Оеофанъ Леонтовичъ, со многими православнымъ духовенствомъ, провожалъ покойника; процессія была торжественная, и народа собралось множество. Это обратило на себя вниманіе студентовъ виленской іезуитской коллегіи, которые, собравшись, начали шумѣть, «различныхъ скотовъ голосами кричать,» ругаться надъ нашими обрядами и, наконецъ, швырять грязью въ священниковъ и мірянъ, сопровождавшихъ гробъ. Леонтовичъ поспѣшилъ донести петербургскому синоду объ этомъ омерзительномъ случаѣ. Между русскимъ и польскимъ дворами началась по этому поводу переписка; но какъ въ это время между обоими дворами этими существовалъ тѣсный союзъ, то, для устраненія непріятностей, рѣшено было отозвать Леонтовича изъ Вильны. Это глубоко оскорбило и его, и всѣхъ виленскихъ православныхъ; они ходатайствовали за него у русскаго двора, но не имѣли успѣха. Тогда Леонтовичъ отправился въ Петербургъ и подалъ русскому правительству пространную записку, въ которой объяснялъ плачевное положеніе православныхъ подданныхъ Рѣчи Посполитой и предупреждалъ, что если имъ не будетъ оказано дѣятельнаго покровительства со стороны Россіи, то они будутъ искать защиты у прусскаго короля. Записка Леонтовича была весьма сильно написана, но она не обратила на себя большаго вниманія: тѣсный союзъ съ Польшею еще продолжался.

Свѣтлая мысль почти всегда, однакожь, пробиваетъ себѣ дорогу. Черезъ пять лѣтъ послѣ подачи Леонтовичемъ его записки, вступила на русскій престолъ императрица Екатерина. Надо думать, что записка эта попала ей на глаза, потому что бывшій виленскій игуменъ, проживавшій между тѣмъ безъ всякаго дѣла и значенія въ Кіевѣ, былъ вызванъ въ Москву, гдѣ въ то время находилась государыня по случаю своей коронаціи. Мы увидимъ, что между дѣйствіями ея, въ отношеніи нашихъ единовѣрцевъ въ Польшѣ, и мыслями Леонтовича замѣчается немалое сходство.

Въ то же самое время пріѣзжалъ въ Москву и тогдашній бѣлорусскій епископъ, Георгій Конисскій. Подобно предшественникамъ своимъ, онъ настоятельно требовалъ защиты русскому народу и православной церкви;

православію грозитъ совершенное истребленіе, доносилъ онъ; имя русское скоро вовсе исчезнетъ въ старинныхъ областяхъ русскихъ, если не будутъ приняты рѣшительныя и быстрыя мѣры. Не довольствуясь доношеніями, онъ ѣздилъ къ вліятельнѣйшимъ вельможамъ, былъ у самой императрицы и умолялъ подумать о своихъ братіяхъ по крови и вѣрѣ. Наконецъ въ день коронованія государыни онъ произнесъ рѣчь, въ которой горячо и сильно коснулся того же предмета: «здѣсь, говорилъ онъ, свѣтильникъ вѣры. отъ дней Владиміровыхъ зажженный, блистаетъ доселѣ: у насъ свѣтильникъ оный свѣрѣпствующіе отъ запада вихри во многихъ мѣстахъ совсѣмъ превратили. Здѣсь храмы Господни славословіемъ имени Его свободно гремятъ: у насъ храмы Божіи множайшіе отняты, прочіе опустошены и запечатаны, развѣ совѣ и врановъ гнѣздящихся гласы издаютъ. Здѣсь чѣмъ кто благочестивѣе, тѣмъ и честнѣе: у насъ *благочестивымъ* именоваться въ стыдъ ставятъ; за благочестіе раны, узы, темницы, домовъ разореніе, а нерѣдко и живота лишеніе издревле терпимъ.» Радуюсь однако и мы, продолжалъ краснорѣчивый проповѣдникъ, твоему восшествію на престолъ, «смѣемся и сквозь слезы утѣшаемся», твердо надѣясь, что ты защитишь насъ своимъ покровомъ. Или бо не можешь сего намъ сотворити, или не соблаговолиши? Могла въ немощи (будучи еще великой княгиней), — можешь въ силѣ. Молимъ же ваше императорское величество, не посрами насъ, надежда наша, въ чаяніи нашемъ; спаси насъ десницею твоею и мышцею твоею покрый насъ!»

Такъ взывала къ Россіи братія наша устами своихъ пастырей, и взывала не напрасно. Но прежде чѣмъ приступить къ описанію дальнѣйшихъ событій, намъ надо ознакомиться съ тѣмъ, на что могло въ Польшѣ опереться наше правительство, и съ какой стороны оно могло встрѣтить противодѣйствіе.

Католическое духовенство было все противъ насъ, за самыми рѣдкими развѣ исключеніями. За тѣмъ, противъ насъ же были всѣ тѣ, которые желали тѣснаго союза съ Франціей. Такихъ людей было много. Между характеромъ Французовъ и характеромъ Поляковъ замѣчается большое сходство; эти два народа издавна чувствовали одинъ къ другому расположеніе; кромѣ того, ихъ сближало между собою католическое усердіе; наконецъ, съ того времени какъ Россія начала быстро возвышаться, а Польша падать, французская политика находила полезнымъ поддерживать послѣднюю противъ первой; такъ мы видѣли, что французскій дворъ выставилъ Станислава Лещинскаго противъ кандидата, котораго поддерживала Россія. Самымъ замѣтнымъ лицомъ между партизанами Франціи былъ гетманъ Браницкій. Это былъ старикъ, нѣкогда храбрый, но давно уже за старостью лѣтъ не принимавшійся за саблю; будучи не въ большомъ ладу съ королемъ Августомъ, онъ почти безвыѣздно жилъ въ своемъ Бѣлостокскомъ замкѣ, куда стекались окрестные магнаты и шляхта отвѣдать старыхъ медовъ гостепріимнаго хозяина и, вмѣстѣ съ нимъ, травить литовскихъ вепрей и волковъ; звуки охотничьихъ роговъ, громъ мазурки, звонъ стакановъ не умолкали въ Бѣлостокѣ, и Браницкій, хотя

никогда никакимъ важнымъ подвигомъ не отличившійся, имѣлъ дѣйствительно большое значеніе.

Сторонниками Россіи были, во первыхъ, все православное народонаселеніе, духовенство, крестьяне и отчасти горожане западной Руси и Литвы. Не мало было также на сторонѣ Россіи лицъ и изъ шляхетскаго сословія. Многіе Поляки, хотя и оскорблялись въ душѣ слишкомъ большимъ вліяніемъ Россіи на дѣла Польши, не могли, однакожь, не сознаться, что этому вліянію обязана она прекращеніемъ междоусобной войны во времена Августа II-го, и что при его сынѣ, возведенномъ на престолъ Россіею, Польша наслаждается миромъ. Люди эти понимали также, что если Россія можетъ быть самымъ опаснымъ врагомъ Польши, то она же можетъ быть сильнѣйшимъ ея союзникомъ.

Первыми между людьми, которые разсуждали такимъ образомъ, были два брата Чарторыйскіе. Одинъ изъ нихъ принадлежалъ къ числу самыхъ богатыхъ людей въ Польскомъ государствѣ; обширныя его имѣнія находились и въ самой Польшѣ, и въ Литвѣ, и въ западной Руси; онъ часто объѣзжалъ ихъ и вездѣ, куда ни показывался, окрестная шляхта и даже знать были имъ принимаемы и угощаемы съ царскою пышностью. Братъ его не былъ богатъ, но онъ занималъ одну изъ первыхъ должностей въ государствѣ, и поэтому имѣлъ весьма большое значеніе. Это была, безъ сомнѣнія, самая умная, самая свѣтлая голова въ Польшѣ. Первый, можетъ-быть, между своими соотечественниками, онъ понялъ, что то управленіе, какое существовало тогда въ Польшѣ, грозитъ ей совершенною гибелью; что верховная въ ней власть должна быть усилена и слѣлана, какъ вездѣ, наследственною; что право cadaго шляхтича однимъ своимъ несогласіемъ останавливать рѣшеніе сейма, прерывавшее всѣ сеймы во все 30-лѣтнее царствованіе Августа III, что право это должно быть уничтожено; что гетманы коронный (польскій) и литовскій имѣютъ такую власть и такое огромное значеніе, которыя дѣлаютъ ихъ едва-ли не сильнѣе самого короля; что военныя силы польскія ничтожны; что необходимо оживить ея промышленность и торговлю и усилить ея казну.

Чарторыйскій замышлялъ привести въ исполненіе всѣ эти мысли и, зная, что онъ встрѣтитъ сильное противодѣйствіе со стороны Поляковъ, и особенно тѣхъ, которые были преданы Франціи, искалъ покровительства и поддержки у русскаго двора. Два брата Чарторыйскіе и родственники ихъ, Понятовскіе, были самыми видными и самыми искренними сторонниками Россіи. Радзивиллы, Сапѣги, Масальскіе и нѣкоторые другіе магнаты Литвы, Руси и Польши были также болѣе или менѣе на сторонѣ союза съ Россіей, равно какъ и примасъ, близкое Чарторыйскимъ лицо. Таково было расположеніе умовъ, когда скончался Августъ III. Смерть его произошла отъ удара, слѣдовательно, мгновенно, и поразила какъ русскую императрицу, такъ и Фридриха II. «Не смѣйтесь мнѣ, — писала она своему министру Панину, что я со стула вскочила, какъ получила извѣстіе о кончинѣ короля польскаго: король прусскій изъ-за стола вскочилъ, какъ услышалъ».

Кому быть королемъ въ Польшѣ, вотъ вопросъ, который представился обоимъ сосѣдственнымъ съ Польшею государямъ. Фридрихъ полагалъ, что и Пруссіи, и Россіи слѣдуетъ желать, чтобы польская корона досталась не иностранному принцу, а природному Поляку, потому что такой государь не имѣлъ бы иной поддержки, кромѣ тѣхъ странъ и правительствъ, которыя доставили бы ему корону. Таково же было желаніе многихъ Поляковъ; оно было согласно и съ видами императрицы. Очень естественно, что императрица пожелала видѣть королемъ польскимъ кого-либо изъ членовъ преданной Россіи и вліятельной фамиліи Чарторыйскихъ. Ей былъ лично извѣстенъ родной ихъ племянникъ, графъ Станиславъ Понятовскій. Это былъ молодой человекъ, весьма красивый собою, довольно хорошо образованный, и который бѣольшую часть своей жизни провелъ при дворахъ парижскомъ, лондонскомъ и петербургскомъ, имѣлъ, слѣдовательно, случай сличать управленіе Польшею съ управленіемъ другихъ странъ и могъ произвести въ немъ необходимыя перемѣны подъ руководствомъ своихъ дядей.

Между тѣмъ, еще за нѣсколько времени до смерти Августа III-го, по случаю приближенія сейма, на малыхъ сеймикахъ въ Литвѣ и Польшѣ произошли обыкновенные при этомъ безпорядки. Литовскій гетманъ, князь Радзивиллъ, враждуя съ виленскимъ бискупомъ, княземъ Масальскимъ, напалъ на его дворецъ вооруженною рукою и выгналъ изъ него бискупа. Подобныя же насилія были произведены и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ лицами, враждовавшими противъ Чарторыйскихъ, и имѣвшими цѣлю избрать въ сеймовые послы, въ судебныя и ныя должности, людей противной имъ партіи. Поэтому Чарторыйскіе обратились къ императрицѣ и просили ея защиты. По желанію ихъ, небольшой отрядъ русскихъ войскъ былъ подвинутъ къ границѣ, что подало поводъ къ горькимъ жалобамъ со стороны лицъ противной партіи.

Между тѣмъ наступало время *конвакаційнаго* сейма (*). Гетманы Радзивиллъ и Браницкій прибыли въ Варшаву на этотъ сеймъ съ собственными своими войсками. Это заставило и русскаго посланника ввести въ Варшаву наши войска, что было явнымъ нарушеніемъ правъ Польскаго государства; но какъ государство это управлялось партіями, то нечего и удивляться, что права его были нарушаемы. Радзивиллъ и Браницкій отказались присутствовать на сеймѣ и, съ приверженцами своими, оставили Варшаву.

Этого только и ждали Чарторыйскіе. Такъ какъ на сеймѣ оставались одни ихъ приверженцы, они безъ труда настояли на томъ, чтобы оба гетмана были лишены своихъ должностей и чтобы самое значеніе гетмановъ было ограничено. Это было началомъ тѣхъ преобразованій, которыя они давно задумывали. Въ управленіи казною были введены улуч-

(*) Такъ назывался тотъ сеймъ, который былъ созываемъ немедленно послѣ смерти короля, и на которомъ договаривались, какія условія предложить новому королю.

шенія. Постановлено было, чтобы нѣкоторыя дѣла, по части внутренняго управленія, рѣшались не единогласіемъ, а большинствомъ голосовъ, какъ это принято во всѣхъ странахъ? Благоразумные люди могли радоваться такимъ начинаніямъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ они не могли не чувствовать, что рѣшенія сейма опорочиваются уже тѣмъ самымъ, что онъ находился подъ покровительствомъ иностранныхъ войскъ. Дѣйствительно, сеймъ былъ не свободенъ, и враги Чарторыйскихъ не хотѣли признать его рѣшеній и подчиниться имъ.

Они вооружились и провозгласили конфедерацію. Впрочемъ, войска русскія, собственныя войска Чарторыйскихъ и небольшое количество войскъ, принадлежавшихъ польскому правительству, легко разсѣяли конфедератовъ. Браницкій и Радзивиллъ бѣжали за границу.

Между тѣмъ провозглашенъ былъ избирательный сеймъ. Отсутствіе Браницкаго и Радзивилла и пораженія, понесенныя ихъ приверженцами, дали и здѣсь рѣшительный перевѣсъ партіи Чарторыйскихъ: ихъ племянникъ Станиславъ Августъ Понятовскій былъ избранъ королемъ единогласно.

X.

Ходатайство Екатерины за диссидентовъ. — Новыя гшенія въ Бѣлоруссіи и въ заднѣпровской Украинѣ. — Радомская конфедерація. — Сеймъ 1767 года. — Арестованіе нѣсколькихъ сенаторовъ. — Рѣшеніе диссидентскаго дѣла. — Барская конфедерація. — Волненія между крестьянами заднѣпровской Украины. — Гайдамаки. — Разореніе Балты. — Война съ Турціей. — Прускія и Австрійскія войска вступаютъ въ Польшу. — Похищеніе короля. — Первый раздѣлъ Польши.

Давъ Польшѣ короля, который обязанъ короною Россіи, Екатерина имѣла право надѣяться, что при немъ представленія наши въ пользу православныхъ будутъ имѣть больше успѣха чѣмъ прежде. Въ этой надеждѣ она посовѣтовала Георгію Конисскому ѣхать въ Варшаву и представить лично Станиславу Августу объ утѣсненномъ положеніи своей паствы. Король, по чувству справедливости, желалъ облегчить страданія своихъ православныхъ подданныхъ и разослалъ въ такомъ смыслѣ приказанія духовнымъ и свѣтскимъ начальствамъ; но эти приказанія ни мало не помогли. Тогда Екатерина рѣшилась принять болѣе энергическія мѣры. На сеймъ, который собрался въ Варшавѣ въ 1765 году русскій посланникъ, князь Репнинъ, вмѣстѣ съ прусскимъ посланникомъ, представилъ, что коренные законы Польши даруютъ всѣмъ иновѣрцамъ-христіанамъ, подданнымъ Рѣчи Посполитой, одинаковыя права съ католиками на участіе въ сеймахъ и на занятіе всякихъ должностей; что права эти были неоднократно подтверждены и православнымъ, и лютеранамъ; что торжественные договоры съ Россіей, Пруссіей и нѣкоторыми другими дворами обязываютъ правительство польское къ сохраненію этихъ правъ, но что они постоянно и ежедневно нарушаются къ ущербу единовѣрцевъ Россіи и Пруссіи. Новый король, находя, что эти представленія совершенно справедливы, самъ поддерживалъ ихъ, но одно

упоминаніе то правахъ диссидентовъ, о возможности схизматикамъ засѣдать въ сеймѣ и сенатѣ, быть судьями или воеводами, показалось Полякамъ до того возмутительнымъ, что они обнажили сабли и, въ присутствіи короля, едва не умертвили примаса.

Сеймующіе чины разѣхались и разнесли по всей странѣ неудовольствіе противъ требованій Россіи и Пруссіи и противъ самого короля. Сами Чарторыйскіе, усердно искавшіе до сего времени опоры Россіи, не рѣшились поддерживать ея требованіе о диссидентахъ, которое, однакожь, было въ дѣйствительности вполне справедливо. Встревоженная этимъ, императрица поручила одному изъ проницательнѣйшихъ государственныхъ людей своихъ, Сальдерну, развѣдать на мѣстѣ, отчего происходитъ такое сильное неудовольствіе противъ столь справедливаго, по видимому, требованія; въ чемъ состоитъ желаніе польскаго народа, что нужно сдѣлать для его успокоенія, и обо всемъ этомъ уговориться съ союзникомъ Россіи, королемъ прусскимъ.

Мысль Екатерины II состояла въ томъ, чтобы сдѣлать изъ Польши полезнаго для себя союзника на случай войны съ Турціей, точно также, какъ Пруссія могла ей быть полезна, въ случаѣ войны съ Австріей или какою-либо другою страной. Но Фридрихъ II имѣлъ на Польшу совершенно другіе виды: онъ, какъ мы уже знаемъ, желалъ пріобрѣсть тѣ ея земли, которыя, по берегу Балтійскаго моря, раздѣляли на-двое его собственныя владѣнія. Поэтому, онъ убѣждалъ Сальдерна представить императрицѣ, что она напрасно поддерживаетъ Чарторыйскихъ и вводимыя ими преобразованія, которыя усилятъ Польское государство и могутъ, говорилъ онъ, сдѣлать его опаснымъ для самой Россіи. Замѣчаніе столь знаменитаго и опытнаго политика, какъ Фридрихъ, не могло не обратить на себя вниманіе Екатерины. Ожесточенное сопротивленіе, которое обнаружилось въ Польшѣ при первыхъ словахъ о правахъ диссидентскихъ, давало поводъ думать, что и въ самомъ дѣлѣ, пока Польша имѣетъ какую-нибудь силу, инновѣрцы не найдутъ въ ней справедливости. А между тѣмъ въ Петербургъ ежедневно доходили отъ единовѣрцевъ нашихъ самыя горькія жалобы и самыя настоятельныя требованія защиты.

Въ самомъ дѣлѣ, съ самаго начала шестидесятыхъ годовъ, ревность польскихъ ксендзовъ къ обращенію русскихъ, получила новую силу; снаряжены были особыя комиссіи проповѣдниковъ, или *миссіонеровъ*, которые разѣзжали по всей западной Руси и, гдѣ убѣжденіемъ, а гдѣ обманомъ и силою, отвращали народъ отъ прародительской вѣры. Вотъ, на примѣръ, какъ это происходило въ Могилевѣ. Въ назначенный день крестьяне окрестныхъ деревень были согнаны на базаръ, тамъ роздали мужчинамъ деревянные латинскіе кресты, а женщинамъ какіе-то особливые вѣнички, которые, какъ увѣрялъ проповѣдникъ, предохраняютъ отъ болѣзней грома и пожара. Проповѣдникъ, ставъ на приготовленное для него возвышеніе, началъ доказывать, что вѣра римская лучше греческой, или даже, что она есть единственная благочестивая и христіан-

ская. — «Смотрите, говорилъ онъ, показывая Дѣянія апостольскія: святой апостоль Павелъ ни до кого другаго не писалъ посланій, какъ только до Римлянъ; къ намъ писалъ онъ, а къ вамъ нѣтъ, стало быть мы благочестивые, а вы схизматики. Ваши предки тоже были благочестивые, потому что они были уніятами, а когда царь московскій уничтожилъ унію, то вы всѣ, отставшіе отъ нея, впали въ ересь; вотъ и Филипповцы (раскольники) не признаютъ вашей вѣры, да и какъ признавать ее! восклицалъ проповѣдникъ; я самъ читалъ въ книгахъ русскихъ, въ Москвѣ напечатанныхъ, что Петръ Святый крестилъ Пречистую Дѣву Марію. Какъ такое заблужденіе небеса терпятъ? За то, посмотрите, какъ Богъ отвернулся отъ васъ и отъ вашей церкви: храмы ваши рушатся, попы ваши и монахи нищи, а наши костелы горятъ золотомъ, и у насъ, въ истинной вѣрѣ, сенаторы и королевичи въ монашествахъ суть.»

Такъ говорилъ католическій проповѣдникъ, безстыдно кощунствуя и обманывая темныхъ своихъ слушателей. Онъ лгалъ, говоря что на Руси была унія прежде восточнаго православія; онъ лгалъ, говоря, что поэтому раскольники отдѣлились отъ нашей церкви; онъ лгалъ, будто въ книгахъ, печатаемыхъ въ Москвѣ, говорится, что апостоль Петръ крестилъ Богородицу (*); онъ лгалъ, говоря, что апостоль Павелъ писалъ къ однимъ Римлянамъ: онъ писалъ также и къ Грекамъ (Коринѳянамъ), а во время апостола Павла. Русскихъ еще не было, какъ не было и Поляковъ, какъ не было еще тогда раздѣленія церкви на восточную и западную. Все это такія вещи, которыя знаетъ каждый грамотный ребенокъ, и которыхъ не могъ не знать католическій миссіонеръ. Онъ не ошибался, слѣдовательно, а лгалъ умышленно; онъ, который собралъ народъ для провозглашенія ему божественной истины, для бесѣды съ нимъ отъ имени Бога! Единственное справедливое въ его словахъ было то, что православные попы, чернецы и даже міряне въ западной Россіи были нищіе, что храмы ихъ ветшали и рушились; но за то, что эти храмы, эти попы, чернецы и міряне были приведены въ такое положеніе католиками и Поляками, за то именно и обрушилась на нихъ та страшная кара, о которой мы будемъ сейчасъ говорить.

Бѣлорусскій народъ, издавна придавленный своими панами и латинскими ксендзами, молчалъ, хотя и сопротивлялся еще, сколько могъ, введенію унии: но болѣе сильно воспротивился ей народъ украинскій. Въ то же самое время, какъ въ Могилевѣ и другихъ бѣлорусскихъ городахъ и селеніяхъ начали свои проповѣди католическіе миссіонеры; проповѣдывали они и на Украинѣ; только, такъ какъ тамъ ожидали большаго сопротивленія, то миссіонеровъ сопровождали военныя команды. «Впереди

(*) Всѣ священныя книги, напечатанныя въ Москвѣ, разсматривались предварительно у патріарха или въ синодѣ, а потому невѣроятно, чтобы такая грубая ошибка могла въ нихъ вкрасться. Впрочемъ, еслибъ она и вкралась, то доказывала бы несовершенство нашихъ книжниковъ, а не вѣры нашей.

ѣхали инструкторы и инстигаторы; за ними казаки отъ губернаторовъ и комиссаровъ; позади—отрядъ жолнеровъ полковника Воронича. Мокрицкій (викарій уніятскаго митрополита) указывалъ путь, давалъ ординансы и производилъ судъ; Вороничъ казилъ непокорныхъ. Въ самое непродолжительное время до ста священниковъ было изгнано изъ приходовъ, дома ихъ разорены, имущества разграблены, жены и дѣти преданы на поруганіе или скитались въ ужасной нищетѣ; а тѣхъ изъ нихъ которые попадались въ руки Мокрицкаго, тиранили всячески: остригали имъ волосы, забивали въ колодки и отправляли въ Радомысль; тамъ били ихъ немилосердо, давали по 600 и по 800 ударовъ и, въ тяжелыхъ оковахъ, заставляли тачками возить землю на валъ, или же отправляли на тягчайшую работу въ Кодню и Львовъ.»

Такъ рассказано объ этомъ страшномъ наѣздѣ уніатовъ и католиковъ въ подлинныхъ дѣлахъ, которыя и до сего времени сохраняются въ кіевскихъ архивахъ. Народъ съ ужасомъ разбѣгался, а кому случалось быть захваченнымъ, того тиранили до тѣхъ поръ, пока онъ не изъявлялъ согласія принять унію: били нагайками, приговаривая при каждомъ ударѣ —«се тобі за государыню (Екатерину), се за короля (польскаго), за святѣйшій синодъ, за архіереи и за вся православные христіане»!

Но эти тиранства не прошли даромъ. Изъ числа православныхъ монастырей, на правой сторонѣ Днѣпра, большимъ уваженіемъ пользовался Мотренинскій монастырь, равно какъ и его настоятель Мельхиседекъ Яворскій. Обитель эта находилась въ Чигиринскомъ повѣтѣ, въ мѣстности гористой и лѣсистой, въ которой легко могли находить убѣжище крестьяне, спасающіеся отъ насилій. Мотренинскіе монахи и игуменъ не выдавали ихъ, а потому и прошла о нихъ въ народѣ добрая слава, такъ что не только окрестные жители приходили туда на поклоненіе, но и Запорожцы. Эти послѣдніе дѣлали вклады въ монастырскую казну и проживали тамъ нерѣдко по нѣскольку недѣль сряду.

Уже этого одного было достаточно, чтобы польскія начальства, а также духовенство латинское и уніятское неблагосклонно смотрѣли на Мотренинскій монастырь. Въ 1765 году вознамѣрились отобрать его на унію. У кого было просить защиты? Мельхиседекъ донесъ объ этомъ своему начальству, переяславскому епископу и кіевскому митрополиту, а какъ между тѣмъ прошелъ слухъ, что императрица Екатерина милостиво приняла Георгія Конисскаго, и что ея посланникъ, въ Варшавѣ, настойчиво ходатайствуетъ въ пользу православныхъ, то мотренинскій игуменъ рѣшился лично отправиться въ Москву.

Тамъ, подобно епископу бѣлорусскому, онъ былъ принятъ государынею и какъ ей самой, такъ и приближеннымъ ея, имѣлъ случай раскрыть во всей подробности несносное положеніе русскаго народа, подвластнаго Польшѣ. Императрица дала ему письмо къ польскому королю, котораго Мельхиседекъ лично видѣлъ въ Варшавѣ, и который съ удивленіемъ и негодованіемъ услышалъ о бѣдствіяхъ, претерпѣваемыхъ его украинскими подданными. Онъ велѣлъ немедленно написать къ мѣстнымъ властямъ,

чтобъ они воздержались отъ насилій. Но власти эти такъ мало обращали вниманія на приказанія королевскія, что самъ Мельхиседекъ, возвращаясь съ королевскою грамотой, былъ схваченъ извѣстнымъ уже намъ Мокрицкимъ, посаженъ въ тюрьму и въ теченіи нѣсколькихъ недѣль томился голодомъ. Благодаря, однакожь, крѣпкому сложенію своему, онъ пережилъ эти мученія и возвратился, хотя и полуживой, въ свою обитель (1766 г.).

Очевидно, православіе находилось въ Польскомъ государствѣ при послѣднемъ издыханіи. Все, что называлось русскимъ и православнымъ, подвергалось преслѣдованію, все это искоренялось. Католическое духовенство поставило себѣ задачею обратить весь народъ, населявшій владѣнія Рѣчи Посполитой, въ католиковъ и Поляковъ; оно неблагоклонно смотрѣло даже на уніатовъ, потому что они продолжали именовать себя Русскими, продолжали говорить русскимъ языкомъ и молиться въ храмахъ, построенныхъ по образцу греческихъ. Но могла ли это допустить Россія? Какъ всякій человѣкъ, такъ и всякій народъ сочувствуетъ своему единовѣрцу и своему единокровному; наконецъ, всякій честный человѣкъ и всякій благородный народъ гнушается неправдою и расположенъ помочь угнетенному; если польское правительство не хотѣло или не могло установить правды въ своихъ владѣніяхъ и ограничить заносчивость католическаго духовенства, то дѣло это приходилось взять въ свои руки другимъ правительствамъ. Русскіе государи слишкомъ долго ограничивались въ этомъ отношеніи одними совѣтами и представленіями: православные обитатели западной Руси готовы были, какъ мы видѣли, искать болѣе дѣйствительной защиты у прусскаго короля, къ стыду Россіи.

По всѣмъ этимъ причинамъ императрица Екатерина рѣшилась, наконецъ, такъ или иначе, достигнуть облегченія участи своихъ единовѣрцевъ и единоплеменниковъ. Посолъ ея въ Варшавѣ, князь Репнинъ, былъ человѣкъ молодой, пылкій, отважный, твердый. Будучи знатенъ и богатъ, будучи лично близокъ къ королю и сблизившись со всею польскою знатью, онъ, болѣе нежели кто другой, могъ довести до желаемого конца всякое щекотливое дѣло; но какъ только онъ повелъ рѣчь о возвращеніи диссидентамъ прежнихъ правъ, то увидѣлъ, что добромъ до этого не возможно будетъ достигнуть. Какъ ни рѣшителенъ и твердъ былъ Репнинъ, онъ смутился передъ сопротивленіемъ, которое встрѣтилъ съ перваго шага и представилъ императрицѣ, что не благоразумнѣе ли будетъ предоставить Польское государство своей судьбѣ. Государыня была, однакожь, неизмѣнна; она повелѣла ему возобновить дѣло диссидентовъ на приближавшемся сеймѣ (1766 года), и если представленія ея не будутъ уважены, то образовать изъ диссидентовъ конфедерацію.

Тогда Репнинъ принялся за дѣло съ величайшимъ рвеніемъ и рѣшительностію. Онъ видѣлъ, что ни на короля, ни на Чарторыйскихъ нельзя было надѣяться въ диссидентскомъ дѣлѣ, и потому онъ отвернулся отъ нихъ и обратился къ ихъ противникамъ, къ партіи французской. Эта партія точно также не хотѣла слышать о дарованіи правъ иновѣрцамъ,

но она вмѣстѣ съ тѣмъ негодовала на перемѣны, произведенныя Чарторыйскими въ управленіи государствомъ. Болѣе же всего возмутило эту партію уничтоженіе закона, дававшего каждому Поляку возможность срывать сеймы, заявленіемъ своего единоличнаго несогласія. Репнинъ сблизился съ нѣкоторыми изъ главныхъ противниковъ Чарторыйскихъ и короля, выхлопоталъ дозволеніе возвратиться въ отечество князю Радзивиллу и имѣлъ довольно искусства, чтобъ въ одно и то же время устроить конфедераціи диссидентовъ (какъ православныхъ, такъ и лютеранъ) и горячихъ католиковъ: одни вооружались противъ правительства за свободу своихъ исповѣданій, другіе за свои шляхетскія вольности, и хотя тѣ и другіе взаимно ненавидѣли другъ друга, но благодаря искусству русскаго посланника и враждѣ къ Чарторыйскимъ, они соединились воедино и въ городѣ Радомѣ провозгласили генеральную или общую, повсемѣстную конфедерацію. Говорятъ, что это было сдѣлано изъ страха и съ помощію насилія, потому что въ Радомѣ были введены русскія войска: но много ли могло быть этихъ войскъ? Полкъ или два, а генеральную конфедерацію подписало шестьдесятъ тысячъ человекъ.

Конфедерація эта обнаружила такимъ образомъ всю слабость Польскаго государства, всю разрозненность его дворянства, всю власть, какую можетъ имѣть умный и ловкій человекъ въ этой странѣ! Поляки послѣдніе замѣтили это и возненавидѣли Репнина; одно имя этого знаменитаго человека сдѣлалось имъ ненавистнымъ. Конечно, любить имъ его не за что; но они лучше сдѣлали бы, еслибы, пока еще было время, возненавидѣли свои внутренніе раздоры и устранили причины, которыя раздѣляли Польшу и влекли ее къ гибели. Репнинъ не былъ обязанъ служить Польшѣ; это была обязанность Поляковъ. Репнинъ былъ силенъ ихъ безсиліемъ и неблагоразуміемъ. Когда въ двѣнадцатомъ году Наполеонъ собирался противъ Россіи, онъ также старался поселить въ ней раздоры и тѣмъ облегчить себѣ побѣду; но Россія, напротивъ, крѣпче прежняго слилась въ единую мысль и въ единую волю — и только тѣмъ спасла себя!

Искусство Репнина простерлось до того, что онъ убѣдилъ самаго короля присоединиться къ радомской конфедераціи, и такимъ образомъ всѣ силы Польши направились противъ Чарторыйскихъ. Эта фамилія, такъ долго пользовавшаяся опорой Россіи и ея деньгами, была, слѣдовательно, жестоко наказана за то, что она не поддержала русской политики въ диссидентскомъ дѣлѣ. Конфедераты вступили въ Варшаву, открыли въ ней сеймъ и уничтожили на немъ всѣ постановленія сдѣланныя подъ вліяніемъ Чарторыйскихъ, то есть возстановили власть гетмановъ, и возвратили каждому Поляку право срывать сеймъ однимъ своимъ личнымъ несогласіемъ, и всѣ эти постановленія отдали подъ охрану русской императрицы. Глядя на эту безумную злобу, съ которою конфедераты, называвшіе себя патріотами, уничтожали постановленія, ограждавшія нѣкоторый порядокъ въ Польшѣ, король прусскій долженъ былъ потирать руки отъ удовольствія, потому что онъ, какъ выше сказано, еще съ

самого вступленія на престолъ Екатерины, совѣтовалъ ей поддерживать въ Польшѣ безпорядки.

Но разрушеніе преобразованій, сдѣланныхъ Чарторыйскими, было только половиною задачи, данной князю Репнину: онъ долженъ былъ привести къ концу диссидентское дѣло, т. е. добыть имъ возстановленіе ихъ прежнихъ правъ и поставить эти права и ихъ самихъ подъ защиту Россіи. Если первая половина задачи оказалась довольно легкою, благодаря враждѣ Поляковъ между собою, то вторая половина должна была представить несравненно большія трудности. Въ самомъ дѣлѣ, какъ только Репнинъ заговорилъ съ конфедератами о диссидентахъ, недавніе друзья его и покорные исполнители его воли разомъ отъ него отпрянули. Одинъ изъ значительнѣйшихъ между католическими духовными, Каэтанъ Солтыкъ, бискупъ краковскій, написалъ окружное посланіе къ своей паствѣ, приглашая ее во все продолженіе сейма молиться, а ксендзамъ совершать ежедневныя молебствія, чтобы Духъ Святой помогъ отразить претензіи диссидентовъ.

Подобно Солтыку, смотрѣли на дѣла диссидентовъ все безъ исключенія католическіе епископы, и огромное большинство магнатовъ и шляхты; въ глазахъ каждаго истиннаго Поляка, была одна истинная христіанская вѣра—католическая; все прочія они считали ересью, заблужденіемъ, едва-ли не худшимъ чѣмъ самое невѣріе. Напрасно сыпалъ Репнинъ деньгами, напрасно раздавалъ ихъ и прусскій посланникъ, напрасно оба они убѣждали, ласкали, грозили: сеймъ 1767 года открылся, не предвѣщая ничего добраго; разоженные уже католическія страсти получили новое подстрекательство отъ окружнаго посланія, которое самъ папа счелъ нужнымъ распространить въ Польшѣ. Земскіе послы съѣзжались на сеймъ, какъ на сраженіе, готовые къ смерти, и многіе изъ нихъ обязались предъ своими избирателями лучше идти на все крайности, чѣмъ допустить поруганіе святой вѣры: такъ называли они дарованіе нѣкоторыхъ правъ своимъ согражданамъ—иновѣрцамъ. Репнинъ видѣлъ, что этотъ сеймъ не обойдется безъ страшныхъ волненій, а потому придвинулъ къ Варшавѣ отрядъ русскихъ войскъ, а другимъ войскамъ, стоявшимъ на границѣ, велѣлъ быть готовыми.

23-го сентября, въ самый день открытія сейма, въ палатахъ князя Радзивилла собралось нѣсколько сотъ земскихъ пословъ. Туда же пріѣхалъ папскій посолъ, и сталъ говорить, что святая вѣра погибнетъ, если диссиденты будутъ сравнены въ правахъ своихъ съ католиками, что обязанность всехъ истинныхъ сыновъ отечества и церкви—стоять за вѣру и, если нужно, положить за нее животъ свой.... Собраніе отвѣчало на эти слова слезами, рыданіями, удареніями себя въ грудь и клятвами, что все до единаго готовы скорѣе погибнуть чѣмъ измѣнить вѣрѣ отцовъ своихъ.

Въ эту самую минуту Репнинъ вступилъ въ залу, гдѣ происходило собраніе. Нѣсколько друзей его кинулось къ нему на встрѣчу, убѣждая его возвратиться, ибо, говорили они, собраніе такъ раздражено, что ни

за что ручаться невозможно. Репнинъ однакожь не послушался, и смѣло вступилъ въ залу. Тогда все, что было въ ней, обратилось къ нему, окружило его съ шумомъ и угрозами, гремя саблями и призывая Небо въ свидѣтели, что всѣ до единого готовы пролить кровь за святую вѣру. «Перестаньте кричать! воскликнулъ Репнинъ, а если будете продолжать шумѣть, то и я заведу шумъ, и мой шумъ будетъ громче вашего! Никто не отнимаетъ у васъ права имѣть ревность къ своему закону, продолжалъ Репнинъ; эта ревность конечно похвальна но развѣ кто хочетъ нарушать права католическаго исповѣданія? Если вы подлинно вѣрны своему закону, то должны исполнять его справедливыя предписанія, чтобы никому въ вѣрѣ принужденія не дѣлать.»

Слова Репнина нѣсколько успокоили собраніе, но лишь на минуту. Когда же открылся сеймъ, то Солтыкъ нѣсколькими горячими, раздражающими словами снова довелъ его до изступленія. Тогда Репнинъ рѣшился на самую крутую мѣру. Онъ представилъ королю, что ничего другаго не остается дѣлать, какъ арестовать и выслать нѣсколькихъ главныхъ руководителей сейма. Король согласился, и Солтыкъ, двое графовъ Ржевусскихъ и кіевскій епископъ Залусскій были арестованы и вывезены въ Россію.

Это распоряженіе повергло однихъ въ ужасъ, другихъ въ негодованіе; вмѣстѣ съ тѣмъ, однакожь, сеймъ притихъ. Полагаютъ, что болѣе всего способствовали къ укрощенію сеймующихъ чиновъ угрозы Репнина *открыть имена всѣхъ враговъ и предателей отечества* то есть, людей, получавшихъ деньги отъ Россіи и Пруссіи... Должно думать, что такихъ насчитывалось много! Какъ бы то ни было, но диссидентское дѣло приведено было къ окончанію. Всѣмъ диссидентамъ, къ какому бы христіанскому вѣроисповѣданію они ни принадлежали, если только они были шляхетскаго происхожденія, дарованы были права, равныя правамъ католической шляхты. Запрещалось именовать ихъ еретиками, отступниками и схизматиками, предоставлялось имъ чинить свои церкви и строить новыя; всякіе поборы съ нихъ въ пользу католическихъ церквей запрещены; для управленія церковными дѣлами учреждены какъ православныя, такъ и лютеранскія консисторіи; неправильно отобранныя у нихъ на унию или въ латинство церкви велѣно возвратить, а для разбора споровъ, могшихъ произойти по этому поводу, равно какъ и для всѣхъ споровъ по церковнымъ дѣламъ между католиками и диссидентами, установленъ былъ особый трибуналъ изъ духовныхъ лицъ католическаго и диссидентскихъ исповѣданій. Всѣ эти постановленія, равно какъ и государственные законы Рѣчи Посполитой, отданы подъ покровительство русской императрицы, которая признана ихъ блюстительницею съ которою и заключенъ былъ по этому поводу торжественный договоръ (въ 1768 г.).

Такого полного торжества, такого громаднаго перевѣса надъ Польшею никогда еще не имѣла Россія. Россія не прирѣзывала, правда, ни одного вершка земли, но за то все Польское государство, съ его королемъ и народомъ было въ рукахъ Россіи, и если уже Петръ I, подписывая договоръ

1717 года, писалъ, что Польшѣ *вспыхнуть* нельзя, то тѣмъ болѣе могла это сказать Екатерина. Вѣковой споръ Россіи съ Польшею очевидно приходилъ къ концу.

Но если Польша не была довольно сильна, чтобъ оградить свою безопасность, то въ дворянствѣ ея чувство чести еще было достаточно живо, чтобы страдать отъ того положенія, въ которое страна эта была поставлена. Лица, составлявшія сеймъ 1767 года, разѣхались по своимъ воеводствамъ и повѣтамъ, кто съ тяжелымъ уныніемъ, кто съ горькою ненавистью въ сердцахъ. Имя Репнина не произносилось иначе какъ съ проклятіями; злоба противъ Россіи и императрицы русской обхватила всю католическую часть народонаселенія; въ публичныхъ проповѣдяхъ, въ частныхъ бесѣдахъ, при тайнствѣ исповѣди ксендзы возбуждали ненависть противъ всего, что носитъ имя русское. Люди, которые еще недавно были послушными исполнителями воли Репнина и казались его друзьями, сѣзжались между собою и въ своихъ замкахъ горячо говорили о бѣдствіяхъ своей родины, о необходимости прекратить вліяніе на нее Россіи. Къ несчастію для нихъ, исторія Польши не представляла для этой цѣли иныхъ средствъ, какъ конфедераціи, и другихъ силъ, какъ тѣ, которыя заключались въ толпахъ бурливаго, вѣчно-враждующаго другъ съ другомъ дворянства; поднять народъ, весь народъ, никто и не думалъ. Поэтому, какъ мы увидимъ сейчасъ, усилія Поляковъ къ возвращенію свободы своему отечеству представляютъ много блестящихъ случаевъ, но не приведутъ ни къ чему для нихъ полезному.

Въ февралѣ 1768 года, въ маленькомъ городкѣ Подоліи, Барѣ, съѣхалась часть окрестнаго дворянства и составила конфедерацію съ цѣлю свергнуть русское владычество и уничтожить права, данныя диссидентамъ. Главами ея были одинъ изъ графовъ Потоцкихъ Красинскій и Пулавскій. Извѣстіе объ этой маленькой конфедераціи, какъ молнія, облетѣло Украину, Литву и Польшу. Ксендзы и шляхта вострепнулись и дружно на нее откликнулись; въ короткое время составилось множество конфедераций, которыя вошли въ сношенія съ барскою. Казалось, все Польское государство мгновенно вспыхнетъ, все — отъ одного конца до другаго.

Станиславъ Августъ потребовалъ помощи противъ конфедератовъ у Россіи, такъ какъ она приняла на себя долгъ, охранять спокойствіе Польши. Императрица встревожилась. На дѣло, совершенное Репнинымъ, въ Петербургъ взглянули неблагоприятно; нашли, что онъ слишкомъ натянулъ струны, что онъ былъ слишкомъ крутъ, что оскорблялъ иногда безъ надобности народное чувство Поляковъ. Это было, однакожь, не совсѣмъ справедливо. Репнинъ нѣсколько разъ представлялъ, что данная ему задача опасна и что надобно оставить Польшѣ и нѣкоторое значеніе, и нѣкоторую силу, хотя бы для того только, чтобъ имѣть послушную союзницу, на случай войны съ Турками. За диссидентское дѣло онъ взялся неохотно. Но его готовность идти на уступки встрѣчала, какъ мы видѣли, совершенную неуступчивость со стороны Поляковъ, и онъ *принудилъ* ихъ къ уступкамъ; но и тогда, готовясь подписать трактатъ 1768-го

года, онъ писалъ императрицѣ: «какая слава составить счастье цѣлаго народа, позволивъ ему выйти изъ безпорядка и анархіи (неурядицы)!» Онъ просилъ оставить Польшѣ законъ о сеймахъ, который устанавливалъ для нѣкоторыхъ дѣлъ рѣшеніе большинствомъ, а не единогласіемъ, говоря, что благоразумные люди и въ Польшѣ этого желаютъ. Императрица, съ своей стороны, на донесеніи Репнина надписала: «для чего бы не позволить сосѣдямъ пользоваться нѣкоторымъ порядкомъ, который еще и намъ можетъ иногда въ пользу остаться?»

Для чего и въ самомъ дѣлѣ не сдѣлалось такъ, какъ представлялъ посланикъ и какъ желала государыня? Образъ мыслей Репнина и Екатерины дѣйствительно и представлялъ въ то время истинныя намѣренія русскаго правительства; мы видѣли какъ сильно оно содѣйствовало въ началѣ преобразованіямъ Чарторыйскихъ; но поддерживать неурядицу въ Польшѣ желалъ король прусскій, и Екатерина не могла не сдѣлать нѣкоторыхъ уступокъ единственному своему союзнику. Дальнѣйшія событія приготавливали еще болѣе печальную для Польши развязку.

Въ одномъ изъ обширныхъ имѣній князя Любомірскаго, въ Подоліи, обнаружилось въ 1766 году волненіе крестьянъ, но оно въ то время не имѣло дальнѣйшихъ послѣдствій. Между тѣмъ, мелкія партіи гайдамаковъ, предводимыя по большей части Запоржцами, стали появляться чаще и дѣйствовали тѣмъ успѣшнѣе, чѣмъ болѣе на Украинѣ усиливалось раздраженіе противъ пановъ и католиковъ. Оно сдѣлалось наконецъ чрезвычайно сильнымъ когда, въ началѣ 1768-го года, барскіе конфедераты начали собирать съ украинскихъ крестьянъ деньги и продовольствіе, и когда союзники ихъ, Татары, появясь въ нынѣшней Подоліи, напомнили странѣ бѣдственные времена, когда дикихъ крымцевъ призывалъ Доршенко. Какъ прежде, они уводили въ плѣнъ цѣлыя деревни, жгли и грабили все, что было на ихъ пути.

Въ это же самое время стали замѣчать, что большое число людей, то поодиначкѣ, то небольшими партіями, начало переходить изъ Запорожья за польскую границу. Зачѣмъ они переходили—объяснилось весною, когда человекъ двѣсти слишкомъ Запорожцевъ появились въ имѣніяхъ князя Любомірскаго, и когда нѣсколько десятковъ тысячъ его крестьянъ мгновенно возмутились, какъ вспыхиваетъ порохъ. Экономъ и управляющіе этого магната были перебиты; евреи, арендовавшіе его корчмы и мельницы—перевѣшены, костелы ограблены, а ксендзы во многихъ мѣстахъ были вздернуты на дверяхъ и воротахъ, имѣя съ одной стороны повѣшеннаго еврея, а съ другой—удавленную собаку, съ такою надписью:

Ляхъ, Жидъ и собака
Все вѣра одинака.

Предводителемъ этого возстанія является Максимъ Желѣзнякъ. Онъ былъ Запорожецъ и имѣлъ собственный хуторъ, но въ хуторѣ этомъ его рѣдко видали. Иногда приходилъ онъ въ Сѣчь, но чаще исчезалъ куда-то и пропадалъ по цѣлымъ мѣсяцамъ; въ послѣдствіи открылось, что онъ въ это время гулялъ по польскимъ владѣніямъ то одинъ, то съ

нѣсколькими товарищами, промышляя незаконнымъ промысломъ; а такъ какъ онъ охотно дѣлился легко добытымъ золотомъ съ тѣми, которые давали ему пристанище или оказывали помощь, то у него развелось много пріятелей между крестьянами и бывшими казаками польской Украйны. Извѣстно также, что онъ бывалъ, подобно другимъ Запорожцамъ, и по долгу живалъ въ Мотренинскомъ монастырѣ, игумень котораго былъ, какъ мы уже знаемъ, высоко уважаемъ всѣми православными.

Желѣзнякъ былъ человѣкъ смѣтливый, бывалый, извѣстный между крестьянами; Запорожцы, тайкомъ пробравшіеся чрезъ границу, собрались около него, и гдѣ только ни появлялась ихъ маленькая, удалая кучка крестьяне кидались къ нимъ на встрѣчу, и казаки польскихъ пановъ переходили на ихъ сторону (*).

Возмущеніе разливалось какъ рѣка, прорвавшая плотину. Въ нѣскольکو недѣль оно обхватило всю южную часть нынѣшней Кіевской и Подольскую губерніи. Оно приблизилось наконецъ къ Умани, главному пункту обширныхъ владѣній графовъ Потоцкихъ. Умань была тогда окружена валами, имѣла 32 пушки; ее охраняли нѣсколько сотъ жолнеровъ (солдатъ) и нѣсколько тысячъ казаковъ; но казаки эти оказались ненадежною защитой. Желѣзнякъ имѣлъ между ними много друзей и, между прочимъ, сотника Гонту, казака расторопнаго, храбраго, и котораго управляющій имѣніями Потоцкаго хотѣлъ вывести въ шляхтичи. Какъ только появился Желѣзнякъ съ своими Запорожцами и мѣстными крестьянами передъ Уманью, Гонта со всѣми уманьскими казаками перешелъ къ нему.

Послѣ этого оборонять Умань сдѣлалось уже невозможнымъ. Управляющій, или, какъ Поляки говорили, *губернаторъ*, отворилъ ворота и соглашался отдать все, что имѣеть! онъ и всѣ собравшіеся тамъ окрестные паны, прося только, чтобъ имъ оставлена была жизнь. Казаки вступили въ Умань и не дали пощады никому. Паны, поссессоры, экономы, латинскіе ксендзы, уніятскіе попы, Евреи, все было предано истребленію. Много женщинъ и дѣтей лишено было жизни. Полагаютъ, что при этомъ страшномъ истребленіи было избито болѣе 6,000 человѣкъ.

Мудрено предсказать, чѣмъ кончилось бы это возстаніе украинскихъ крестьянъ, и дѣйствительно не обратилось ли бы оно въ новую хмельничину, еслибъ ему не былъ положенъ предѣлъ русскимъ оружіемъ. По счастью для Польши, недалеко отъ мѣстъ, въ которыхъ злодѣйствовалъ Желѣзнякъ, находились русскія войска: императрица, какъ извѣстно, обѣщала наблюдать за сохраненіемъ въ Польшѣ порядка. Поэтому ея войска немедленно двинулись къ Умани, безъ труда обезоружили Запорожцевъ, украинскихъ казаковъ и крестьянъ, и захватили главныхъ начальниковъ. При этомъ открылось, что Желѣзнякъ возмущалъ крестьянъ

(*) Въ заднѣпровской Украйнѣ казачество, какъ особое войско, было уничтожено. Прежніе казаки, сдѣлавшись подданными польскихъ магнатовъ, считались собственными ихъ казаками.

именемъ императрицы и показывалъ имъ указъ, въ которомъ она будто бы повелѣвала кошевому атаману выслать Желѣзняка съ Запорожцами, чтобы поднять крестьянъ въ польскихъ владѣніяхъ и произвести рѣзню помѣщиковъ, ксендзовъ и Евреевъ. Кѣмъ былъ состряпанъ этотъ указъ— до сихъ поръ неизвѣстно. Поляки были увѣрены, что его сочинилъ Мельхиседекъ, но едва-ли это справедливо, потому что мотренинскій игуменъ былъ человѣкъ высокой нравственности и потому еще, что указъ написанъ довольно безграмотно и, какъ надо думать, человѣкомъ не выдавшимъ царскихъ указовъ (*). Но крестьяне знать этого не могли и, злобясь на своихъ пановъ, на Жидовъ и на ксендзовъ католическихъ и уніятскихъ, охотно исполняли повелѣніе, которое имъ было передано отъ имени императрицы.

Не ранѣе какъ черезъ три мѣсяца послѣ взятія казаками Умани, пришелъ къ ней на помощь коронный гетманъ. Русскій генералъ Кречетниковъ передалъ ему Гонту, а также польскихъ казаковъ и крестьянъ, взятыхъ подъ Уманию; Запорожцевъ же съ Желѣзнякомъ отправилъ за Днѣпръ. Желѣзнякъ былъ наказанъ кнутомъ и сосланъ въ Сибирь, а Гонта и вообще тѣ плѣнники, которые были преданы польскому суду, подверглись страшному наказанію: Гонту мучили сряду двѣ недѣли; сначала, въ теченіе нѣсколькихъ дней, ежедневно вырѣзывали у него по полосѣ кожи; потомъ ежедневно же отсѣкали то руку, то ногу и, наконецъ, у этого обезображенного туловища отрубили голову.

Многимъ изъ главныхъ его сообщниковъ равномерно были отсѣчены головы, руки и ноги; другіе посажены на колъ: иные повѣшены. Нѣсколько сотъ человѣкъ было, такимъ образомъ, истреблено и изувѣчено. Это уже не законъ казнилъ: это потѣшалась ненависть панская. Законъ наказываетъ преступника, удаляетъ его или въ безлюдныя пустыни, или за тюремныя стѣны, чтобъ отнять у него возможность причинять вредъ; наконецъ, въ крайнемъ случаѣ, лишаетъ его жизни; но давно уже во всемъ мірѣ не существуетъ законовъ, по которымъ бы можно было умерщвлять человѣка въ теченіи четырнадцати дней. Пугачевъ былъ великій злодѣй: онъ злодѣйствовалъ почти въ то же время, какъ и Гонта: онъ пролилъ, безъ сомнѣнія, не менѣе крови и, кромѣ того, дерзнулъ называться царскимъ именемъ; но и онъ далеко не подвергся такой мучительной казни, какъ Гонта.

Это возстаніе казаковъ и украинцевъ, извѣстное подъ названіемъ *колієвщини*, надѣлало много хлопотъ Россіи: уже давно, съ самаго вступленія на престолъ короля Станислава, Франція мучила Польшу противъ Россіи, устраивала конфедераціи, присылала имъ деньги и оружіе, отправляла къ нимъ офицеровъ и давала надежды на еще большую помощь.

(*) Въ послѣдствіи былъ распущенъ слухъ, что указъ этотъ дѣйствительно выданъ императрицею; но это не имѣетъ ни малѣйшаго основанія.

Въ то же время, она подбивала и Турцію. Султанъ, котораго увѣрили, что Россія слаба, что всѣ ея войска заняты въ Польшѣ, готовъ былъ бы начать войну, но не находилъ къ этому достаточнаго предлога. И вотъ этотъ предлогъ представился. Партія Запорожцевъ и Украинцевъ, выступивъ изъ Умани, напала на мѣстечко Балту, половина котораго принадлежала Польшѣ, а другая половина Турціи. Казачья вольница, не разбирая границы, ворвалась къ Туркамъ и перебила тамъ нѣсколько человекъ, пожгла ихъ дома и пограбила ихъ имущество. Русское правительство поспѣшило объявить турецкому, что безпорядокъ этотъ произошелъ безъ его вѣдома, что виновники будутъ наказаны, а убытки вознаграждены; но въ Константинополѣ этого не хотѣли слушать: Посланникъ нашъ былъ оскорбленъ и заключенъ въ темницу; а какъ посланникъ представляетъ собою лицо государя и всего народа, то на оскорбленіе, нанесенное ему, государь и народъ не могутъ отвѣчать ничѣмъ инымъ, какъ войною.

Итакъ, въ 1769 году, началась война между Россіей и Турціей. Въ первый годъ не было большихъ успѣховъ ни съ той, ни съ другой стороны, но въ слѣдующемъ году фельдмаршалъ графъ Румянцевъ одержалъ двѣ славныя побѣды при Ларгѣ и Катулѣ, въ то же время корабли наши, выйдя изъ Кронштадта, обогнувъ всю Европу, совершенно истребили турецкій флотъ въ славномъ чесменскомъ бою и произвели возстаніе между православными подданными султана, Греками и Славянами.

Такимъ образомъ лукавая политика Франціи доставила Россіи лишь новую славу, хотя, конечно, слава эта обошлась не безъ потери людей и денегъ; во всякомъ случаѣ, война наша съ Турціей не принесла никакой пользы Полякамъ. Напротивъ, въ то время какъ вниманіе всей Европы было обращено на нашу борьбу съ Турками, прусскій король, безъ шума и не объявляя войны, ввелъ небольшую часть своего войска въ Польшу; когда же польское правительство спросило у него, что означаетъ это вторженіе, онъ объявилъ, что это ничего болѣе какъ мѣра предосторожности противъ чумы, свирѣпствующей въ Польшѣ. Отвѣтъ этотъ былъ не болѣе какъ уловка, потому что чумы въ Польшѣ не было, да еслибъ она и была въ самомъ дѣлѣ, это не давало бы ему права вводить свои войска въ чужое государство. Но въ Польшѣ была сумятица, междоусобная война; Польша не умѣла, не могла оборонить своихъ границъ, а потому ей ничего не оставалось, какъ молчать или безплодно жаловаться, что она и сдѣлала. Польша жаловалась при всѣхъ европейскихъ дворахъ, а король прусскій исподоволь подвигалъ свои войска и довелъ ихъ почти до Варшавы. Что же дѣлалъ французскій король, подававшій надежды на свое заступленіе и помощь? Онъ продолжалъ обнадеживать, и больше ничего. Онъ совѣтовалъ также Полякамъ быть единодушными и совокупить всѣ свои усилія, чтобъ изгнать враговъ изъ отечества. Это былъ добрый совѣтъ, но слишкомъ поздній.

Польское государство имѣло 15 милліоновъ подданныхъ; Поляки счи-

тались народомъ храбрымъ, любящимъ свое отечество и свою свободу; какъ же могло случиться, что они не въ состояніи были дать отпора немногочисленному прусскому отряду и русскимъ войскамъ, которыхъ было не болѣе 20 тысячъ? Войска въ десять разъ сильнѣйшія, нѣсколько лѣтъ послѣ того, наступили на Францію, и Франція восторжествовала надъ ними. Въ незабвенномъ 1812-мъ году полмилліона воиновъ вторглись въ Россію, и Россія принудила ихъ удалиться съ страшною потерей. Почему же не видимъ мы подобнаго въ Польшѣ? Потому что и во Франціи, и въ Россіи противъ внѣшняго врага вставала вся земля; правительство французское и русское шли на непріятеля, окруженные народомъ; шелъ старый и малый, а кто не могъ идти, отдавалъ свою послѣднюю копѣйку. Въ Польшѣ было не то. Она не находила силъ въ самой себѣ: эти силы были разрознены, дворянство ненавидѣло короля, а крестьяне ненавидѣли дворянство. Барская конфедерація объявила короля лишеннымъ престола, а украинскіе крестьяне рѣзали своихъ помѣщиковъ. Гдѣ же была сила Польши? въ помощи, которую обѣщаль французскій король. Но слабъ тотъ человекъ, который надѣется болѣе на сосѣдей чѣмъ на самого себя; безсильно и непрочно то государство, которое разчитываетъ на помощь союзниковъ, а не на силы, любовь и вѣрность народа!

Долго увѣрялъ Поляковъ король французскій, что прусскія войска занимаютъ Польшу безъ дурнаго намѣренія, но долѣе обманываться становилось уже невозможно. Долго тѣшилъ онъ ихъ надеждами на грозную помощь турецкихъ войскъ, но эти войска были разсѣяны; онъ обнадеживалъ ихъ въ искреннемъ расположеніи Австріи, и точно, она выражала имъ свое расположеніе; но вдругъ, безъ всякой основательной причины, ея войска перешли польскую границу и заняли западную часть Галиціи.

Тогда вопль отчаянія раздался между польскимъ шляхетствомъ. Король Станиславъ, которому съ самаго начала ставили въ вину то, что онъ возведенъ на престолъ иностранною державой, и который имѣлъ множество враговъ съ перваго дня своего царствованія, сдѣлался теперь предметомъ ненависти всего дворянства; конфедерація провозгласила его лишеннымъ престола; а какъ объявленіе это не препятствовало ему продолжать жить, и даже довольно весело, въ королевскомъ замкѣ, то нѣсколько отважныхъ заговорщиковъ, подкарауливъ однажды, когда онъ поздно вечеромъ откуда-то возвращался, кинулись на него и похитили его изъ среды самой его столицы. Чтò намѣревались сдѣлать съ нимъ заговорщики, неизвѣстно; но, кажется, что лишить его жизни они не хотѣли. Выбравшись изъ Варшавы, они сбились съ дороги; одинъ за другимъ отъѣзжали они, осматривая окрестность, такъ что наконецъ только одинъ изъ нихъ остался при королѣ. Тогда Станиславъ началъ убѣждать и убѣдилъ его, чтобъ онъ его спасъ. Не подалеку случилась мельница, на которую король и былъ привезенъ; тамъ ему перевязали рану, которая, можетъ-быть нечаянно, была ему нанесена въ голову, и немедленно дали знать о немъ въ Варшаву. Все это случилось такъ бы-

стро, что Станиславъ уже былъ возвращенъ въ свои палаты, прежде чѣмъ вѣсть о его похищеніи успѣла облетѣть весь городъ.

Но вѣсть эта скоро разнеслась по всей Европѣ, и вездѣ, особенно при дворахъ, произвела сильное неудовольствіе. Къ Полякамъ охладѣли даже тѣ правительства, которыя до сего выражали имъ наиболѣе сочувствія. Дѣла конфедератовъ были весьма плохи; на помощь Франціи уже нельзя было надѣяться; Турція принуждена была заботиться о собственномъ спасеніи; дворянство было утомлено, и хотя въ спискахъ конфедерацій числилось до 60 тысячъ человѣкъ, на самомъ дѣлѣ ихъ рѣдко бывало болѣе четырехъ или пяти тысячъ. Но были еще отважные борцы за польскую независимость, о которыхъ нельзя не упомянуть съ уваженіемъ. Таковъ былъ Казиміръ Пулавскій, сынъ одного изъ первыхъ вождей барской конфедераціи; съ горстью преданныхъ себѣ людей, этотъ храбрый молодой человѣкъ носился изъ Украины къ Кракову, изъ Галиціи на Волынь, поддерживая умирающее одушевленіе своихъ соотечественниковъ. Въ Литвѣ составилаь была новая конфедерація подѣ начальствомъ одного изъ князей Огинскихъ, но она была скоро уничтожена быстрымъ ударомъ знаменитаго Суворова, только что начинавшаго тогда рядъ громкихъ своихъ побѣдъ. Польша изнемогала, и сосѣдственныя правительства уже вели переговоры о ея раздѣлѣ.

Король прусскій давно нетерпѣливо ждалъ случая прирѣзать къ своимъ владѣніямъ ту часть Польши, о которой было выше сказано; въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ онъ забрасывалъ объ этомъ рѣчь императрицѣ Екатеринѣ; но русскій дворъ еще колебался: ему казалось достаточнымъ сохранить то вліяніе на дѣла Польши, которое было предоставлено ему трактатомъ 1768 года. Будучи отвлечено турецкою войной и желая скорѣе успокоить Польшу, правительство наше отозвало Репнина, котораго Поляки ненавидѣли, и убѣдило диссидентовъ поступиться нѣкоторыми изъ вновь дарованныхъ имъ правъ. Но Фридрихъ настаивалъ на своемъ; будучи обязанъ заключеннымъ нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ условіемъ, помогать Россіи деньгами въ войнѣ ея противъ Турокъ, онъ объяснялъ, что желаетъ вознагражденія за свои издержки, и вознагражденіе это, онъ хотѣлъ получить на счетъ Польши. Австрія, съ своей стороны, очевидно не намѣревалась возвращать польскихъ земель, занятыхъ ею. Россіи оставалось, слѣдовательно, или дозволить усилиться Пруссіи и Австріи, или послѣдовать ихъ примѣру. Она естественно избрала послѣднее. Въ 1772 г. посланники австрійскій и прусскій вмѣстѣ съ министромъ Екатерины, графомъ Панинымъ, составили договоръ о присоединеніи къ каждой изъ трехъ сосѣдственныхъ державъ нѣкоторой части Польши: Россіи была предоставлена часть Бѣлоруссіи, именно нынѣшняя Витебская и часть Могилевской губерніи; Пруссія пріобрѣтала ту часть Польши, которая раздѣляла прусскія владѣнія, съ довольно большимъ прирѣзкомъ къ югу; Австрія—часть Галиціи и Подоліи.

Объ этомъ рѣшеніи было объявлено польскому правительству, и король Станиславъ былъ приглашенъ созвать сеймъ для утвержденія этого

договора. Тяжело бываетъ каждому народу уступать часть своихъ владѣній, и это должно быть тѣмъ тяжелѣе, чѣмъ болѣе сознаетъ народъ, что онъ не употребилъ всѣхъ силъ, дабы удалить такую печальную крайность. Дворянство польское было поражено разразившимся надъ его родиной ударомъ. Многіе изъ числа выбранныхъ на сеймъ пословъ отравились съ твердымъ намѣреніемъ не соглашаться ни на какія уступки. Нѣкто Корсакъ, отпуская своего сына на сеймъ, сказалъ ему, чтобъ онъ лучше положилъ свою голову, нежели подписалъ униженіе отчизны; но большинство земскихъ пословъ не имѣло этой великодушной рѣшимости. Когда сеймъ собрался, — весьма впрочемъ немногочисленный, — то много было шума, много бречанія саблями, много громкихъ словъ о любви къ отечеству и свободѣ, но всего шесть человѣкъ оставались до конца непреклонными. Сеймъ утвердилъ, такъ называемый, *первый раздѣлъ Польши*.

XI.

Устройство, данное Бѣлоруссіи. — Сестренцевичъ. — Непріязненная Россіи партія Потоцкихъ и др. — Народное движеніе на Волини. — Партія Потоцкихъ пользуется имъ для возбужденія умовъ. — Сеймъ четырехъ-лѣтній. — Конституція 3 мая (1791 г.). — Затруднительное положеніе Польши. — Торговицкая конфедерація. — Вступленіе русскихъ и прусскихъ войскъ. — Второй раздѣлъ (1793). — Гродненскій сеймъ.

«Мы желаемъ, написала Екатерина въ инструкціи губернаторамъ, назначеннымъ въ новоприсоединенныя земли, чтобъ не токмо сіи провинціи силою оружія были намъ покорены, но чтобы сердца людей, въ оныхъ живущихъ, добрымъ, порядочнымъ, правосуднымъ управленіемъ въ Россійской имперіи присвоили, дабы они сами причину имѣли почитать отверженіе свое отъ анархіи (неурядицы) республики польской за первый шагъ къ ихъ благоденствію.» Но, не желая препятствовать тѣмъ, которымъ польская неурядица правилась, оставаться при ней, государыня объявила что она никого не удерживаетъ и назначила для тѣхъ, которые не захотятъ оставаться, срокъ для продажи своихъ имѣній и устройства прочихъ дѣлъ. За то отъ тѣхъ, которые этимъ разрѣшеніемъ не воспользовались, потребована была присяга въ вѣрности и безусловное подчиненіе русскимъ законамъ. Въ управленіи краемъ и въ суды введенъ былъ русскій языкъ, свойственный огромному большинству мѣстнаго населенія. Самоволію пановъ, ихъ явному пренебреженію къ законамъ и къ власти положенъ былъ предѣлъ; конфедераціи сдѣлались болѣе не возможны. И хотя вмѣстѣ съ тѣмъ дворянство потеряло высокоцѣнимое имъ право собираться на сеймики и сеймы для обсужденія мѣстныхъ и государственныхъ дѣлъ, — вообще говоря, оно находило, что порядокъ и безопасность достаточно вознаграждали его за эти права. Крестьяне были подведены подъ общій въ имперіи законъ и зачислены въ крѣпостные. Но эта перемѣна если не улучшила, то едва ли и ухудшила ихъ положенія. Крѣпостное право не увеличило власти надъ

ними помѣщиковъ, которые и прежде не знали въ этомъ отношеніи никакихъ стѣсненій; за то теперь, но крайней мѣрѣ, въ случаѣ неурожая, пожара или иного подобнаго бѣдствія, помѣщикъ былъ обязанъ дать своему крестьянину все необходимое; благосостояніе бѣлорусскаго крестьянина не возрасло, это правда, бѣдность его сдѣлалась притчей во всей остальной Россіи; но онъ проникся, подобно прочимъ русскимъ крѣпостнымъ крестьянамъ, тою мыслью, что и онъ имѣетъ мѣсто въ серіцѣ царевомъ и что когда нибудь царь изречетъ слово, которое расторгнетъ его узы. Переносить свое положеніе терпѣливо его научало духовенство, которое хоть и не мало видѣло еще стѣсненій со стороны инновѣрческаго дворянства, но не опасалось уже наѣздовъ на церкви и поруганія святыни, а потому сдѣлалось вѣрною опорою въ краѣ русской власти и ковчегомъ русской народности.

Что касается до духовенства католическаго, то оно поставлено было императрицею въ надлежащія границы. Не вмѣшиваясь въ дѣла вѣры и предоставляя не только католикамъ, но и Евреямъ свободно ее исповѣдывать, Государыня рѣшилась дать почувствовать ксендзамъ и латинскимъ монахамъ, что они русскіе подданные, и подобно всѣмъ прочимъ, должны подчиняться общему для всѣхъ закону. Имъ не было запрещено признавать папу своимъ духовнымъ главою и принимать его распоряженія; но если эти распоряженія противорѣчили обязанностямъ вѣрно-подданнаго или существовавшимъ въ Россіи законамъ, то правительство не дозволяло ихъ обнародовать,—что и случалось.

Подобныя же мѣры приняты въ настоящее время относительно католическаго духовенства даже въ государствахъ католическихъ. Всѣ правительства поняли, что главенство папы можетъ быть очень опасно какъ для ихъ власти, такъ и для блага управляемыхъ ими народовъ, если ему будетъ предоставленъ хотя малѣйшій поводъ вмѣшиваться въ дѣла мірскія. Но католическое духовенство вообще расположено вмѣшиваться въ эти дѣла, а въ Польшѣ оно пріобрѣло къ этому и привычку. Поэтому необходимо было подчинить его такому человѣку, который былъ бы болѣе преданъ религіи, нежели папѣ и болѣе заботился бы о распространеніи ученія Христова, нежели господства римскаго престола. Такой человѣкъ нашелся; это былъ молодой и просвѣщенный монахъ Сестренцевичъ-Богущъ. Воспользовавшись его честолюбіемъ, Екатерина поставила его въ высокое положеніе архіепископа всей католической паствы въ Россіи, дала ему власти больше чѣмъ ея было у архіепископовъ польскихъ, и онъ вѣрно служилъ Россіи до самой смерти Екатерины; между духовенствомъ же, ему подчиненнымъ, онъ возвысилъ образованіе и нравственность.

Такъ устроена была та часть Польскаго государства, которая отошла къ Россіи; что касается до другой ея части, оставшейся подъ державою Станислава Августа, то казалось, что для него наступаетъ время благодѣтельныхъ перемѣнъ и мирнаго благоденствія. Оно еще заключало не менѣе 10 милліоновъ жителей; доходы его начинали увеличи-

ваться, войско было приведено въ исправное состояніе; рыцарство обнаруживало достаточно благоразумія на сеймахъ. Къ несчастію для нея, одинъ за другимъ умерли оба брата Чарторыйскіе, имѣвшіе большое вліяніе и на короля, своего племянника, и на страну вообще,—люди, которыхъ многіе не любили, но которыхъ однакожь издавна привыкли уважать. Какъ скоро голосъ ихъ замолкъ въ совѣтахъ короля и собраніяхъ рыцарства, первенство осталось за ихъ противниками, которые не имѣли ни ихъ способностей, ни ихъ благоразумія. Чарторыйскіе желали доставить верховной власти болѣе значенія и сдѣлать ее наследственной, какою она была и есть во всѣхъ европейскихъ государствахъ; они желали ограничить самовластіе магнатовъ и завести порядокъ въ государственномъ хозяйствѣ. Всему этому положено было начало въ первые годы послѣ раздѣла; но всему этому не дано было развиваться. Постоянные противники Чарторыйскихъ, Потоцкіе получили теперь первенствующее положеніе и даже успѣли привлечь къ себѣ сына одного изъ Чарторыйскихъ и наследника ихъ несмѣтныхъ богатствъ. Потворствуя дурнымъ страстямъ польскаго дворянства, они возставали противъ всякаго стѣсненія произвола, котораго требуетъ порядокъ и подчиненіе законамъ, и открыли широкое поле интригамъ, склонность къ которымъ, въ послѣднее время, сильно развилась между Поляками. Такъ, напримѣръ, о королѣ, котораго партія Потоцкихъ не терпѣла, распушенъ былъ слухъ, будто онъ подсылалъ къ сестрѣ молодаго Чарторыйскаго княгинѣ Любомірской, съ предложеніемъ отравить своего брата. Всѣ возможные мѣры приняты были, чтобы дать обширную огласку этому дѣлу; о немъ сообщено было иностраннымъ дворамъ, печатано въ газетахъ; Чарторыйскій заказалъ во всѣхъ костелахъ королевства благодарственные молебны. И что же? Назначенное по этому поводу слѣдственная коммисія, между членами которой было нѣсколько враговъ короля, раскрыла, что все это было не что иное, какъ выдумка и клевета! Разсказывая этотъ постыдный случай, одинъ нѣмецкій писатель справедливо удивляется не безнравственности княгини Любомірской и ея брата, не ихъ пріятелямъ, которые свидѣтельствовали за нихъ передъ слѣдствіемъ,—ибо вездѣ есть люди безнравственные, —но тому, что эти безнравственные люди нисколько не потеряли въ общественномъ мнѣніи, когда презрѣнная клевета ихъ была обнаружена. Дѣйствительно, та страна близка уже къ паденію, гдѣ безнравственность не наказывается общественнымъ презрѣніемъ.

Въ это время русская императрица пожелала посѣтить вновь присоединенныя къ Россіи области — Бѣлоруссію и Крымъ. Окруженная нѣсколькими министрами, придворными и иностранными посланниками, она пустилась въ путь въ январѣ 1787 года, была привѣтствуема въ Могилевѣ Георгіемъ Конисскимъ, такъ много сдѣлавшимъ для воссоединенія своей родины съ Россіей, и выждавъ вскрытія Днѣпра въ Кіевѣ, пустилась далѣе въ путь водою. Въ старинномъ казачьемъ городѣ Каневѣ имѣла она свиданіе съ королемъ Станиславомъ. Взаимная помощь была въ это время очень нужна имъ обоимъ. Сдѣлавшись предметомъ не-

нависти сильной партіи, король могъ найти помощь только въ одной русской императрицѣ; Екатерина, съ своей стороны, предвидѣла, что присоединеніе Крыма будетъ причиною войны съ Турціей и потому ей было необходимо обезпечить себѣ, если не помощь Польши, на что нельзя было надѣяться, то по крайней мѣрѣ ея миролюбіе и возможность получать продовольствіе изъ Галиціи и Подоліи для войскъ, наступающихъ на Турцію.

Въ 1787 году, дѣйствительно, Турція объявила Россіи войну, въ которой, противъ насъ, приняла участіе и Швеція. Пруссія и Англія обнаруживали къ намъ крайнее нерасположеніе, а единственный союзникъ нашъ, императоръ германскій Іосифъ II, воевалъ съ Турками неуспѣшно. Успѣхи наши также были при началѣ войны не блестящи. При такомъ положеніи дѣлъ господствовавшая въ Польшѣ партія начала обнаруживать явную непріязнь къ Россіи и, казалось, подготавливала умы къ тому, чтобы примкнуть къ открытымъ нашимъ врагамъ. Слѣдующее обстоятельство довело раздраженіе Поляковъ противъ Россіи до крайнихъ предѣловъ.

Въ началѣ 1789 года въ Луцкѣ распространилась молва, будто тамошніе крестьяне замышляютъ произвести возстаніе, подобное бывшему двадцать лѣтъ тому назадъ на Украинѣ, и что православное и даже уніятское духовенство руководить этимъ замысломъ. Шляхетство всполошилось и немедленно дало знать объ этомъ случаѣ въ Варшаву, гдѣ былъ собранъ сеймъ, а между тѣмъ приняло мѣры къ подавленію предполагаемаго мятежа и къ изслѣдованію самаго дѣла. Началось изслѣдованіе; но слѣдователи заранѣе составили себѣ убѣжденіе, что злодѣйство несомнѣнно, и усилія ихъ направлены не къ раскрытію правды, а къ тому, чтобы во что бы то ни стало найти виновныхъ. Множество крестьянъ, церковниковъ и уніятскихъ священниковъ были подвергнуты самымъ жестокимъ истязаніямъ, чтобы исторгнуть у нихъ признаніе; ловили слова и перетолковывали ихъ. Испуганное шляхетство само сочиняло раздражающіе слухи: то тотъ, то другой день былъ, по словамъ молвы, назначенъ для произведенія всеобщей рѣзни — что, въ свою очередь, побуждало слѣдственную комиссію усиливать розыски, не разбирая средствъ въ отношеніи подозрѣваемыхъ. Нѣсколько человѣкъ было даже предано этою комиссіей казни, которая, такимъ образомъ, присвоила себѣ право суда.

Между тѣмъ никакихъ положительныхъ доказательствъ не было открыто, какъ свидѣлствуютъ нѣкоторые изъ современныхъ польскихъ писателей и какъ призналъ въ послѣдствіи самый сеймъ. Все обвиненіе вертѣлось на томъ, что на Волынь, принадлежавшую Польшѣ, пріѣзжали русскіе купцы и приходили русскіе ходябщики, которые, между прочимъ товаромъ, продавали и ножи. Затѣмъ подхвачено было въ корчмахъ нѣсколько словъ, въ которыхъ крестьяне выражали недовольство своимъ положеніемъ, преданность «императрицѣ» и сочувствіе Гонтѣ, за страданіе котораго, говорила народная молва, его сынъ отплатилъ панамъ, — вотъ и все. Но раздраженные умы Поляковъ привлекли къ этому дѣлу православнаго

Переяславскаго епископа Виктора, который былъ арестованъ и привезенъ въ Варшаву какъ преступникъ. Русскій посланникъ требовалъ его освобожденія, жаловался, что іерархъ и русскій подданный подвергся такому оскорбленію: все это было оставлено безъ вниманія. Мало того: въ посольскій домъ, вездѣ почитаемый неприкосновеннымъ, ворвались жолнеры (солдаты) и схватили находившагося при посольствѣ священника. На сеймѣ варшавскомъ многіе дошли даже до того, что въ торжественномъ засѣданіи прямо выказали, что теперь, какъ и въ 1768 году, возстаніе крестьянъ подготовлено русскою императрицей.

Лица, признанныя волынскою слѣдственною комиссіею виновными, привезены были въ Варшаву и тамъ подвергнуты новымъ допросамъ, изъ которыхъ составленъ были докладъ, представленный сейму. Въ какомъ духѣ составленъ былъ докладъ и вообще ведено слѣдствіе, видно изъ слѣдующаго. Докладъ старался доказать, что болѣе ста лѣтъ всѣ усилія русскаго правительства были направлены къ тому, чтобъ истощить и обезсилить Польшу всевозможными бѣдствіями, и что изъ этой же коварной политики исходитъ и коліевщина, о которой говорится слѣдующими словами:

«Браицкій, гетманъ великій коронный, бывши въ то время ловчимъ короннымъ и генераломъ артиллерійскимъ, усмиривъ сей бунтъ (?) Гонга, Шило, предводители *рѣзи* (рѣзни) уманьской, и прочіе ихъ сообщники по разнымъ Украйны воеводствамъ, — въ русскомъ, волынскомъ, подольскомъ, — казнены; Запорожцы, участвовавшіе въ томъ бунтѣ, охранены Россійскимъ войскомъ отъ наказанія (?), будучи взяты въ Россію. Польша жестокость ихъ понесла, но не видѣла должнаго на нихъ мщенія; въ глазахъ правительства русскаго больше награжденія, нежели наказанія достойными явились тѣ, которые помогали обогреть кровію польскую землю и устлать ее бездыханными трупами; опека Россійская исхитила ихъ изъ рукъ правосудія того края, въ которомъ происходили тѣ злодѣянія. Сіе должно приписать недреманному бдѣнію и осторожности, дабы начальство польское, по призваніи собственныхъ виновниковъ, не уразумѣло перваго и существеннаго побужденія въ бунту. т. е. русскаго правительства. Но неужели таковая осторожность послужила къ оправданію Россіи? Напротивъ того, больше обвиняетъ ее. Запорожцы русскіе суть заводчики бунтовъ, монахи и попы неуніатскіе благословляютъ замыслъ; Россія охразняетъ предводителей отъ наказанія; не токмо защищаетъ, но и чинами награждаетъ (!) Узнавши сіе, можно ли сомнѣваться, откуда вдохновеніе, помощь и покровительство (нынѣшняго) бунта происходитъ?»

Такъ изображалъ коліевщину докладъ, прочитанный предъ представителями цѣлаго государства, напечатанный по распоряженію польскаго правительства, а между тѣмъ въ немъ ложь на каждой строкѣ. Главное скопище казаковъ и крестьянъ, приводившихъ въ ужасъ Подолію и Украйну,

въ 1768 году, находилось подъ Уманью, и оно было обезоружено не Браницкимъ, а русскимъ генераломъ Кречетниковымъ. Запорожцы не «охранены войскомъ російскимъ отъ наказанія,» а, какъ русскіе подданные, подвергнуты наказанію въ Россіи, русскимъ судомъ, по русскимъ законамъ, и конечно, съ нихъ не сдирали, какъ съ Гонты, кожи въ продолженіи двухъ недѣль, ихъ не жгли, и не сажали на колъ, и не истязали страшными мученіями, подобно тому какъ дѣлали въ Польшѣ съ нѣсколькими сотнями тамошнихъ крестьянъ и казаковъ. Какъ ни преступны были Желѣзнякъ, Шило и другіе Запорожцы, но отдавать ихъ на жертву польской расправѣ было бы почти такимъ же безчеловѣчіемъ, какъ и жарить людей, сдирать съ нихъ кожу и т. п. Еслибы польскія войска захватили ихъ, Россія не могла бы ничего возразить, но эта «опека російская» были русскія войска, которыя спасли Польшу отъ страшной опасности, и еще подвержено большому сомнѣнію: обязанъ ли былъ Кречетниковъ выдавать своихъ плѣнныхъ Браницкому, пришедшему слишкомъ три мѣсяца послѣ обезоруженія ихъ русскими войсками. Изъ приказовъ и распоряженій графа Румянцева, нынѣ напечатанныхъ, мы видимъ, что поимка гайдамаковъ производилась русскими войсками въ продолженіе слишкомъ года послѣ освобожденія Умани, то-есть когда уже началась у насъ война съ Турціей и когда каждый солдатъ былъ нуженъ для дѣла болѣе важнаго нежели охраненіе чужихъ помѣщиковъ отъ раздраженныхъ ими мужиковъ; это была услуга, отъ которой Россія имѣла полное право уклониться.

Мы не имѣемъ такихъ точныхъ свѣдѣній о волненіи 1789 года какъ о мятежѣ 1768 года, или коліевщинѣ; но если первый изъ нихъ извращенъ такъ безсовѣстно, можемъ ли вѣрить и вообще тому, что говорится въ докладѣ 1791 года? Мы знаемъ, что манифестъ, приглашавшій Запорожцевъ истреблять Поляковъ и Евреевъ, былъ подложный; не могли не знать этого и лица, писавшія докладъ: можно ли имъ вѣрить въ чемъ-нибудь, когда, зная это, они прямо приписываютъ коліевщину внушенію русскаго правительства? Вѣроятно ли, чтобъ они не постарались извратить слова захваченныхъ на Волинѣ крестьянъ и церковниковъ, когда въ томъ же докладѣ они играютъ словами торжественнаго трактата, заключеннаго между Польшей и Россіей въ 1768 году, напечатаннаго, всѣмъ извѣстнаго? Составитель доклада говоритъ, что послѣ перваго раздѣла императрица Екатерина считала Польшу своею собственностію и въ доказательство указываетъ на то, что въ этомъ трактатѣ она называла своими подданными православныхъ, живущихъ въ Польшѣ. Въ этомъ трактатѣ сказано, что назначается особая коммиссія для разрѣшенія споровъ между православными и уніятами относительно права ихъ на владѣніе нѣкоторыми церквами, для чего «обѣ высокодоговаривающіяся стороны дадутъ обоюднымъ подданнымъ своимъ повелѣнія». Такъ какъ здѣсь рѣчь идетъ о церквахъ, находившихся въ королевствѣ Польскомъ, то слѣдовало сказать, что король даетъ приказаніе своимъ подданнымъ различныхъ исповѣданій; но возможно ли здѣсь пред-

полагать что-нибудь другое, кроме ошибки? Какую цѣль могли бы имѣть русскіе уполномоченные, заключавшіе трактатъ, называть польскихъ подданныхъ русскими подданными? Чтобы приучить ихъ къ мысли о русскомъ подданствѣ? Но та часть трактата, гдѣ говорилось объ «обоюдныхъ подданныхъ», была секретною и не могла быть обнародована; по всѣмъ этимъ причинамъ надо заключать, что составители доклада умышленно писали неправду, злонамѣренно клеветали, съ цѣлю раздражить сеймъ, подобно тому какъ клеветали, распространяя слухъ о намѣреніи короля отравить князя Чарторыйскаго, съ цѣлю возбудить раздраженіе противъ короля. Но если средства, которыми господствующая партія надѣялась достигнуть своей цѣли, были предосудительны и постыдны, то эта цѣль, еслибъ она осуществилась, могла бы принести пользу странѣ. Подобно своимъ предшественникамъ, Чарторыйскимъ, Потоцкіе и господствующая партія видѣли необходимость повсемѣстныхъ и глубокихъ преобразованій. Прежде всего казалось нужнымъ увеличить власть короля, которая была совершенно ничтожна, увеличить государственные доходы и, наконецъ, хоть нѣсколько, возвысить положеніе крестьянъ, которыхъ правительство не имѣло возможности оградить отъ своеволія пановъ, которые поэтому не имѣли ни малѣйшей привязанности къ своему правительству и оставались совершенно равнодушными къ славѣ, чести и даже цѣлости государства. Все это были мысли столько же вѣрныя, сколько достойныя уваженія. Но когда представленъ былъ сейму законъ о крестьянахъ, — онъ произвелъ всеобщее негодованіе и былъ отвергнутъ; когда представленъ былъ законъ объ увеличеніи доходовъ казны, то онъ хотя и былъ принятъ, но дѣйствительное исполненіе было слабо; рѣшеніе объ утвержденіи престолонаслѣдія, которое усилило бы королевскую власть, было отклонено и замѣнено лишь избраніемъ наслѣдника Станиславу; вообще преобразование болѣе совершилось на словахъ, чѣмъ на дѣлѣ. Предположено было, напримѣръ, увеличить армию до 100,000 человекъ, но она никогда не достигла этой цифры. Единственное полезное нововведеніе, принятое сеймомъ, состояло въ томъ, что города были допущены присылать отъ себя пословъ.

Тогда Потоцкіе и король, который мало-по-малу поддался ихъ вліянію, рѣшились совершить преобразование неожиданно, помимо сейма, а именно, когда, по случаю праздниковъ Пасхи, большинство сеймовыхъ пословъ находилось въ своихъ мѣстностяхъ.

Въ понедѣльникъ на Оминой недѣлѣ, 3 мая 1791 года, когда пословъ еще было мало на лицѣ (а именно, лишь 157, между тѣмъ какъ въ отсутствіи было 327), но за то много постороннихъ приверженцевъ Потоцкихъ, въ засѣданіи, которое происходило въ присутствіи короля и придворныхъ, и которому сообщено было какъ можно болѣе торжественности, внесенъ былъ законъ, кореннымъ образомъ преобразовавшій Польское государство и который келейнымъ образомъ составили Потоцкіе и ихъ друзья. Какъ бы заранѣе отвѣчая на протестъ тѣхъ, которые могли бы замѣтить, что столь важное дѣло не должно рѣшаться иначе, какъ въ присутствіи возможно большаго числа пословъ,

собранию было объявлено, что сосѣдственные дворы замышляютъ совершить надъ Польшею вторичный раздѣлъ и что есть извѣстія о близкомъ мирѣ Россіи съ Турціей, изъ чего было выведено заключеніе, что внесенный проектъ одинъ лишь можетъ спасти Польшу и что, слѣдовательно, истинные сыны ея должны принять его немедленно. Король съ своей стороны, возвысивъ голосъ, убѣждалъ собраніе утвердить проектъ немедленно, — или уже будетъ поздно. Если къ этому присоединить, что весь городъ былъ въ движеніи, что толпы мѣщанъ, весьма расположенныхъ къ преобразованію, которое уже расширило права городовъ и обѣщало новыя льготы, окружали замокъ, въ которомъ происходило засѣданіе, провозглашая *виваты* королю и Потоцкимъ, — то намъ сдѣлается понятнымъ безпримѣрное дѣло, что законъ о преобразованіи государственнаго управленія сверху до низу былъ принятъ безъ разсужденій, безъ споровъ, безъ объясненій, во столько времени, сколько было нужно, чтобъ его прочесть.

Изъ этого не слѣдуетъ, однакожъ, заключать, чтобы законъ, внесенный Потоцкими, былъ дурень; онъ производилъ не только въ управленіи, но и въ самомъ устройствѣ Рѣчи Посполитой столько же глубокія, сколько и полезныя преобразованія; открывалъ доступъ въ среду шляхты лицамъ другихъ сословій за успѣхи въ промышленности или другія заслуги, утверждала за королемъ наследственную власть, отмѣняла право каждаго шляхтича разрывать сеймъ выраженіемъ единоличнаго своего неодобренія, наконецъ принимала подъ покровительство закона и крестьянское сословіе. Всѣ эти мѣры были несомнѣнно полезны, — но тѣмъ удивительнѣе, что ихъ пришлось вырывать у сейма, такъ сказать, обманомъ.

Между тѣмъ новый законъ, или *конституція* 3 мая, нарушала условія договора, заключеннаго Польшею въ 1768 году, въ которомъ установлены были основанія государственнаго управленія и отданы подъ охраненіе русской императрицы. Хуже или лучше прежнихъ были эти основанія, — дѣло въ томъ, что конституція 3 мая подавала Россіи поводъ снова вмѣшаться во внутреннія дѣла Польши, и можно было ожидать, что этимъ поводомъ Россія воспользуется, такъ какъ во время сейма оскорбленія сыпались на ея правительство и на Императрицу.

Затрудненія, въ которыя Россія была поставлена, приближались къ концу. Лѣтомъ 1790 года заключенъ былъ миръ со Швеціей, а къ осени 1791 года можно было предвидѣть окончаніе и Турецкой войны. Въ продолженіи трехъ лѣтъ политика наша была очень скромна въ Польшѣ; русскій посланникъ оставался почти безмолвнымъ свидѣтелемъ совершавшихся событій; но это еще не значило, чтобы съ перемѣною обстоятельствъ не перемѣнился и образъ дѣйствій. Еще до заключенія мира съ Турціей императрица говорила, что она можетъ сдѣлать въ Польшѣ все, что захочетъ, что она, впрочемъ, не сдѣлаетъ ни одного шага, не будучи приглашена самими Поляками, но что если ее пригласятъ дѣйствовать противъ партіи Потоцкихъ и примкнувшаго къ нимъ короля, она заставитъ заплатить себѣ за это пособіе Волынью и Подоліей.

Въ концѣ 1791 года заключенъ былъ съ Турціей миръ, — и Польша

увидѣла, что партія Потоцкихъ поставила ее въ крайне опасное положеніе. Издавна уже политическое искусство польскихъ министровъ состояло лишь въ томъ, чтобъ отражать опасность со стороны одной изъ сосѣднихъ державъ союзомъ съ другою. Партія Потоцкихъ, враждуя противъ Россіи, заключила союзъ съ Пруссіей и сильно полагалась на этотъ союзъ. Но цѣль Пруссіи состояла въ томъ, чтобы такъ или иначе, въ уплату ли за услуги, или завоеваніемъ, добыть торговый городъ Гданскъ (Данцигъ). А какъ Поляки не соглашались уступить этотъ городъ, то и дружба къ нимъ Пруссіи охладѣла. Въ Берлинѣ громко заговорили о томъ, чтобы сблизиться съ Россіей и произвести совокупными силами новый раздѣлъ Польши.

Но можетъ-быть вмѣшательства сосѣднихъ дворовъ въ дѣла Польши не послѣдовало бы, еслибы сами Поляки не пригласили ихъ къ тому. Одинъ изъ Потоцкихъ, не раздѣлавшій мнѣнія своихъ однофамильцевъ, графъ Ржевусскій и графъ Браницкій прибыли въ Россію, чтобы просить помощи противъ партіи, составившей конституцію 3 мая. Этотъ ихъ поступокъ и благосклонный пріемъ, встрѣченный ими въ Петербургѣ, были сигналомъ для всѣхъ недовольныхъ; запуганные силою партіи Потоцкихъ, иные молчали и скрывали свое неудовольствіе; теперь они стали громко высказываться, и ихъ оказалось много. Король начиналъ колебаться; но Потоцкіе съ жаромъ готовились дать отпоръ сосѣдямъ; взывали ко всенародному вооруженію; требовали людей и денегъ... Увы, ни деньги, ни люди не являлись! Въмѣсто предположенной съ такимъ единодушнымъ восторгомъ 100-тысячной арміи, едва набрали 45 тысячъ плохо вооруженныхъ и снабженныхъ солдатъ. На улицахъ Варшавы появилось воззваніе, приглашавшее умерщвлять какъ измѣнника всякого, кто осмѣлится говорить противъ конституціи 3 мая; другое объявленіе запрещало подъ страшными угрозами вступать въ какія бы то ни было сношенія съ русскимъ посланникомъ и даже видѣться съ нимъ, — а между тѣмъ въ польской Украинѣ, въ городкѣ Торговицѣ уже составлялась конфедерація подъ покровительствомъ русскихъ войскъ, для ниспроверженія конституціи 3 мая, и множество знатнаго и не знатнаго дворянства стекалось подъ знамя этой конфедераціи!...

Какъ вступленіе русскихъ войскъ, такъ и торговицкая конфедерація случились весною 1792 года, черезъ годъ послѣ принятія конституціи 3 мая. Посланникъ нашъ въ Варшавѣ сообщилъ въ то же времъ польскому правительству, что императрица, обязанная охранять форму правленія, установленную въ 1768 году, не можетъ признать этой конституціи, и согласно приглашенію части польскаго народа, выслала войска свои для содѣйствія торговицкимъ конфедератамъ. Все это мгновенно перемѣнило настроеніе умовъ и въ самой Варшавѣ. О сопротивленіи рѣдко кто рѣшался говорить. Напротивъ, громко раздавались жалобы на тѣхъ, кто накликалъ настоящую опасность, и громко требовали мира. Король, котораго сеймъ уполномочилъ сдѣлать императрицѣ мирныя предложенія, писалъ между прочимъ: «здѣсь теперь произошла такая перемѣна въ

образъ мыслей, что дѣлаемая вамъ чрезъ меня предложенія принимаютъ, можетъ-быть, съ бѣльшимъ восторгомъ, чѣмъ все совершенное на этомъ сеймѣ».

Потоцкіе и ихъ пріатели однако старались еще возбудить народное чувство и для этого прибѣгли къ средству, къ которому прибѣгали уже нерѣдко: распустили слухъ, будто Турки и Татары снова начали войну съ Россіей и одержали нѣсколько побѣдъ... Но эта жалкая уловка уже не могла пособить. На варшавскихъ улицахъ появились каррикатуры на Потоцкихъ и короля, и въ шутовскомъ тонѣ объявлялось о разрушеніи Польши, и польскія войска почти безъ боя отступали передъ русскими войсками, исключая лишь небольшой отрядъ, бывшій подъ командой храбраго и искуснаго генерала Косцюшко. Между тѣмъ съ западной границы вступило въ Польшу и прусское войско, съ цѣлю, какъ сказано было въ прусскомъ манифестѣ, обуздать безпокойную Рѣчь Посполитую.

Польша была низложена, не оказавъ никакого сопротивленія, и надъ нею былъ совершенъ второй раздѣлъ. Россія предъявила требованія на часть Бѣлоруссіи, остававшуюся еще за Польшей, Волынь и Подолію; новая граница, начинаясь у города Друи, на Двинѣ, должна была проходить чрезъ Молодечно, Несвижъ, Пинскъ и Дубно къ Хотину, гдѣ соприкасались бы Имперіи Русская, Австрійская (Германская) и Турецкая. Такимъ образомъ присоединились бы къ Россіи страны почти исключительно плодородныя и населенныя слишкомъ тремя милліонами, по большей части, Малороссовъ. Къ Пруссіи было въ то же время предположено отрѣзать часть коренной Польши съ торговыми городами Данцигомъ (Гданскомъ) Торунемъ и Познанью, такъ что съ этой стороны граница проходила бы уже недалеко отъ Варшавы. Все Польское королевство послѣ втораго раздѣла заключало бы въ себѣ съ небольшимъ 3 милліона жителей.

Всѣ эти отрѣзки были условлены между русскимъ и прусскимъ правительствами; со стороны Польши ихъ долженъ былъ утвердить сеймъ, который и былъ собранъ весною 1793 года въ Гроднѣ. Этотъ сеймъ представлялъ печальный призракъ прежнихъ сеймовъ. Число пословъ было крайне незначительно и сообразовалось съ ничтожнымъ объемомъ королевства въ его новыхъ границахъ; въ Гроднѣ были расположены русскія войска; отъ пословъ требовалось не обсуждать или рѣшать, а исполнить то, что уже было рѣшено между петербургскимъ и берлинскимъ дворами. Сеймъ представилъ однакожь, болѣе сопротивленія, чѣмъ можно было ожидать. Этому былъ причиною главнѣйше вѣнскій дворъ, который, съ одной стороны, добивался въ Петербургѣ уступки ему Кракова, а съ другой стороны, обнадеживалъ въ Варшавѣ, возможностью помощи государствъ непріязненныхъ къ Россіи и возбуждалъ Поляковъ къ сопротивленію. Король, всегда въ удивительною легкостію переходившій отъ одного образа дѣйствій къ другому, объявилъ сейму, что когда онъ вступалъ въ мирныя сношенія съ императрицей, то имѣлъ удостовѣреніе русскаго посланника въ томъ, что Россія не желаетъ никакихъ пріобрѣ-

теній отъ Польши, такъ что, когда требованія Россіи были предъявлены, они встрѣтили сильное сопротивленіе. Что было дѣлать русскому посланнику? Послать войскамъ распоряженіе, чтобъ они продолжали войну? Но противъ кого же? Никто не сопротивлялся, кромѣ нѣсколькихъ членовъ сейма. Генераль Сиверсъ, (русскій посланникъ), рѣшился употребить насильственные мѣры противъ однихъ этихъ депутатовъ; они были арестованы, послѣ чего сеймъ утвердилъ уступку вышеисчисленныхъ областей, провозгласилъ незаконными всѣ постановленія предшествующаго сейма, отмѣнилъ конституцію 3 мая и назначилъ послать къ императрицѣ депутацію съ просьбою принять на себя, попрежнему, охраненіе уставовъ и самого существованія королевства. За тѣмъ прусскимъ посланникомъ были предъявлены требованія его правительства. Когда это правительство, втянувшее, такъ сказать, Польшу въ настоящее бѣдствіе, возбуждавшее ее противъ Россіи, обнадеживавшее ее своею помощью, явилось теперь, чтобъ участвовать въ раздѣлѣ ея посмертныхъ ризъ, негодованіе собранія не могло быть сдержано даже присутствіемъ вооруженной силы. Прусскій посланникъ былъ осыпанъ горькими упреками, проклятіями и ругательствами. Но судьба Польши должна была совершиться. Прусскій посланникъ настаивалъ, чтобъ его требованія были безусловно исполнены; Сиверсъ поставилъ передъ окнами замка, гдѣ происходилъ сеймъ, два баталіона съ пушками, и объявивъ посламъ, что ихъ не выпустятъ, пока требованіе Пруссіи не будетъ исполнено. Тогда произошло нѣчто очень странное. Кто-то изъ пословъ шепнулъ своимъ собратамъ, что такъ какъ говорить имъ запрещаютъ, то они должны молчать, ничего не возражать, но и ни на что не соглашаться. И дѣйствительно, собраніе вдругъ замолкло, будто вымерло. Прошелъ цѣлый—часъ, послы сидѣли не шевелясь и не разжимая губъ. Наступила ночь, пробило три часа утра,—прежнее гробовое молчаніе!.. Разумѣется, оно не могло продолжаться безконечное время. Одинъ изъ пословъ, находя, что дѣло надо кончить такъ или иначе, рѣшился встать и громко сказалъ, что «молчаніе есть знакъ согласія.» Предсѣдатель или маршалъ спросилъ, не имѣется ли возраженія противъ этого заявленія, и какъ никакого отвѣта не послѣдовало, то онъ объявилъ, что сеймъ соглашается на предложенія Пруссіи.

ХІІ.

Принятіе уніятами православія. — Приготовленія въ Польшѣ къ новому возстанію. — Косцюшко объявленъ диктаторомъ. — Варшавская рѣзня. — Возстаніе принимаетъ революціонный характеръ. — Сраженіе при Мацѣювицахъ.

Finis Poloniae (конецъ Польши).

Болѣе трехъ милліоновъ Русскихъ и старинныя русскія области были, какъ сказано, возвращены въ лоно отечества вторымъ раздѣломъ Польши. Въ томъ стремленіи, которое обнаруживало мѣстное народонаселеніе къ этому воссоединенію, главную роль играло единство вѣры. Бѣлоруссы и Малоруссы надѣялись, что подъ державою православныхъ государей

ихъ уже никто не станетъ принуждать принимать унію или католичество. Между уніятами, которые находились въ областяхъ возвращенныхъ какъ въ 1772, такъ и въ 1793 году, было много такихъ, которые лишь не задолго передъ тѣмъ принуждены были принять унію и которые рады были бы возвратиться къ православію. Да и между старинными уніятами и даже между католиками сохранялось воспоминаніе о томъ, что ихъ предки были православными. По понятію простолудиновъ, католикъ то же что Полякъ, и потому многимъ должно было казаться страннымъ, сдѣлавшись Русскими, оставаться католиками. Стоило только раздаться сильному голосу, и можно было ручаться, что цѣлыя массы уніатовъ и даже католиковъ возвратятся къ исповѣданію своей прародительской вѣры.

Этотъ голосъ не замедлилъ раздаться. Епископъ Викторъ, — тотъ самый, который содержался нѣсколько лѣтъ въ заключеніи по случаю волненій на Волыни, но потомъ освобожденный и сдѣланный минскимъ архіереемъ, написалъ въ 1794 году воззваніе, въ которомъ, между прочимъ, выражался такимъ образомъ:

«Ея Священнѣйшее Величество, Благочестивѣйшая Государыня Императрица Екатерина Вторая, православной церкви покровительница, возвративъ подъ державу свою сей единоплеменный народъ, и промышляя не токмо о временномъ, но и о вѣчномъ его благѣ, соизволила установить для паствы сего словеснаго стада священноначаліе, и насъ избрать къ таковому служенію. Исполняя долгъ пастыря, коему о спасеніи душъ человеческихъ ввѣрено неутомимое попеченіе, и совершая волю помазанницы Господней, приглашаемъ мы гласомъ евангельскимъ всѣхъ и каждаго пола и возраста, въ паствѣ нашей обитающихъ, которыхъ праотцы, отцы, или и сами они лестию и страхомъ отъ благочестія совращены въ унію съ латинами, возвратиться безбоязненно въ объятія православной восточной церкви. Никто же да усумнится въ семъ спасительномъ обращеніи страха ради угрозъ, или лживыхъ разглашеній объ отторженіи ихъ отъ обладанія руссійскаго, пребывая въ полномъ удостовѣреніи, что власть Всевышняго не попуститъ, и никакая рука человеческая не сильна будетъ отъять ихъ отъ соединенія съ прочими единовѣрными, братією ихъ, вѣрно-подданными Ея Императорскаго Величества. Никто же да убоится властей духовныхъ, или мірскихъ римскаго закона, вѣдая, что когда всемилостивѣйшая Государыня наша дозволяетъ иновѣрнымъ свободно исповѣдывать законъ, отъ предковъ каждымъ наслѣдованный, то отнюдь не поуститъ, чтобы кто либо обращающійся въ вѣру православную, въ имперіи ея господствующую, коими же паче тѣ, которыхъ предки, или сами они изъ нѣдръ благочестія коварно и насильственно исторгнуты, малѣйшія обиды или угнетенія претерпѣли. Пастырски увѣщаемъ васъ, заставлялъ архипастырь, возникните, чада церкви, насладитесь свободою православнаго исповѣданія! Имъ воодушевлены были предки ваши, и сами изъ васъ многіе. Гоненіе исчезло, престали обуреванія. Прибѣгните во объятія церкви, матере вашей, да насладитесь тишиною совѣсти, да шествуете путемъ истины, ведущимъ васъ къ состоянію благодати и славы, и да исполняетъ

каждый изъ васъ, при исповѣданіи истинъ православной вѣры, обязательства вѣрности къ Государю и Государству его, тщательно проходя званіе свое.»

Воззваніе минскаго владыки увѣнчалось полнымъ успѣхомъ: болѣе миліона уніатовъ возвратилось къ православію. Значительное число такихъ же отщепенцевъ присоединилось въ слѣдующемъ году въ Бѣлорусскихъ губерніяхъ, закрѣпляя такимъ образомъ религіозными узами связь свою съ Русскимъ народомъ.

А въ Польшѣ между тѣмъ готовились новыя событія. Униженіе, которому она подвергалась, производило всеобщее неописанное раздраженіе, которое сдерживалось только доказанною на дѣлѣ невозможностію поправить дѣло. Нашлось однакожь нѣсколько человѣкъ, которые задумали еще разъ поднять страну. въ надеждѣ возстановить ее. Они стали тайно сноситься съ однимъ изъ Потоцкихъ, (графомъ Игнатіемъ) ушедшимъ за границу, когда Польша положила оружіе, съ Коллонтаемъ и Косцюшкомъ, которые сдѣлались извѣстны въ послѣднее время какъ горячіе патріоты, и также уѣхали за границу. Эти люди, въ то же время, возбуждали варшавское мѣщанство, оказавшее сочувствіе конституціи 3 мая, и чернь, которую всегда легко увлечь. Они запасали оружіе и надѣялись, что возстаніе будетъ на этотъ разъ вполне народнымъ и обхватитъ всѣ части Рѣчи Посполитой, отошедшія къ сосѣднимъ державамъ.

Между тѣмъ послѣдовало распоряженіе о распусcenіи польской арміи. Одинъ начальникъ небольшого отряда, расположеннаго въ нынѣшней Плоцкой губерніи, рѣшился не исполнить этого распоряженія; онъ поднялъ свой отрядъ и кинулся къ сторонѣ Кракова, быстро минуя мѣста расположенія русскихъ и прусскихъ войскъ. Это смѣлое движеніе онъ совершилъ благополучно и нашелъ въ Краковѣ людей, которые находились въ сношеніяхъ съ Косцюшкомъ, а между тѣмъ по дорогѣ онъ соединился съ нѣсколькими другими польскими отрядами, такъ что они вмѣстѣ составили порядочную военную силу. Весной 1794 года, въ Краковѣ провозглашено было всеобщее возстаніе, а Косцюшко — диктаторомъ, или правителемъ съ неограниченною властію. Для разсѣянія этого скопища, которое почитали ничтожнымъ, высланъ былъ русскій отрядъ, но онъ встрѣтилъ силу гораздо болѣшую чѣмъ ожидалъ, и былъ разбитъ. Извѣстіе о провозглашенномъ въ Краковѣ возстаніи и объ успѣхѣхъ надъ русскимъ отрядомъ, мгновенно подняло на ноги Варшаву, въ которой, какъ оказалось, весьма много и всякаго званія людей принимало участіе въ приготовленіяхъ къ возстанію. Не подозрѣвая этого, кругомъ обманутый, начальникъ расположенныхъ тамъ русскихъ войскъ, генералъ Игельстрёмъ, очутился, вмѣстѣ съ своими 10,000 солдатъ, въ большой опасности посреди многолюднаго и взволновавшагося города. Не принявъ никакихъ мѣръ, чтобы вѣрно знать, что вокругъ него происходитъ, онъ принужденъ былъ довѣрять людямъ, которые увѣряли его, что спокойствіе не будетъ нарушено, что ему надо только не дѣлать вида, что онъ тревожится, и не раздражать народа движеніями войскъ, — а между тѣмъ тѣ же самые люди распро-

страняли слухи, будто русскіе солдаты ждутъ только приказанія, чтобы кинутся на безоружныхъ жителей и предать городъ огню и мечу. Въ тоже время въ Варшаву свозилось изъ окрестностей оружіе и приготавлилось въ тайныхъ мастерскихъ. Оставалось назначить лишь день для возстанія.

Выбранный для этого день былъ великій четвергъ. Въ 11 часовъ утра поданъ былъ сигналъ нѣсколькими выстрѣлами. Вооруженныя, сильно возбужденныя толпы хлынули отовсюду; явились и регулярныя войска, про которыя Игельстрёмъ воображалъ, что они распущены по домамъ, какъ было поставлено на гродненскомъ сеймѣ. Домъ генерала Игельстрёма, казармы, гдѣ квартировали русскія войска, были окружены массами вооруженной черни; одинъ русскій баталіонъ былъ захваченъ въ церкви, гдѣ онъ говѣлъ, и такъ какъ при немъ не было оружія, то онъ принужденъ былъ сдаться. Нѣкоторымъ частямъ русскихъ войскъ удалось, вооружась на скоро, выбраться изъ своихъ помѣщеній; но на площадяхъ и улицахъ, вездѣ гдѣ Русскіе появлялись, ихъ осыпали выстрѣлами со всѣхъ сторонъ,—съ крышъ, изъ оконъ. Большая часть изъ нихъ однако успѣли пробиться и выйти изъ Варшавы, но понесъ при этомъ жестокий уронъ.

Варшава ликовала свое освобожденіе. Но въ ней начиналось опасное господство черни. Король нѣсколько разъ подвергался оскорбленіямъ, однажды, когда онъ выѣхалъ было въ одинъ изъ загородныхъ дворцовъ, его попросили возвратиться «чтобы не подавать народу повода думать, будто онъ хочетъ его покинуть». Нѣсколько магнатовъ изъ числа приверженцевъ Россіи были повѣшены разгулявшеюся чернію.

Варшавскія смуты нашли отзывъ въ Сандомирѣ, Люблинѣ, Гроднѣ, Вильнѣ и другихъ мѣстахъ. Тамъ также были издавна люди, которые втайнѣ подготавливали возстаніе и, подобно тому какъ въ Варшавѣ, тамошніе русскіе начальники объ этомъ заблаговременно не знали. Въ Вильнѣ, захваченные врасплохъ, они были съ урономъ вытѣснены изъ города, въ которомъ тотчасъ же провозглашена конституція 3 мая и повѣшено нѣсколько русскихъ приверженцевъ, въ томъ числѣ одинъ бискупъ. Войска польскія, еще не распущенныя, какъ сказано, подъ разными предлогами, потянулись къ Варшавѣ изъ Литвы, съ границъ Волыни и Галиціи, чтобы стать подъ команду Косцюшка. Прибытія въ Варшаву диктатора всѣ ожидали съ нетерпѣніемъ—одни въ надеждѣ, что его появленія будетъ достаточно, чтобы разсѣять непріятелей Польши, другіе для того, чтобы возстановить порядокъ, потому что предводители уличной черни захватили въ это время всю власть въ свои руки и ни спокойствіе, ни имущество, ни самая жизнь гражданъ не были ограждены. Въ Варшавѣ, на примѣръ, господствовалъ нѣкоторое время сапожникъ Килинскій, значеніе котораго было несравненно больше, чѣмъ значеніе короля, находившагося почти въ заключеніи въ своемъ замкѣ.

Между тѣмъ русскія войска, выступивъ, какъ сказано, изъ Варшавы, соединились съ прусскими, которыя спѣшили чтобы подавить возстаніе, Косцюш-

ко кинулся къ нимъ на встрѣчу, но былъ разбитъ. Пруссаки заняли Краковъ. Не надѣясь на успѣхъ въ открытомъ бою, Косцюшко вознамѣрился поднять крестьянъ и сдѣлать войну народною, какою въ послѣдствіи была, на примѣръ, война 1812 года. Это удалось ему, но только отчасти; онъ составилъ нѣсколько баталіоновъ изъ вооруженныхъ крестьянъ, но вообще говоря, крестьяне не принимали участія въ возстаніи, а между тѣмъ рыцарство было оскорблено ласками, которыя диктаторъ оказывалъ *хлопамъ*, и подозрѣвали, что онъ замышляетъ революцію столько же противъ дворянства, сколько и противъ властей русскихъ и прусскихъ: такимъ образомъ, говоритъ извѣстный польскій историкъ Лелевель, вмѣсто энтузіазма царствовали раздоръ и вражда.

Извѣстіе о пораженіи Косцюшка, бывъ получено въ Варшавѣ, произвело тамъ величайшее смятеніе. Многими овладѣла робость. За то другіе поспѣшили сдѣлать воззваніе къ самымъ злымъ страстямъ черни и усилить господство низшихъ классовъ надъ высшими. «Укрѣплять Варшаву и вѣшать измѣнниковъ»—вотъ содержаніе рѣчей, которыя стали обращать къ народу его руководители. И дѣйствительно: у заставы Варшавы стали сооружать укрѣпленія, а на площадяхъ воздвигать висѣлицы. Еще было повѣшено нѣсколько русскихъ приверженцевъ изъ числа магнатовъ, и между прочими еще одинъ епископъ, князь Масальскій. Съ своей стороны, Косцюшко, чтобъ укротить буйство варшавской черни, принужденъ былъ повѣсить нѣсколько челоуѣкъ изъ ея среды.

Среди всего этого волненія и этой неурядицы получено было извѣстіе, что со стороны Вильны и Бреста приближаются русскія войска, и что съ ними слѣдуетъ Суворовъ, памятный своими побѣдами надъ барскими конфедератами. Онъ не замедлилъ заявить о себѣ и теперь пораженіемъ, подъ Брестомъ, одного изъ польскихъ отрядовъ. Косцюшко кинулся было на встрѣчу этому грозному противнику, но на пути своемъ, близъ села Мацѣювицы, онъ встрѣтилъ отрядъ генерала Ферзена (заступившаго мѣсто Игельстрѣма), вступилъ съ нимъ въ бой, потерпѣлъ жестокое пораженіе, и раненый самъ, былъ взятъ въ плѣнъ. Говорятъ, видя всеобщее бѣгство своего войска и истекая кровью отъ раны, онъ произнесъ съ отчаяніемъ: *finis Poloniae* (конецъ Польшѣ)!

Но Игнатій Потоцкій, Коллонтай и нѣкоторые другіе не хотѣли еще сознаться, что конецъ Польши наступилъ. Часть Варшавы, находящаяся по сю сторону Вислы, Прага, была наскоро укрѣплена, и всѣ войска, которыя случились подъ рукой, были стянуты сюда. Во второй половинѣ октября Суворовъ уже былъ недалеко отъ Варшавы, и не имѣя средствъ для осады, да и не любя этотъ продолжительный образъ дѣйствія, онъ вознамѣрился штурмовать ее. Для приготовленій къ этому рѣшительному дѣйствію, Суворову достаточно было трехъ дней. 24 октября онъ повелъ свои колонны на приступъ. Рѣзня была жестокая, но она длилась не болѣе четырехъ часовъ; укрѣпленія были взяты, и дальнѣйшее наступленіе было остановлено лишь пожаромъ Праги, зажженной гранатами.

Тогда лица, начальствовавшія въ Варшавѣ, увидѣли, что Висла не остановитъ побѣдителей. Они прислали къ Суворову предложеніе сдаться и положить оружіе.

Тяжелые дни переживала теперь Польша. Порядокъ и спокойствіе были восстановлены; но всѣ чувствовали, что за наступившею тишиной грянуть новые громы. Всѣ были увѣрены въ неизбежности новаго раздѣла; иные полагали, что Варшава съ небольшимъ округомъ будетъ обращена въ особое маленькое государство, которое получитъ одинъ изъ Русскихъ вельможъ; другіе не ожидали чтобъ и этотъ призракъ Польши былъ оставленъ.

Дѣйствительно, небольшая страна, остававшаяся послѣ 1793 года подъ именемъ Польши, была раздѣлена между Россіей, Пруссіей, и Австріей. Граница Россіи прошла по Бугу и Нѣману, Пруссія пріобрѣла Варшаву и всѣ западныя воеводства до новой русской границы, Австрія—воеводства южныя, до рѣки Пилицы и Буга, такъ что границы Австріи, Пруссіи и Россіи сходились, послѣ третьяго раздѣла Польши, близъ Бреста-Литовскаго. Условія этого раздѣла были подписаны тремя державами въ декабрь 1795 года, и въ нынѣшній разъ не требовалось уже сейма для утвержденія уступокъ. Государство Польское было упразднено, народъ польскій причисленъ къ сосѣдственнымъ народамъ. Король польскій за нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ выѣхавшій въ Гродно, сложилъ тамъ свою корону.

Большая часть земель, пріобрѣтенныхъ Россіей въ 1795 году, составляли Литовское княжество, нѣкогда поглотившее западную Русь; теперь, вмѣстѣ съ западною Русью, оно присоединилось къ Россіи. Кромѣ того къ Россіи возвращалась часть исконныхъ ея земель съ городами Луцкомъ, Владиміромъ-Волынскимъ, Брестомъ, Гродномъ и др.; только Червонная Русь съ Люблинымъ, Красноставомъ, Львовомъ, Перемышлемъ и др. еще оставались отчужденными отъ Россіи: они были предоставлены Австріи. Однако часть этихъ земель вошла въ послѣдствіи въ составъ Царства Польскаго, такъ что въ настоящее время только Львовъ, Перемышль и нѣсколько другихъ городовъ восточной Галиціи, бывшія нѣкогда вотчинами Владиміра святаго и Ярослава, остаются внѣ черты русскихъ владѣній; только жители этой прекрасной страны, простирающейся до Карпатскихъ горъ и до р. Сана, еще не воссоединились съ братіею своею, и австрійское правительство спѣшитъ обращать ихъ насильственными мѣрами въ Поляковъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

I.
Границы древней Руси.—Раздробленіе ея на удѣлы.—Владиміръ Мономахъ.—Вторженіе Татаръ и покореніе ими Россіи.—Литва и Литовское княжество.—Завоеваніе литовскими князьями западныхъ русскихъ княжествъ.—Въ Литву проникають русскій языкъ и восточное православіе.—Литовскій князь Ягелло дѣлается польскимъ королемъ (1386 г.).—Обращеніе Литвы въ католичество. . 3

II.
Русь восточная собирается вторично вокругъ Москвы.—Польша старается тѣснѣе присоединить къ себѣ Литовско-русское вел. княжество.—Городельскій съѣздъ.—Іоаннъ III Московскій.—Наставленіе его своей дочери.—Московская партія въ Литовско-Русскомъ в. княжествѣ.—Люблинскій сеймъ и унія политическая (1569 г.). . 13

III.
Попытки римскихъ папъ ввести латинство въ Россіи.—Церковныя братства въ Западной Руси и Литвѣ.—Іезуиты и ихъ тайный уставъ.—Утѣсненіе православныхъ въ велик. княжествѣ Литовско-русскомъ.—Конфедерація православныхъ и лютеранъ.—Безпорядки въ православной церкви.—Мысли о церковной уніи.—Измѣна епископовъ.—Брестскій соборъ и провозглашеніе уніи церковной (1596.). . 21

IV.
Казаки Донскіе украинскіе и Запорожскіе.—Утѣсненіе Украины.—Наливайко.—Новыя утѣсненія.—Унія распространяется.—Смуты въ Московскомъ царствѣ.—Самозванецъ.—Запись, которую онъ далъ чтобы получить помощь отъ Польши.—Самозванецъ вступаетъ въ Россію.—Москва его принимаетъ.—Низложеніе и смерть Самозванца.—Покушенія короля Сигизмунда на Московскій престоль.—Возстаніе противъ Поляковъ.—Освобожденіе Москвы. . 28

Иосафать Кунцевичъ. — Волненія въ Бѣлоруссіи и на Украинѣ. Тарась Трясило, Павлюкъ, Острица. — Новая утѣсненія. — Іовъ Борецкій бьетъ челомъ Малороссіей царю Михаилу. — Братства и школы поддерживаютъ чувство народности и преданность православію. — Петръ Могила. — Богданъ Хмельницкій. — Ссора его съ Чаилинскимъ. — Хмельницкій подготовляетъ возстаніе. — Желто-Водское побоище. — Пораженіе гетмана Потоцкаго. — Гайдамаки. — Возстаніе проникаетъ въ Бѣлоруссію и Галицкую Русь. — Хмельницкій входитъ въ сношенія съ соседними государями. — Посольство А. Киселя. — Поляки подъ Зборажемъ. — Битва подъ Зборовымъ. — Зборовскій договоръ.

39

VI.

Украинское казачество начало отдѣляться отъ украинскаго народа. — Сношенія Хмельницкаго съ царемъ Алексѣемъ. — Новое возстаніе. — Сраженіе подъ Берестечкомъ. — Успѣхи Потоцкаго и Радзивилла. — Бѣлоцерковскій договоръ. — Переговоръ о принятіи Малороссіи подъ державу московскую. — Рѣшенія московской земской думы и переяславской рады (1654). — Война между Россіей и Польшей. — Отчаянное положеніе Польши. — Противники Россіи. — Лукавство Хмельницкаго. — Его кончина. — Выговскій. — Партія московская и патрія польская. — Гадячскій договоръ. — Измѣна Выговскаго. — Юрій Хмельницкій. — Брюховецкій. — Дорошенко. — Андрусовскій миръ. — Продолженіе неурядицы. — Вторженія Турокъ. — Дорошенко сдается царскимъ воеводамъ. — Самойловичъ избранъ гетманомъ. — Турціи уступается заднѣпровская Украина.

54

VII.

Положеніе Польскаго государства въ XVII вѣкѣ. — Избраніе королемъ Августа Саксонскаго. — Жалкое положеніе православныхъ въ Западной Руси. — Военное управленіе въ Малороссіи. — Друзья и недруги московскіе. — Московскій договоръ 1686 года. — Первый крымскій походъ. — Пожаръ въ степи. — Мазепа. — Низложеніе Самойловича и избраніе Мазепы. — Второй крымскій походъ. — Сношенія Мазепы съ Польшей. — Видъ царя Петра на морскія прибрежья. — Война со Шведами. — Сношеніе Мазепы съ приверженцами Шведскаго короля. — Онъ сносится съ Карломъ XII. — Доносъ Кочубея и его князь. — Интриги Мазепы въ Малороссіи. — Онъ отъѣзжаетъ въ шведскій станъ (1708). — Скоропадскій. — Полтавское сраженіе (1709 г. 27 іюня).

71

III

VIII.

Стран.

Ограниченіе власти гетмановъ вслѣдствіе измѣны Мазепы. —
Учрежденіе малороссійской коллегіи. — Тягости, павшія на Ма-
лороссію. — Партія малороссійскихъ патріотовъ. — Политика царя
въ отношеніи Малороссіи. — Полуботокъ. — Вакансія гетманскаго
достоинства. — Графъ Разумовскій. — Улучшенія въ устройствѣ
края. — Новыя побужденія къ сближенію Малороссіи съ осталь-
ною Россіей. — Окончателное уничтоженіе гетманскаго достоин-
ства (1764). — Введеніе въ Малороссіи крѣпостнаго права и об-
щаго гражданскаго устройства. 87

IX.

Гордѣенко. — Возвращеніе Запорожцевъ. — Отношенія между Рос-
сіей и Польшей: условія Московскаго договора 1686 года; го-
ненія на православіе въ польскихъ владѣніяхъ; жалобы нашихъ
единовѣрцевъ; значеніе договора 1716 года; проектъ совершен-
наго пстребленія православія въ польскихъ владѣніяхъ. — Пре-
обладаніе Россіи при возведеніи на престолъ Августа III. —
Взятіе Гданска. — Гоненіе противъ лютеранъ. — Теофанъ Леонто-
вичъ. — Георгій Конисскій. — Партія Браницкаго и партія Чар-
торыйскихъ. — Смерть Августа III. — Междучарствіе въ Польшѣ. —
Конвокаціонный сеймъ и конфедерація. — Избраніе Станислава
Понятовскаго. 96

X.

Ходатайство Екатерины за диссидентовъ. — Новыя гоненія въ Бѣ-
лоруссіи и въ заднѣпровской Украинѣ. — Радомская конфеде-
рація. — Сеймъ 1767 года. — Арестованіе нѣсколькихъ сенато-
ровъ. — Рѣшеніе диссидентскаго дѣла. — Барская конфедерація. —
Военія между крестьянами заднѣпровской Украины. — Гайда-
маки. — Разореніе Балты. — Война съ Турціей. — Прускія и ав-
стрійскія войска вступаютъ въ Польшу. — Похищеніе короля. —
Первый раздѣлъ Польши. 109

XI.

Устройство, данное Бѣлоруссіи. — Сестренцевичъ. — Непріязненная
Россіи партія Потоцкихъ и др. — Народное движеніе на Волы-
ни. — Партія Потоцкихъ пользуется имъ для возбужденія умовъ. —
Сеймъ четырехъ-лѣтній. — Конституція 3 мая (1791 г.). — Затруд-
нительное положеніе Польши. — Торговицкая конфедерація. —

Вступленіе русскихъ и прусскихъ войскъ. — Второй раздѣлъ
(1793). — Гродненскій сеймъ. 124

XII.

Обращеніе уніатовъ въ православіе. — Приготовленія въ Польшѣ къ новому возстанію. — Косцюшко объявленъ диктаторомъ. — Варшавская рѣзня. — Возстаніе принимаетъ революціонный характеръ. — Сраженіе при Мацѣювицахъ. *Finis Poloniae* (конецъ Польшѣ).

[illegible]

Ščebal'skij, Petr Karlovič,

Raskasii o sapadnoi Russi (Erzählungen vom westl. Rußland.)

Moskwa 1866

Russ. 150 wc

urn:nbn:de:bvb:12-bsb10783464-0